

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 17, № 3 (2018)

**Научный журнал
Издается с 2002 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOLUME 17, № 3 (2018)

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

4 выпуска в год. Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки). Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journals (DOAJ). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать – 18232.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» представляет собой периодическое международное рецензируемое научное издание. Тематическая направленность журнала отражена в его названии, которое предполагает публикацию материалов по истории России от древней до современной эпохи. Цель журнала – способствовать международному сотрудничеству, научному обмену и культурному диалогу исследователей разных стран. В задачи журнала входит ознакомление читателей с новейшими достижениями исторической науки, проведение дискуссий по спорным и малоизученным проблемам отечественной истории, освещение современных методологий и методов исторических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом. Подборка статей в номер определяется тематическими спецрубриками, которые формируются в соответствии с уровнем актуальности проблемы и интересом, вызываемым в международном научном сообществе. Варьирование рубрикаций предоставляет возможность оперативно реагировать на различные волнующие исследователей проблемы российской истории и освещать личные, зачастую взаимоисключающие точки зрения авторитетных и молодых ученых всего мира.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.university.

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published four times a year. Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

“RUDN Journal of Russian History” is an international peer-reviewed scientific serial. The thematic focus of the journal is reflected in its title, which involves the publication of materials on the history of Russia from the ancient to the modern era. The purpose of the journal is to promote international cooperation, scientific exchange and cultural dialogue of researchers from different countries. The journal is aimed at familiarizing readers with the latest achievements of the historical studies, conducting discussions on controversial and understudied problems of Russian history, covering modern methodologies and methods of historical researches, developed both in Russia and abroad. Topical sections are formed in accordance with the relevance of a problem and the interest caused in the international scientific community. Varying the topical sections enables reacting promptly to various problems of Russian history that are of concern to researchers and covering personal, often mutually exclusive, viewpoints of distinguished and young scientists from all over the world.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.university.

Подписано в печать 17.08.2018. Выход в свет 30.08.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 818. Цена свободная

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina_mn@rudn.university)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov_ra@rudn.university)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova_gg@rudn.university)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Голландия*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схимпельпэнник ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хеслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia (moseykina_mn@rudn.university)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia (arslanov_ra@rudn.university)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia (kornoukhova_gg@rudn.university)*

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russian Federation*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *The Institute of History of The Academy of Sciences of The Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirski, *Academic College of Ahva, Israel*

Copy Editor K.V. Zenkin

Computer Design: Yu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ	509
----------------------------	-----

ИСТОРИЯ ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ РОССИИ

Марданова Д.З. Полемика как механизм поиска и утверждения истины (на примере полемики в вопросах ‘акиды между Шигабутдином Марджани и его оппонентами в Поволжье в последней трети XIX в.)	513
Абулханов Н.Б., Набиев Р.А. Отношение к суннитским правовым школам в традициях мусульман Поволжья: «Золотая середина» во взглядах муфтия Галимджана Баруди	538
Адыгамов Р.К. Становление и развитие богословской мысли татар: история и тенденции	551
Непомнящий А.А., Грушецкая В.А. Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В.А. Гордлевского)	581
Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX – XX вв.	608
Субботина А.М. Представительство мусульман в органах самоуправления российских регионов во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Вятской губернии)	639
Дацышен В.Г. Бухарское население Сибири в первое послереволюционное десятилетие	661

СТАТЬИ

Петров В.И. Социально-экономическая характеристика землевладельческого дворянства Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX в.	675
Галимова Ю.Ш. Создание системы стационарной офтальмологической помощи в Уфе в начале XX в.	696
Лукьянова Г.О., Паймакова Е.А. Российско-египетские отношения в аспекте междивизиационного взаимодействия (на английском яз.)	718

НАШИ АВТОРЫ	735
--------------------------	-----

CONTENTS

IN THIS ISSUE 509

HISTORY OF TURKISH-MUSLIM PEOPLES OF RUSSIA

Dinara Z. Mardanova Controversy as a mechanism for search and approval of truth (the case of debate on ‘aqidah between Shihabetdin Marjani and his opponents in the Volga region in the last third of the 19th century) 513

Nail B. Abulhanov, Rinat A. Nabiev “The Golden Mean” in views of mufti Galimjan Barudi: attitude to religious-legal schools in traditions of Russian Muslims 538

Ramil K. Adygamov Formation and development of the theological thought of Tatars: history and trends of development 551

Andrey A. Nepomnyashchy, Viktoriya A. Grushetskaya Craft culture of guild Crimean tatar master of manufacturing traditional leather shoes (on the manuscripts and published materials of V.A. Gordlevsky) 581

Svetlana N. Brezhneva Reflection of acculturation idea in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 20th century 608

Anna M. Subbotina Muslim representatives in self-government of Russian regions in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of Vyatka province) 639

Vladimir G. Datsyshen Siberian bukhharans in the first post-revolutionary decade 661

ARTICLES

Vladimir I. Petrov Socio-economic characteristics of landed nobility of the Middle Volga Region in the second half of 19th – early 20th centuries 675

Yuliya Sh. Galimova Creation of inpatient ophthalmological care system in Ufa in the early 20th century 696

Galina O. Lukyanova, Elena A. Paymakova Russian-Egyptian relations in terms of intercivilizational interaction 718

CONTRIBUTORS TO THIS ISSUE 735

В ЭТОМ НОМЕРЕ**IN THIS ISSUE**

Тематика нового номера посвящена истории тюрко-мусульманских народов, проживавших на территории Российской империи. Отличительной чертой взаимоотношений этих народов с властями России являлась разноконфессиональная направленность. Вхождение и проживание данных этносов в составе православного государства представляет собой неоценимый опыт общения мусульман и православных в пределах одной страны.

Статьи, представленные в номере, касаются истории казанских и крымских татар, башкир, туркестанского населения, сибирских бухарцев.

Номер открывается статьей *Д.З. Мардановой*, посвященной религиозной полемике татарского богослова Ш. Марджани с его оппонентами в последней трети XIX в., на примере которой исследователь демонстрирует реакцию исламских ученых на те изменения, которые претерпевали мусульманские догматы в условиях падения роли Бухары как центра ислама. Показано, как ученые улемы старались адаптировать исламское вероучение к реалиям действительности. Автором убедительно продемонстрировано, что реформа, предлагаемая Ш. Марджани в сфере догматики, отвечала требованиям времени, так как он пытался защитить мусульманское вероучение от возможных нововведений.

К системе взглядов другого татарского религиозного реформатора Галимджанхазрата Баруди обратились казанские исследователи *Н.Б. Абулханов* и *Р.А. Набиев*. Авторами представлены суждения данного богослова о традиционных религиозно-правовых школах, в частности, о ханафитской – самой распространенной среди российских мусульман. Являясь представителем «джадидизма» и создателем новометодной школы «Мухаммадия», Г. Баруди считал возможным отход от многих традиционных постулатов ханафитской школы. Авторами проведен тщательный анализ фетв Г. Баруди, представленных на страницах издаваемого им журнала «Ад-Дин вэ Эль-Адаб», и сделан вывод о довольно умеренном подходе богослова к вопросу следования школе шариатского права – мазхабу. По мнению исследователей, несмотря на незавершенность мусульманской

модернизации, прерванной революциями 1917 г., взгляды Г. Баруди имеют большое значение и востребованы по сегодняшний день.

Сюжет татарского богословия продолжает статья *Р.К. Адыгамова* об истории становления и развития религиозной мысли татар, охватывающая период со второй половины XVIII в. до первой четверти XX в. Данный этап автор считает особенным, поскольку именно тогда началось возрождение татарского богословия, рубежом которого считается издание указа Екатерины II о веротерпимости. Исследователем выделены два основных фактора, способствующих расцвету татарской религиозной идеологии: с одной стороны, следование традициям ислама, а с другой – заимствование реформаторских идей европейских и русских мыслителей, чему способствовало географическое расположение Волго-Уральского региона. Большинство религиозных деятелей, о которых идет речь в статье, были приверженцами ханафитской богословской школы, однако им не были чужды и реформаторские замыслы, поскольку они осознавали и воспринимали изменения, происходившие в Российской империи.

Любопытные данные представлены в статье крымских исследователей *А.А. Непомнящего* и *В.А. Грушецкой*. Речь идет о ремесленной культуре цеховых крымско-татарских мастеров по изготовлению традиционной кожаной обуви. Весьма показательно обращение авторов статьи к научному наследию крупного ученого тюрколога-крымоведа В.А. Гордлевского (1876–1956), большое количество работ которого сохранилось в рукописном виде. Подчеркивая ведущую роль ученого в исследовании поведенческих принципов ремесленной культуры крымских татар, исследователи с сожалением констатируют, что его работы по истории Крыма недостаточно хорошо известны российским историкам. Стремясь восполнить этот пробел, авторы представляют неизвестные работы историка и публикуют некоторые факты его биографии и научной деятельности, позволившие ученому сформировать фундаментальные знания по крымоведению. Следует согласиться с мнением А.А. Непомнящего и В.А. Грушецкой о том, что собранный В.А. Гордлевским материал не утратил своего значения и по сей день. В статье приводятся интересные факты об ассоциациях крымско-татарских цеховых ремесленников в Крыму, которые играли важную роль в регионе. Они превратились в некую корпорацию с собственным статутом о моральном поведении и обрядности.

Переселенческой политике Российской империи в Туркестане, которая рассматривается в контексте аккультурации, посвящена статья *С.Н. Брежневой*. Основания для аккультурации, по мнению автора, заключались в устанавливающихся хозяйственных связях между коренным насе-

лением Туркестана и русскими крестьянами в начальный период переселения. Анализ всего процесса переселения русских в Туркестан позволил исследователю сделать вывод о существовании объективных и субъективных причин, помешавших дальнейшему взаимодействию пришлого и коренного населения. Автор считает переселенческую политику российской администрации несовершенной, в том числе по причине отсутствия правовой базы и четкого плана переселения, что убедительно доказывается репрезентативной источниковой базой исследования.

Статья *А.М. Субботиной* призвана продемонстрировать участие мусульман (татар и башкир) в органах управления российских регионов. На примере Вятской губернии автором с привлечением широкого круга опубликованных источников и архивных материалов убедительно доказано, что мусульмане Российской империи не находились в стороне от происходящих социальных процессов, а являлись их активными участниками. При этом, по утверждению исследователя, на мусульманское представительство оказывал влияние ряд факторов. В их числе названы установленные законодательством правовые нормы, где основную роль играл имущественный ценз. Проведенный автором сравнительный анализ присутствия татар и башкир в разных органах самоуправления края позволил прийти к выводу, что проживание мусульманских народов на какой-либо территории Российской империи еще не гарантировало им равноценного участия в общественном самоуправлении.

Проблемы малочисленной этнокультурной группы, существовавшей на территории Российской империи – сибирских бухарцев – в начале XX в. рассматриваются в статье В.Г. Дацышена. Научным вкладом автора в разработку темы можно считать его заключение об уничтожении бухарских волостей в начале XX века, что привело к массовому оттоку сибирских бухарцев в Турцию, который не остановили и меры советского правительства по улучшению их социально-экономического положения. Автором приводятся малоизвестные факты об «исходе» сибирских бухарцев из Сибири в период первого послереволюционного десятилетия, что наряду с ассимиляцией привело к их полному исчезновению.

Работы всех исследователей, представленные в номере, отражают процессы, происходившие в среде мусульманского населения России на рубеже XIX–XX вв., когда империю охватил системный кризис и она неуклонно двигалась к своему концу. Каждое исследование отличается оригинальностью и вносит неопределимый вклад в заполнение существующих лакун в истории тюрко-мусульманских народов России. Отличаясь высоким научным уровнем и интересным содержанием, статьи, безусловно, вызовут

широкий интерес в сообществе как профессиональных историков, так и тех, кто интересуется историей нашей страны и проживающих на ее территории народов.

Подготовленная спецрубрика журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» отвечает потребностям общества в расширении знаний о мусульманских народах России, их традициях и религиозно-духовных ценностях, отличается широтой тематики, разнообразием мнений и дискуссионным характером.

*Приглашенный редактор рубрики
«История тюрко-мусульманских народов России»
д.и.н., профессор С.Н. Брежнева*

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-513-537

Полемика как механизм поиска и утверждения истины (на примере полемики в вопросах 'акиды между Шигабутдином Марджани и его оппонентами в Поволжье в последней трети XIX в.)

Д.З. Марданова

Институт истории имени Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7
dinara.mardanova@gmail.com

Аннотация: В статье на примере богословского спора в вопросах 'акиды (вероучения) между религиозным ученым, богословом и историком Шигабутдином Марджани (1818–1889) и его оппонентами рассматривается полемика как механизм поиска и утверждения истины. Выступая в качестве одного из возможных ответов татар-мусульман на имперский вызов, религиозная полемика анализируется в свете изменившихся политических, экономических и социальных условий Нового времени, когда через теологические дискуссии о каламе и божественных атрибутах очерчивались новые границы религиозной традиции. В рамках данной проблемы обсуждаются следующие вопросы: 1) полемический жанр в исламском мире; меджлисы как площадки для дискуссий и дебатов мусульман в решении актуальных вопросов интеллектуального, религиозного и социального характера; виды споров – *джадал* и *муназара*; 2) реформирование ислама в конце XIX в. среди мусульман Российской империи; 3) обсуждение образа «истинного» вероучения ('акида) через догматические дискуссии о каламе, мутакаллинах, учении о божественных атрибутах и связи атрибутов с Аллахом; 4) источники вероучения ('акида), границы авторитетности источников; запретные нововведения (*бид'ат*); 5) обвинение в неверии (*такфир*) и границы неверия (*куфр*); 6) возвращение на «прямой путь» через обновление (*таждид*), предполагавшее, с одной стороны, введение в традицию «необходимых» и «истинных» представлений, с другой – отказ от «неактуальных», то есть якобы «неистинных» воззрений; 7) критика Марджани в качестве легитимного участника спора, обновителя ислама (*муджаддид*), богослова и правоведа, способного на иджитihad (*муджтахид*). Изучение полемики как реакции мусульман на имперский вызов в условиях Нового времени позволяет проследить, как мусульманские ученые очерчивали новые границы религиозного учения и благодаря этому адаптировали религиозную традицию к социальным реалиям Российской

империи в последней трети XIX в. и одновременно пересматривали окружающую действительность в свете первоисточников.

Ключевые слова: религиозная полемика, Российская империя, Поволжье, Марджани, Ишми ишан, реформа (ислах), ‘акида, божественные атрибуты

Для цитирования: *Марданова Д.З.* Полемика как механизм поиска и утверждения истины (на примере полемики в вопросах ‘акиды между Шигабутдином Марджани и его оппонентами в Поволжье в последней трети XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 513–537. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-513-537

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Академии наук Республики Татарстан в рамках гранта № 16-105-цГ / 2018. Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за ценные замечания и рекомендации.

Введение

«В споре рождается истина». Все слышали когда-то эту фразу, часто приписываемую Сократу и ставшую «крылатой» для многих «заядлых» спорщиков. Русский философ и логик Сергей Поварнин, заинтересовавшись темой спора, в 1918 г. написал книгу, в которой показал, что спор имеет огромное значение в жизни, науке, в государственных и общественных делах, отсутствие споров о важном и насущном – ведет к застою¹. Каждый неоднократно становился не только свидетелем, но и участником спора и полемики.

Полемика и дискуссии, увлекавшие античных философов, мусульманских, еврейских и христианских теологов-схоластов, в недавнем прошлом привлекли внимание историков, филологов и религиоведов. Так, в 1999 г. вышел сборник статей, посвященный религиозным, философским и литературным диспутам в межджлисах главных политических и религиозных центрах исламского мира². Интересное освещение полемика нашла в статье С. Гриффит, который показал, как через социальный институт межджлисов, служивших площадкой для диспутов и дискуссий, развивался литературный жанр апологетических христианских сочинений на арабском языке. Автор другой статьи В. Бриннер остановилась на внутриеврейской полемике караимов и рабанитов в Каире в 1465 г. в межджлисе, где судейство осуществляли мусульмане³. Продолжением «полемической» темы стал другой сборник, вышед-

¹ *Поварнин С.И.* Искусство спора. Воспроизведено по второму изданию Культурно-просветительного кооперативного товарищества «Начатки знаний». Петроград, 1923.

² *The Majlis: Interreligious Encounters in Medieval Islam (Studies in Arabic Language and Literature)* / Edited by Hava Lazarus-Yafeh, Mark R. Cohen, Sasson Somekh, and Sidney H. Griffith. Wiesbaden, 1999. P. 204.

³ *Griffith S.H.* The Monk in the Emir’s Majalis: Reflections on a Popular Genre of Christian Literary Apologetics in Arabic in the Early Islamic Period // *The Majlis: Interreligious*

ший в 2016 г., авторы которого затронули темы религиозного параллелизма, полемики и межрелигиозного взаимодействия в Иберии и за ее пределами⁴. Г. Вигерс в дискуссиях иберийских мусульман увидел «полемические трансферы», которые через транснациональные научные и религиозные сети оказывали влияние на Северную Европу XVII в. Также автор отметил, что полемические тексты создавали необходимые инструменты для религиозных дискуссий между евреями, христианами, мусульманами. Ключевое влияние грамматики и филологии на переводы Корана в Европе в Средние века и в Новое время, ставшее причиной для начала полемики, получило отражение в статье П. Томмасино⁵. В вышеуказанных исследованиях полемика в основном анализировалась в свете взаимодействия и взаимовлияния трех авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама. На недавней конференции в Кордобе (12–14 апреля 2018 г.) интерес вызвала внутрисламская полемика, послужившая примером внутриконфессиональной полемики в рамках одного дискурсивного поля⁶.

В продолжение полемической темы автором данной статьи предлагается посмотреть на полемику как на механизм поиска и утверждения истины (на примере полемики в вопросах 'акиды между Ш. Марджани и его оппонентами). Подобный ракурс позволит проследить, как мусульманские ученые Поволжья адаптировали вероучение к социальным реалиям жизни в Российской империи на фоне падения престижа Бухары среди мусульман Волго-Уральского региона и постепенной переориентации мусульман со Средней Азии на Российскую империю⁷.

Статья включает восемь смысловых разделов: первый служит небольшим введением в полемический жанр в исламском мире; второй затрагивает проблему реформирования ислама среди мусульман Российской империи; третий посвящен разделу вероучения ('акида), каламу и мута-

Encounters in Medieval Islam (Studies in Arabic Language and Literature) / Edited by Hava Lazarus-Yafeh, Mark R. Cohen, Sasson Somekh, and Sidney H. Griffith. Wiesbaden, 1999; *Brinner W.M.* A Fifteenth-century Karaite-Rabbanite Dispute in Cairo // The Majlis: Interreligious Encounters in Medieval Islam (Studies in Arabic Language and Literature) / Edited by Hava Lazarus-Yafeh, Mark R. Cohen, Sasson Somekh, and Sidney H. Griffith. Wiesbaden, 1999.

⁴ After Conversation: Iberia and the Emergence of Modernity. Leiden, 2016.

⁵ Gerard A. Wiegers. Polemical Transfers: Iberian Muslim Polemics and Their Impact in Northern Europe in the Seventeenth Century; Pier M. Tommasino. Textual Agnogenesis and the Polysemy of the Reader: Early Modern European Readings of Qur'anic Embryology // After Conversation: Iberia and the Emergence of Modernity. Leiden, 2016.

⁶ Patricia Crone Memorial Conference "The Majlis revisited: Inter- and intra-religious and cross-cultural disputations in the Islamic world", 12–14 April 2018, Casa Árabe. Cordoba, 2018.

⁷ Frank A. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, education, and the paradox of Islamic prestige (Brill's Inner Asian Library). Leiden, 2012.

каллимам; четвертый фокусируется на проблеме запретных нововведений (*бид'ат*) в 'акиде; в пятом рассматривается полемика вокруг божественных атрибутов; шестой ставит вопрос об обвинении в неверии (*такфир*) «великих ученых»; седьмой возвращает на «прямой путь» через обновление (*тажидид*); в завершающем, восьмом разделе подводятся итоги исследования.

Полемический жанр

Полемический жанр имеет богатую и долгую историю. По мнению А. Новикоффа, дебаты и диспуты, оказывающие влияние на образ мышления и культуру, достались исламскому, иудейскому и христианскому миру в наследство от античной философской практики⁸. Традиционно площадкой для дискуссий и дебатов мусульман служили межлисы, на которых обсуждались вопросы интеллектуального и религиозного характера. Межлисы посещали правители, на суд публике сюда выносили свое мастерство мыслители, поэты и другие ученые мужи. Широко распространенной практикой времяпровождения были дебаты двух и более участников на религиозные и философские темы. Нередко дебаты выходили за рамки обычного развлечения, превращаясь в горячие дискуссии, часто перераставшие в словесную дуэль и даже конфликт⁹. Со временем для предотвращения конфликтных ситуаций были выработаны собственные правила и манеры поведения, а сама дискуссия разделена на допустимый диспут (*муназара*), целью которого был совместный поиск истины; и запретные дебаты (*джадал*), целью которых было уничтожение оппонента и обличение его ошибок, утверждение собственной точки зрения¹⁰. Для ученых, отрицавших принятые нормы и правила, межлисы становились площадкой для самоутверждения¹¹. В этом случае нарушались правила одобряемого диспута (*муназара*), а сам спор превращался в запретные дебаты (*джадал*), приводившие к раздору. Таким образом, спор или полемика могли привести как к утверждению истины, так и стать причиной глубокого сомнения и разделения, и поэтому дискуссия могла быть одобряемым и похвальным

⁸ Novikoff A.J. *The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance*. Pennsylvania, 2013.

⁹ Stroumsa S. *Ibn al-Rawandi'ssu' adab al-mujaddala: the Role of Bad Manners in Medieval Disputations. The Majlis: Interreligious Encounters in Medieval Islam (Studies in Arabic Language and Literature)*. P. 66.

¹⁰ Подробнее см.: Фаукийя Хусейн Мухаммад. Ал-Кафийа фи ал-джадал: ли-л-Джувайни имам ал-Харамайн: докт. дис.- Египет: ун-р 'Айн ал-шамс, 1979.

¹¹ Stroumsa S. *Ibn al-Rawandi'ssu' adab al-mujaddala...* P. 82–83.

делом либо грехом. Главным критерием допустимости дискуссии был совместный поиск истины. Сформированные на межджлисах правила поведения во время спора, закрепились также в текстах полемических сочинений.

Для мусульманских теологов, вначале для мутазилитов, а впоследствии для ‘ашаритов и матуридитов, межджлисы стали местом поиска и достижения истины. В диспутах (*муназара*) и диалектических беседах/спорах¹² по средствам логики, логических законов и строгих умозаключений, с одной стороны, опровергалось и отбрасывалось ошибочное мнение, а с другой – утверждалась истина. При этом религиозные и теологические диспуты, как обратила внимание С. Штрומса, были неотделимыми от окружающей действительности, в них обсуждались актуальные и злободневные темы¹³. То есть через полемику мусульманские ученые обнаруживали наиболее подходящую в данных исторических условиях «истину».

Реформа (*ислах*) и мусульмане Российской империи

В конце XIX – начале XX в. среди мусульманских ученых всего мира распространилась идея реформирования ислама. Катализатором послужил вызов, брошенный исламу европейским модерном и вызвавший идейный кризис в мусульманском обществе. Оказавшись в экономической и политической зависимости от Запада, мусульманские ученые, как отмечает М. Уотт, должны были решить главный вопрос о политической и экономической независимости исламского мира¹⁴. В арабских странах, прежде всего в Египте, проснулся интерес к философскому наследию восточных перипатетиков, начался поиск материалистических и научных основ в исламской традиции¹⁵. Идея реформирования в сочинениях мусульман Российской империи появилась в XVIII в., впоследствии распространившись среди мусульманских ученых в XIX – начале XX в.¹⁶ В XIX в., с появлением в Волго-Уральском регионе богатой торговли и промышленной мусульманской буржуазии, критика власти и общества стала определяющим элемен-

¹² Диалектика, согласно энциклопедической статье, это искусство вести беседу, спор. Подробнее см.: Диалектика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 645.

¹³ *Stroumsa S. Ibn al-Rawandi'ssu' adab al-mujaddala...* P. 66.

¹⁴ *Watt M. Islamic philosophy and theology.* Edinburg, 1985. P. 158; См. также: *Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939.* Cambridge, 1983.

¹⁵ *Сагадеев А.В. Восточный перипатетизм.* М., 2009. С. 11–12.

¹⁶ Подробнее см.: *Юзеев А.Н. Татарская религиозно-реформаторская мысль.* Казань, 2012; *Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889): Исламский дискурс под русским господством / Пер с нем.* Казань, 2008.

том в произведениях многих мусульманских авторов¹⁷. Большинство ученых (*улемов*) заняли охранительную позицию в отношении ислама, призывая остерегаться нововведений, исходящих от русских. Наряду с внешней критикой в адрес российского правительства и элит широко распространилась критика, направленная внутрь мусульманской общины, результатом которой стало выявление множества дискуссионных тем¹⁸. Мусульманские ученые предлагали новые интерпретации и способы прочтения текстов, которые бы отвечали требованиям современной эпохи, то есть через тексты происходила легитимация современной эпохи. Интерес реформаторов вызывали как вопросы повседневной жизни, так и правовые и теологические темы. Одна из главных причин «упадка» и потери былого величия связывалась с отходом от истинного вероучения (*'акиды*) в результате привнесения запретных нововведений (*бид 'ам*).

Наиболее последовательно с критикой окружающей действительности в тот период выступил религиозный ученый, богослов и историк Шихабутдин Марджани, который, по словам одного из первых исследователей его творчества К. Тарджемани, «вопросы вероубеждения [...] обосновывал религиозными доказательствами из священных текстов (*накл*), очищал их от основанных на философских взглядах нововведений и мазхабного фанатизма, возвращал мусульман к чистому вероубеждению, которому обучал мусульман Пророк»¹⁹.

Думать о том, что современники отошли от истинного ислама и живут во времена упадка, Марджани начал еще во время обучения в Средней Азии (1838–1849 гг.)²⁰. Благословенное время или «золотой век» ислама он связывал с эпохой пророка Мухаммада и его сподвижников (*сахабов*), а отклонение от истины возводил ко времени после третьего поколения, когда в раздел поклонения (*'ибадат*) и в раздел догматики или вероучения (*'акида*) были внесены запретные нововведения (*бид 'ам*)²¹, ложь, клевета и прочий «бред» (*хазайан*)²².

Вопросы вероучения (*'акида*) Марджани затрагивает во многих сочинениях, однако главными его сочинениями по догматике стали два крити-

¹⁷ Подробнее см.: *Салихов Р.Р.* Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. Казань, 2004.

¹⁸ Подробнее см.: *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане...

¹⁹ *Тарджемани К.* Путь, которого придерживался Марджани в вопросах вероубеждения // Шихабутдин Марджани. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. Казань, 2015. С. 164.

²⁰ *Марджани Ш.* Вафият ал-аслаф... С. 134.

²¹ *Марджани Ш.* Назурат ал-хакк... С. 84.

²² Там же. С. 108.

ческих комментариев. В первом «ал-Хикма ал-Балига» [Зрелая мудрость], изданном в Казани в 1889 г., он раскритиковал широко распространенный в то время комментарий ат-Тафтазани на «‘Акида ан-Насафи». Во втором «ал-‘Азб ал-фурат» [Освежающая вода], изданном в Казани в 1875 г., подверг критике «‘Акида ад-дудийа» [Базовое вероучение].

В данной статье источниками воззрений Марджани по догматическим вопросам послужили «ал-Хикма ал-Балига», а также трактат «Назурат ал-хакк» [Обозрение истины], изданный в Казани в 1870 г. и «Вафият ал-аслаф» [Подробнее о предшественниках], изданный там же в 1883 г. Не все современники Марджани согласились с его «реформаторскими» предложениями в разделе вероучения (‘акида). Выделилась большая группа ученых, подвергшая критике взгляды Марджани.

Самым известным критическим ответом на «Назурат ал-хакк» стало сочинение Габдуллы ан-Насави «ал-Джаруда» [Обличение Назурат ал-хакк], изданное в типографии Казанского университета в 1874 г. Наряду с ан-Насави, защищавшем местную традицию, с критикой Марджани выступили Абу Накиб ат-Тунтари, главный идейный противник Марджани, известный также как Ишми ишан; Мухаммад аш-Шаулянкари, получивший «традиционное мусульманское образование по классическим книгам» в медресе Ишми ишана²³; Динмухаммад ибн Ярмухаммада ибн Мансур ат-Тунтари; Гиладжуддин ибн Мухиддин ас-Сардави ал-Казани. Не все использованные в исследовании сочинения были направлены непосредственно против сочинений Марджани, некоторые включали критику в целом воззрений Марджани и его последователей.

Раздел ‘акида. Калам и мутакаллимы

Область догматики часто вслед за жанром соответствующих произведений (декларирующих религиозно-правовое «кредо» ученого) называется ‘акида, то есть вероучение или вероубеждение. Традиционно догматическими вопросами в исламе занимались *мутакаллимы*, то есть мусульманские теологи и специалисты по догматическому богословию. В число мутакаллимов входили мутазилиты, ‘ашариты, матуридиты, которые обсуждали догматические вопросы во время религиозных диспутов (*муназара*) в медресах. Само догматическое богословие получило название *‘илм-ал-калам*, или сокращено *калам*. В связи с разбираемой в каламе тематикой,

²³ Шаулянкари Мухаммад ибн Наджиб ибн мулла Биляль ибн дамулла Мазфар. Тазкират ар-рашид би радди кайди [Напоминание праведного о кознях завистника]. Казань, 1901. С. 66.

связанной с вопросами единства Аллаха и принципа единобожия, сам калам получил название «наука о таухиде и атрибутах Аллаха». Ограниченное и применяемое всеми мусульманами свидетельство сводилось к словам *шахады*²⁴. Далее начинались теологические и политические разногласия, которые развивались вокруг определенного круга тем: определение верующего мусульманина, природа Корана, характер божественных атрибутов и понимания их границ, предопределение и свобода воли, антропоморфизм, вопросы эсхатологии, статус пророчества и другие²⁵.

По причине отсутствия в главных источниках ислама – Коране и сунне – формального текста вероучения (*'акиды*) (в них лишь очерчиваются базовые границы мусульманской доктрины) сложилось несколько текстов вероучения, сопровождаемых комментариями и субкомментариями. В Поволжье, вслед за Средней Азией, распространился текст вероучения *'Ақида ан-Насафи*²⁶ вместе с комментарием на него ат-Тафтазани²⁷. По мнению А.-З. Валиди, этот текст был «самым популярным сочинением в мусульманских, в том числе и в татарских, медресе» того времени²⁸. По мнению Д. Шагавиева, именно ему принадлежала роль распространения школы калама Матуриди²⁹, которой придерживались большинство из последова-

²⁴ Шахада («свидетельство») – первое и важнейшее положение исламского символа веры, выражаемое формулой: Ла илаха илла Ллаху ва Мухаммадун расулу Ллахи (Нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммад посланник Аллаха). См.: Аш-Шахада // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1991. С. 296.

²⁵ Creed (*'aqīda, i'tiqād*) // Encyclopedia of Islam (EI Online). Brill. URL: http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopaedia-of-islam-3/creed-COM_25587?s.num=0&s.rows=20&s.f.s2_parent=s.f.book.encyclopaedia-of-islam-3&s.q=creed

²⁶ ан-Насафи – нисба нескольких религиозных деятелей или ученых из Насафа (Нахшаба, Карши) в окрестностях Бухары. Абу Хафс 'Умар Наджм Дин ал-Матуриди ан-Насафи (537/1142), юрист и теолог. См.: An-Nasafi // Encyclopedia of Islam (EI Online). Brill. URL: http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopaedia-of-islam-2/al-nasafi-COM_0847?s.num=5&s.f.s2_parent=s.f.cluster.encyclopaedia-of-islam&s.q=an-Nasafi

²⁷ ат-Тафтазани родился в 1322 г. в Тафтазане (Хорасан) в Иране. Он исповедовал и проповедовал ислам ханафитского толка, был последователем богословской школы ал-Матуриди. Иными словами, Ат-Тафтазани был ханафитом в вопросах фикха и матуридом в 'акиде.

²⁸ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар. Пг.-М., 1923. С. 105.

²⁹ Абу Мансур ал-Матуриди (умер 333/944) – теолог и мусульманский мыслитель из Матурида близ Самарканда, основатель одной из богословских школ – матуридизм, придерживающейся доктрины Абу-Ханифы, переданной и разработанной учеными-ханафитами Балха и Мавераннахр. См.: Attributes of God // Encyclopedia of Islam (EI Online). URL: http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopaedia-of-islam-3/attributes-of-god-COM_0163?s.num=0&s.f.s2_parent=s.f.book.encyclopaedia-of-islam-3&s.q=al-maturidi#d7298639e634

телей ханафитского мазхаба в Поволжье³⁰. По догматическим вопросам матуридизм занимал срединную позицию между преданием (*накл*) и разумом (*акл*). «Матуриди рационально обосновывал фундаментальные вопросы вероубеждения, при этом не пренебрегал очевидными религиозными текстами». Толкование текстов опиралось на разум. Для последователей Матуриди разум и предание были схожими средствами, ведущими человека к одной и той же цели, между ними не было противоречия и противопоставления³¹. Для достижения подлинной и несокрушимой веры мусульманину в вопросах вероучения (*'акида*), согласно матуридической школе, запрещалось слепое подражание без понимания разумом (*таклид*), поэтому вероучение, основанное на Коране и сунне, подкреплялось рациональными доказательствами.

Запретные нововведения в разделе *'акида*

Причины упадка исламского мира Марджани связывал с запретными нововведениями, привнесенными в раздел поклонения (*'убадат*) и в раздел догматики или вероучения (*'акида*). Нововведение в сфере вероучения Марджани связывает с появлением представителей спекулятивного богословия – *мутакаллимов* в эпоху халифа ал-Ма'муна (сентябрь 786 г. – август 833 г.)³². Мутакаллимы, как утверждает Марджани, принесли «слабый выдуманный путь, на котором только желание, прихоть»³³. «Ученые прошлого ненавидели калам и порицали его. Об этом открыто говорили все великие имамы, и сомнений в этом нет»³⁴. Далее он приводит ряд примеров критики калама авторитетными учеными прошлого. Ибн Малик сказал: «Остерегайтесь предосудительных новшеств в религии (*бид'а*)!» Спросили его: «Что такое предосудительные новшества?» и он ответил: «Люди калама (мутакаллимы), которые рассуждают об именах и атрибутах Аллаха Всевышнего, Его речи, знании, мощи, и не умалчивают о том, о чем умалчивали сподвижники Пророка и его последователи»³⁵. Далее следуют слова Абу Ханифы: «Да погубит Аллах 'Амра ибн 'Убайда³⁶ за то,

³⁰ Марджани Ш. ал-Хикма ал-балига... С. 93.

³¹ Мухаметшин Р, Адыгамов Р. Введение в исламскую теологию: Учебное пособие. Казань, 2016. С. 146–147.

³² Марджани Ш. Назурат ал-хакк... С. 387.

³³ Там же. С. 84.

³⁴ Марджани Ш. Вафийат ал-асляф... С. 171.

³⁵ Марджани Ш. ал-Хикма ал-балига... С. 132.

³⁶ По мнению некоторых средневековых авторов возникновение мутазилизма связано с именем Амра ибн Убайда.

что он открыл врата калама»³⁷ и слова Абу Йусуфа, ученика Абу Ханифы, сказавшего: «Чем лучше человек знает калам, тем хуже он знает Аллаха, велик Он и славен»³⁸. Мнение о каламе Ахмада ибн Ханбалы: «Не преуспеет (на том свете – Д.М.) [последователь]³⁹ (сахиб) калама никогда»⁴⁰ и высказывание имама аш-Шафи‘и: «Я предпочитаю встретить Аллаха Всевышнего, совершив любой грех, кроме многобожия (*ширк*), чем встретить Его, сделав что-либо, связанное с каламом»⁴¹. Список цитат, приведенных Марджани против калама, этим не ограничивается. По мнению ученого, калам придумали мутазилиты, заимствовавшие методологию философов из арабских переводов греческих философских сочинений. Заимствовав философскую методологию, мутазилиты приступили к поиску философского обоснования исламского вероучения (‘акида). В результате этого к исламскому вероучению, основанному на доказательствах из Корана и сунны, как считал Марджани, добавились философские идеи и доказательства. От мутазилитов калам унаследовали ‘ашариты⁴², а сам калам со временем превратился в отдельную отрасль науки. Первоначальную ‘акиду оказалось невозможно отличить от философских теорий; а люди, отрицавшие калам, начали обвиняться в неверии⁴³. С проникновением философских взглядов в раздел ‘акиды, между учеными начались споры и диспуты о правильном вероучении⁴⁴. Впоследствии калам распространился и обрел популярность благодаря поздним авторам, которые «...пришли к выводу о допустимости изучения калама и чтения книг о нем из-за необходимости охранить мусульманские догматы от смешения с нововведениями»⁴⁵.

Что касается оппонентов Марджани (ан-Насави, ал-Казани, Динмухаммед, аш-Шаулянкари), то причину отклонения от прямого пути и отход от истинной ‘акиды они связывали с деятельностью самого Марджани, привнесшего в вероучение запретные нововведения (*бид‘ат*)⁴⁶. Так, ан-Насави писал, что Марджани по пути правильной ‘акиды не следует и «все

³⁷ Марджани Ш. ал-Хикма ал-балига... С. 132.

³⁸ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф... С. 171.

³⁹ В оригинальном переводе «обладатель», но, вероятно, правильнее будет использовать другой перевод этого слова – «последователь».

⁴⁰ Марджани Ш. ал-Хикма ал-балига... С. 132.

⁴¹ Там же. С. 132.

⁴² Там же. С. 132–133.

⁴³ Марджани Ш. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. Казань, 2015. С. 162.

⁴⁴ Там же. С. 335.

⁴⁵ Марджани Ш. Вафийат ал-аслаф... С. 171.

⁴⁶ Динмухаммад ат-Тантури. Побуждение достойных ученых мужей к борьбе против неучей. С. 3; аш-Шаулянкари. Ответ на трактат второго завистника... С. 63.

человеческие связи, построенные этим человеком, неверны. Единственным верным путем является соответствие слов и деяний сунне пророка». Наш путь верен, считал оппонент, потому что он соответствует ‘акиде пророка, а путь наших оппонентов – неверен⁴⁷. «Они ...хотя и называют себя ахл сунна и ал-джам[‘], а на самом же деле принадлежат к заблудившейся секте...», – писал аш-Шаулянкари⁴⁸. Помимо критики калама, среди привнесенных Марджани запретных нововведений оппоненты называли отказ от применения разума в догматических вопросах, связанных с познанием Бога, Его божественных атрибутов, отказ от некоторых имен Аллаха.

С критикой Марджани и аргументами в защиту калама выступил мулла ан-Насави. Он считал, что изучение калама, не ведущее к заблуждению, не только разрешено, но даже более того – «аяты и хадисы повелевают нам заниматься каламом», потому что «калам не ведет к неверию»⁴⁹ и «является средством, которое позволяет избавиться от слепого следования религии (*таклид* – прим. Д.М.) предков и ведет к вере»⁵⁰. Автор «Джаруды» привел множество доводов в защиту необходимости познавать Аллаха методами калама. Ан-Насави писал, что «под наукой об основах религии имеется в виду калам, который ищет Аллаха на основе причинно-следственных связей... Калам – одна из самых авторитетных наук шариата». Более того, калам необходим в познании божественной сущности, потому что «...помогает человеку подняться из степени таклида в степень полной уверенности (в существовании Аллаха – примечание переводчика)». Отказавшийся от калама мусульманин, по мнению ан-Насави, не познал Аллаха посредством доводов. «Человек, придерживающийся таклида в вопросах ‘акиды – грешник»⁵¹, считает ан-Насави, а поскольку «в вопросах ‘акиды таклид является запрещенным, [то] каждый человек обязан самостоятельно познать Аллаха, Его существование, пусть даже в общих чертах»⁵².

Критикуя калам, Марджани, тем не менее, сам пользуется методами мутакаллимов, то есть является последователем калама. Оппоненты неоднократно упрекают его в этом⁵³. Более того, сам Марджани неоднократно называет себя последователем школы Матуриди⁵⁴, также являвшегося мутакаллимом. На основании этого можно предположить, что Марджани критиковал

⁴⁷ Габудлла ан-Насави. ал-Джаруда... С. 18.

⁴⁸ аш-Шаулянкари. Тазкират ар-рашид... С. 12.

⁴⁹ Габудлла ан-Насави. ал-Джаруда... С. 20–21.

⁵⁰ Там же. С. 17.

⁵¹ Там же. С. 16.

⁵² Там же. С. 8.

⁵³ Габудлла ан-Насави. ал-Джаруда... С. 20, 22.

⁵⁴ Марджани Ш. Ал-Хикма ал-балига...

не весь калам, а отдельные его разделы. Как утверждал Марджани, мутакаллимы привнесли нововведения в следующие разделы вероучения: учение таухид, атрибуты и имена Аллаха, возникновение и вечность Вселенной, пророчество и чудеса, определение группы спасшихся, вопрос о сотворенности Корана, халифат и достоинства сахабов, консенсус (*иджма'*), обвинение в неверии (*такфир*), отношение философов и мыслителей к исламу⁵⁵.

Наибольшие дискуссии и полемику вызвали воззрения Марджани на божественные атрибуты и имена, поэтому предлагаю обратиться к этому сюжету в качестве примера, параллельно коснувшись также вопросов о внесении *бид'ат* в консенсус (*иджма'*) и обвинение в неверии (*такфир*).

Полемика вокруг божественных атрибутов

«Под атрибутами мы [ханафиты] имеем в виду не что иное, как имена. Они подтверждены несомненными доказательствами, преданием и разумом»,⁵⁶ – пишет Марджани. Описывая атрибуты, он цитирует шейха ал-'Ариффа Абу Талиба ал-Макки: «Мы получаем сообщения об атрибутах из достоверных преданий, передача которых является правильной. Мы не принимаем это (атрибуты – *Д.М.*) и не подтверждаем через суждение по аналогии (*кийас*) и разум ('*акл*). Однако мы верим в имена и атрибуты по их смыслам и сущностям, принадлежащим Аллаху Всевышнему. Мы отрицаем уподобление и придание какой-либо формы им (атрибутам), так как нет адекватного указанному, чтобы быть подобием этого, и нет эквивалента этому, чтобы быть из одного рода с этим»⁵⁷. И далее: «Обязанность каждого в этом разделе [вероучения] стоять у разъяснений законодателя; и держаться твердо Его границ в описании Его качеств, Его именовании и не описывать Его через Него самого [выводить одни качества из других] и называть Его ниспосланным в Его книге [Коране]»⁵⁸. В этом Марджани отличается от Курсави, признававшего, «что из названных в Коране имен Бога можно вывести абстрактные, даже если они напрямую не названы в самих священных текстах»⁵⁹. Таким образом, как утверждает М. Кемпер, Марджани исключает из области 'акиды дискуссии о свойствах материи,

⁵⁵ *Марджани Ш.* Сборник статей, посвящённый 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. Казань, 2015. С. 165.

⁵⁶ *Марджани Ш.* ал-Хикма ал-балига. С. 180–181.

⁵⁷ Там же. С. 170.

⁵⁸ *Марджани Ш.* Назурат ал-хакк. С. 81.

⁵⁹ *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889): Исламский дискурс под русским господством / Пер с нем. Казань, 2008. С. 355.

тела и акциденциях, присущие классическим матуридической и ‘ашаритской традициям калама⁶⁰.

По мнению Марджани, «положение ‘акиды нетрудное. Ее область основывается на двух аятах: Сказал Всевышний: «У Аллаха прекрасные имена; зовите Его по ним...» (Коран 7:180); Сказал Великий: «...нет ничего подобного Ему. Он – слышащий, видящий!» (Коран 42:11).

В вопросе атрибутов Марджани полемизирует как с мутазилистами, так и с ‘ашаритами. Мутазилистов Марджани критикует за утверждение отсутствия божественных атрибутов; поздних ‘ашаритов – за разделение атрибутов на два типа – атрибуты сущности (*зати*)⁶¹ и атрибуты действия (*фи ‘ли*)⁶². Атрибуты сущности ‘ашариты считают вечными, а атрибуты действия – сотворенными, что, по мнению Марджани, не соответствует действительности: «Аллах Всевышний со всеми своими атрибутами и именами – вечный и безначальный; атрибуты Аллаха Всевышнего и Его имена не есть Он, и не есть иное, чем Он (*ла гува ва ла гайругу*)»⁶³.

Таким образом, Марджани признает только атрибуты и имена, описанные в Коране и сунне, все прочие попытки рассуждать о сущности Бога он относит к рассуждениям мутакаллимов и считает их привнесенными и недопустимыми нововведениями⁶⁴. Он пишет: «Разве ты не слышал его слова: «Размышляйте о благодеяниях Аллаха Всевышнего, но не размышляйте об Аллахе!», «Размышляйте о творениях, но не размышляйте о Творце, ведь, поистине, Его степень для вас непостижима»⁶⁵. Марджани утверждал, что человек не способен познать сущность Аллаха рациональными методами: «...Отстрани его [разум – прим. Дамир Шагавиев] от изучения самости и сущностей атрибутов Божьих»⁶⁶.

В подобных идеях Марджани, его отказе прибегать к разуму для познания Аллаха ан-Насави находил, во-первых, противоречие «единогласному мнению ученых (*иджма’* – Д.М.) о необходимости познания Аллаха при по-

⁶⁰ *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889): Исламский курс под русским господством / Пер с нем. Казань, 2008. С. 592.

⁶¹ По этой причине критике подвергся ат-Тафтазани, который слишком отделял атрибуты сущности, ставя под сомнение единство Бога.

⁶² «Восточные ханафиты отклонили различие между вечными атрибутами сущности и временными атрибутами действия. Для них атрибуты действия, которые они обычно объединяли в единое понятие «приведение в существование» (таквин), были одинаково вечными и существовали в сущности Бога; Но его атрибут «приведения в существование» был отличен от того, что было «выведено»». См.: *Attributes of God...*

⁶³ *Марджани Ш.* ал-Хикма ал-балига... С. 196.

⁶⁴ Там же. С. 176–177.

⁶⁵ Там же. С. 185.

⁶⁶ Там же. С. 380.

мощи вспомогательных средств [разума]]»⁶⁷; а во-вторых, неэтичное отношение «к таким ученым, как имам ал-Аш[‘]ари и его ученик[ам]]»⁶⁸. Все великие ученые, как считал ан-Насави, практиковали калам: Абу Ханифа, его ученики, Абу Мансур ал-Матуриди, шейх Абу Хасан ал-‘Ашари, имам ал-Газали, Фахр ар-Рази⁶⁹, Ибн ал-Хумам⁷⁰ и др. Следовательно, и для ан-Насави познание Аллаха и его атрибутов с помощью разума было обязательным и необходимым требованием для верующего. Он писал: «Одна из самых важных и первых обязанностей верующего – познание Аллаха, Его имен и атрибутов»⁷¹.

В защиту божественных атрибутов, не упомянутых в Коране, выступил другой оппонент Марджани – дамулла Динмухаммед. Он писал: «... У Него [Аллаха] есть извечные качества, неотъемлемые от Его Лица»⁷². По мнению Динмухаммеда, Марджани отрицал эти качества, потому что не понял слов почтенных ученых. Он отмечал: «Наш наставник, говоря об употреблении выше приведенных качеств Аллаха, имел в виду особое упоминание их в Коране и сунне. Потому в них слова ал-Кайюм (эпитет Аллаха «Существующий вечно», «Сущий» – *Д.М.*) всегда следует после слова ал-Хай (эпитет Аллаха «Вечно живой» – *Д.М.*)»⁷³. Динмухаммед считал, что Аллах обладает «правом его сущности в отношении его извечных неотъемлемых качеств. И ал-Хамд [«прославленный»] входит в качества Его сущности...»⁷⁴.

Хотя Марджани считал себя последователем Матуриди и неоднократно ссылался на его труды, его учение об атрибутах Бога значительно отличалось от матуридизма. Согласно исследованию У. Рудольфа о матуридическом каламе в Самарканде, сам Матуриди «защищал необходимость использования умозрительных заключений (*назар*) в теологии»⁷⁵, объяснял, что «существование божественных атрибутов доносится до нас как с помощью преданий, так и при помощи разума»⁷⁶. В книге «ат-Таухид» ал-Матуриди рассуждал на каламические темы, такие, как сидение Бога на троне⁷⁷, то есть не ограничивался при описании Бога только преданием (*накл*) и допускал возможность познания Бога с помощью разума (*акл*).

⁶⁷ *Марджани Ш.* ал-Хикма ал-балига... С. 185.

⁶⁸ *Габудлла ан-Насави.* ал-Джаруда... С. 13.

⁶⁹ Там же. С. 15.

⁷⁰ Там же. С. 8–10.

⁷¹ Там же. С. 16.

⁷² *Динмухаммад ат-Тунтари.* Побуждение достойных ученых мужей... С. 13.

⁷³ Там же. С. 20.

⁷⁴ Там же. С. 31.

⁷⁵ *Ульрих Рудольф.* ал-Матуриди и суннитская теология в Самарканде / Перевод с немецкого Л. Трутановой. Алматы, 1999. С. 157.

⁷⁶ *Ульрих Рудольф.* ал-Матуриди и суннитская теология в Самарканде... С. 221.

⁷⁷ Там же. С. 154.

Таким образом, как отметил Ибрагим Мараш, Марджани критиковал не калам как таковой, он критиковал проникновение каламических методов в науку таухид. «Марджани очерчивает границу между каламом и наукой таухид», то есть проводит новые границы мусульманской догматики⁷⁸, что напрямую связано с вопросом источников раздела вероучения.

Источники ‘акиды

Для оппонентов источником веры в Аллаха и ее главным доводом выступали Коран, сунна, консенсус (*иджма’*) и разум (*‘акл*). В отличие от оппонентов, Марджани признавал только ниспосланное в Коране и сунне и отрицал возможность рационального толкования атрибутов Аллаха и аллегорическое толкование Корана (*та’вил*). На месте разума (*‘акл*) в ‘акиде Марджани появлялась «слепая вера» или следование преданию (*накл*). Марджани утверждал, что источниками ‘акиды служат только аяты Корана из категории категорического (*катийа*)⁷⁹, то есть не разрешается использовать в ‘акиде утверждения из категории предположительного (*занниййа*), полученных путем *иджтихада* или мнения (*ра’и*). Верующему следует не подвергать сомнению все сказанное в утвержденных аятах и хадисах и признавать их действительно истинными. А если эта истина не понятна им, не пытаться найти ее⁸⁰. В ‘акиде нет глубоких вещей, познаваемых разумом, а попытка «погрузиться» в ‘акиду посредством разумных доводов ведет к пагубной ошибке и, в конце концов, к атеизму⁸¹. Подобное понимание источников оппоненты Марджани считали греховным и видели в этом запретное нововведение, противоречащее единогласному мнению ученых (*иджма’*) о необходимости познать Аллаха с помощью разума.

Требование следовать только за достоверными доказательствами в ‘акиде связано с представлением Марджани о том, что в вопросах основ веры (*усул ад-дин*), куда входит ‘акида, недопустима ошибка, а потому недопустим *кийас аклий*, основанный на человеческом разуме и не защищенный от ошибки. Ошибающийся в *усул ад-дин*, по мнению Марджани, отличается от ошибающегося в основах фикха (*усул ал-фикх*). Если муджтахид ошибается в *усул ал-фикх*, например, в культовых вопросах (*‘ибадат*),

⁷⁸ Мараш И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917) / Перевод с турецкого. Казань, 2005. С. 75–76.

⁷⁹ Марджани Ш. Китаб ал-Хикма ал-балига... С. 94.

⁸⁰ Там же. С. 83.

⁸¹ Там же. С. 82.

то его не ожидает наказание, он получает награду в одном размере. Если муджтахид ошибается в вопросе усул ад-дин, то он не только не получает награду, более того – грешит, а значит наказывается⁸².

Связь между Аллахом и божественными атрибутами

Еще одним дискуссионным вопросом для Марджани и его оппонентов стал вопрос о связи между Аллахом и божественными атрибутами, отличия атрибутов от Аллаха. Мутазилиты считали, что атрибуты не были онтологически отличны от Аллаха, но скорее были идентичны Его сущности и фактически не имели реального существования. Сунниты, стремящиеся отделить свои взгляды от мутазилитов, признавали атрибуты реальными, вечно существующими, называли себя «сторонниками атрибутов». При этом для них необходимо было одновременно избежать отождествления атрибутов с Аллахом, подобно мутазилитам, и не впасть в многобожие (*ширк*), совершенно отделяя атрибуты от Аллаха. Как хорошо показал Натан Спаннаус, сунниты нашли выход в формуле, предложенной Ибн Куллабом: «не Он и не иное чем Он» (*ла гува ва ла гайругу*)⁸³. Впоследствии эта формула была прокомментирована ат-Тафтазани в его комментарии на ‘акиду ан-Насави. Марджани, вслед за Курсави, придерживался позиции, что божественные атрибуты не отличаются от Бога. Марджани утверждал, что «нельзя говорить и верить в то, что Его атрибуты внутри Его сущности или что, Его сущность внутри Его атрибутов, или [что] Его атрибуты связаны с [сущностью] или в ней или примыкают к ней... Скорее, Бог и Его атрибуты образуют одно полное, единое целое». Подобная трактовка исключала присущую комментарию ат-Тафтазани неоднородность (*гайариййа*) при толковании атрибутов, например, атрибут множественности (*та ‘адуд*) оказывался недопустимым, поскольку добавлял к одному Аллаху множественность. Марджани критикует поздних ‘ашаритов, в том числе ат-Тафтазани, за идею множественности. Для Марджани неоднородность (*гайариййа*) напрямую поддерживает идею множественности (*та ‘адуд*). Множественность атрибутов создавала непохожесть/инаковость, то есть двойственность Аллаха, слишком отделяла атрибуты от Аллаха.

Трактовка атрибутов Марджани, по мнению Спаннауса, занимала промежуточное положение между суннитами и мутазилитами. С точки зрения суннитов, объясняя существование атрибутов как *ла гува ва ла гайругу*, Мар-

⁸² *Марджани Ш.* Китаб ал-Хикма ал-балига... С. 83.

⁸³ *Nathan Spannaus.* Šihāb al-Dīn al-Marḡānī on the Divine Attributes: A Study in Kalāmin the 19th Century // *Arabica*. 2015. № 62. P. 74–98.

джани, тем не менее, отрицал отделение атрибутов от Бога. Что касается мутазилитов, то, с их точки зрения, Марджани не принимал их отрицание атрибутов. Срединная позиция Марджани между суннитами и мутазилистами принесла ему, вслед за Курсави, обвинения в переходе в мутазилизм. Оппоненты Марджани считали, что, не признавая множественность (*та'адуд*) и неоднородность (*гайариййа*) атрибутов, Марджани тем самым уменьшал природу их отделенности и, следовательно, приближался к отрицанию их реальности, то есть к мутазилизму, который рассматривался многими ранними суннитскими теологами как многобожие (*ширк*)⁸⁴. Марджани предложил новый взгляд на атрибуты, основанный на учении об атрибутах Курсави.

Такфир «великих ученых» – недозволенное бид'а

Наибольшее недоумение оппонентов вызвало использование Марджани в критике «великих ученых» аятов, обычно применяемых в отношении неверных (*кафиров*). Например, аш-Шаулянкари писал: «Насмехаясь над ахль сунна ва ал-джама['] они прочитали следующие аяты Корана: «и оставьте тех, которые раскольниковачают о Его именах» (7:180), а также аят: «тех, усердие которых заблудилось в жизни ближней, и они думают, что они хорошо делают?» (18:104). Также: «И если ты послушаешься большинства тех, кто на земле, они сведут тебя с пути Аллаха» (6:112)... Эти аяты говорят о неверных, а они прочитали их в адрес тех, кто признает дополнительные качества, верит во временное происхождение мира, верят в невечность этого мира, и воскрешение из мертвых. Порицая этих людей, угрожая им [,] вы обвиняете имамов шариата в заблуждении»⁸⁵.

Обвинения в неверии в адрес ученых со стороны Марджани, по мнению ан-Насави, – это запретное бид'а. Ан-Насави писал: «Знай, что спор между учеными существует издавна, однако никто из них не осмелился обвинить в заблуждении своих оппонентов, первым, кто такое сделал, – этот авантюрист»⁸⁶. «Порицание оппонентов есть нововведение, а этот человек мубтади[']»⁸⁷. Похожего мнения о запретности обвинять в неверии «великих ученых» придерживался аш-Шаулянкари: «Обвинение в неверии вождей Исламской уммы есть неверие»⁸⁸. Подобным образом оппоненты доказывали несостоятельность Марджани в качестве легитимного спорщика, целью которого является поиск истины.

⁸⁴ Nathan Spannaus. *Šihāb al-Dīn al-Marǧānī on the Divine Attributes...* P. 74–98.

⁸⁵ *аш-Шаулянкари*. Тазкират ар-рашид бираддикайди... С. 10.

⁸⁶ *Габудлла ан-Насави*. ал-Джаруда... С. 5.

⁸⁷ Там же. С. 8.

⁸⁸ *аш-Шаулянкари*. Тазкират ар-рашид бираддикайди... С. 12.

Что касается Марджани, то он, действительно, называл определенные действия людей неверием (*куфром*), например, отрицание иджитхада, однако мне не встречались высказывания, в которых бы Марджани называл самих людей неверными (*кафирами*). По поводу неверия Марджани писал, что отвергающий широко распространенный консенсус (*иджма* ‘*мутава-тир*’), такие, как пять столпов ислама, «обвиняется в неверии по причине отрицания этого», потому что эти постановления открыто названы Аллахом, и они из числа категорических предписаний (*катиййа*). Марджани писал, что отвергающий обязательное (*фард*) или должное (*уаджиб*), установленные *иджма* ‘*катиййа* совершает *куфр*»⁸⁹.

Таким образом, оппоненты Марджани считают, что Марджани, критикуя позицию «великих ученых» и воззрения прошлых веков, прибегает к очень серьезному обвинению в исламе, к обвинению в неверии (*куфр*), за которым в прошлые века ислама могла последовать смерть. Полемика вокруг различных аспектов отступничества (*куфр*) имела важное значение в исламе для формирования политических концепций и являлась фоном для разработки важных догматических и правовых вопросов⁹⁰.

Возвращение на «прямой путь» через *тажид*

Если отказ от запретного и выведение его из традиции осуществлялся через отнесение к запретным нововведениям (*бид’а*), то возвращение на «прямой путь» мыслилось Марджани и другими реформаторами через реформирование, исправление (*ислах*) ислама. «...Посредством “обновления” (*тажид*) через отказ от следования традициям (*таклид*), закрепляющим “недозволенные новшества” (*бид’ат*)»⁹¹. В качестве обоснования необходимости такого обновления, а также защиты своей собственной позиции от обвинений во введении нездоровых нововведений, Курсави, Ялчигул, а за ними Марджани, приводили известный хадис: «Поистине, Аллах, Всемогущ, он и Превелик, посылает этой общине в начале каждого столетия того, кто обновляет религию»⁹².

Ученики и соратники Марджани считали, что Марджани не только совершил иджитхад, то есть явился *муджтахидом*, но более того, совершил

⁸⁹ *Марджани Ш.* ал-Хикма ал-Балига... С. 341–345.

⁹⁰ *Куфр Ш.* // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М., 1991. С. 145.

⁹¹ *Алексеев И.Л.* Реформация и революция в категориях исламской традиции // Философско-религиозная тетрадь. М., 2013. № 6. С. 73.

⁹² *Идиятуллина Г.* Духовно-религиозная атмосфера в Поволжье в XVII–XVIII вв... С. 270.

тажид, то есть был обновителем века (*муджаддид*)⁹³. Иной позиции придерживались противники и оппоненты: они не признавали Марджани в качестве легитимного участника спора, *муджтахид* и *муджаддида*, способного выводить правовые решения, то есть утверждать «истину». Для доказательства они приводили целый ряд требований, которым якобы не соответствовал Мараджани. Во-первых, они постарались показать, что Марджани не следует мазхабу Абу Ханифы и его ‘акида неправильна. Оппоненты сравнивали Марджани с рафидитами, хариджитами⁹⁴, называли последователем ваххабизма, шиитской «секты» рафидов, последователем мутазилизма, философии. Во-вторых, критике подверглась сама личность Марджани: его знания, морально-этические качества. Следовательно, приходит к заключению ан-Насави, Марджани лишь «...хочет сказать, что достиг степени муджтахид, а как мы сказали выше, он настоящий мукаллид»⁹⁵.

Выводы

Исследование дало возможность выявить определенные механизмы адаптации религиозной традиции к новым жизненным условиям конца XIX в. Как сообщал Э. Лаззерини, происходившее обновление (*тажид*), действительно, имело строго заданную направленность, обеспечивающую жизнеспособность и устойчивость религиозной традиции. Негативные изменения толковались учеными через идею отклонения от «прямого пути» и истинного ислама, в свою очередь, «истина» вводилась и утверждалась через обновление (*тажид*) при помощи известных исламских методов и инструментов.

Пересмотр или адаптация религиозной традиции к новым условиям, как и пересмотр окружающей действительности в свете первоисточников, происходили через полемику о «прямом пути» и осуществлялись в определенной последовательности. Вначале «неугодные», отжившие себя представления на основании авторитетных источников (Коран, сунна, *иджма*)

⁹³ А-Х. Максуди писал о Марджани как о “совершенном муджтахиде шариата”, о том, что “его надо считать первым муджахидом-героем в исправлении религиозных традиций и обновлении нации”. Х-Г Габаши видел Марджани “муджтахидом и муджаддидом (обновителем)”, который обновил ислам соответственно хадису: “Поистинне в начале каждого столетия Аллах пошлет этой умме обновителя”. Атласи также называл Марджани обновителем религии, Т. Ильяс – «великим ученым-муджтахидом, объясняющим народу истину и ведущим по верному пути». См. об этом подробнее: Шихабутдин Марджани. Сборник статей, посвященный 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г... С. 201, 323, 328, 349, 413–415.

⁹⁴ Мансур ат-Тунтари. Побуждение достойных ученых мужей к борьбе против неучей... С. 13, 28.

⁹⁵ Габудлла ан-Насави. ал-Джаруда... С. 47.

определялись как запретные нововведения (*бид'ат*), в некоторых случаях также как неверие (*куфр*), отсутствующие у первой общины мусульман и, следовательно, несущие опасность для уммы. Признание «неугодных» действий как бид'ат или куфр обеспечивало легитимность отказа от их исполнения, несмотря на длительную практику их существования. Что касается «требуемых» элементов, то они вводились в традицию при помощи реформы (*ислах*), осуществляемой через обновление или восстановление «истинной традиции» (*таждид*), якобы соответствующей жизни при пророке Мухаммаде и тем самым наделяемой его незыблемым авторитетом.

Если Марджани пытался осуществить ислах через последовательность *бид'а-таждид*, либо *бид'а-куфр-таждид*, то его оппоненты стремились, напротив, защитить традицию, доказывая несостоятельность Марджани в качестве легитимного участника спора, обновителя ислама (*муджаддида*) и муджтахиды. Критикуя Марджани за нарушение норм этикета, правил спора и полемики, оппоненты показывали, что спор, затеянный Марджани, запрещен и, следовательно, не ведет к утверждению истины. Цель Марджани – не найти истину, а доказать свою точку зрения, внести раздор и смуту. По мнению оппонентов, Марджани нарушает правила спора и полемики, он обвиняет своих оппонентов в неверии (*куфр*), проявляя тем самым неуважение и непочтение к ним, что недопустимо и является запретным нововведением (*бид'а*). Это является одной из причин и поводом для отвержения *таждида* Марджани.

Предложенная Марджани реформа в сфере догматики (*'акида*) отвечала требованиям времени. Начавшаяся с Екатерины II и продолжавшаяся на протяжении всего XIX в. интеграция мусульман в Российскую империю предполагала создание общего экономического, законодательного, историографического поля. Интеграция мусульман в общеимперское пространство требовала ответа на разных уровнях. Очерчивание новых границ в разделе догматики (*'акиды*) и выведение рациональных доказательств, полученных посредством разума (*'акл*), из области догматики носило охранительный характер, направленный на защиту мусульманского вероучения в условиях христианской империи.

Как писал Паоло Сартори, правосознание мусульман в Российской империи претерпело существенные изменения. В результате деятельности российских правителей исламское право было реорганизовано в юридическое тело имперского законодательства. В регионах, управляемых Оренбургским Духовным Собранием, шариат был сведен к «личному статусу», в отдельных случаях фетвам давалась законодательная сила, в целом же юрисдикцией по многим вопросам заведовало имперское законодатель-

ство⁹⁶. Если перевести категорию «личных дел» с языка имперского дискурса на язык исламского, то интеграция мусульманского права протекала на уровне раздела *му'амалат*, то есть касалась норм поведения людей в их взаимоотношениях вне собственно религиозной сферы.

Наблюдаемая тенденция по интеграции норм *му'амалат* со временем могла привести к реформированию других сфер – раздела поклонения (*'убадат*), а также раздела догматики (*'акида*). Более того, подобные попытки, начиная с 1880-х гг., предпринимались на уровне миссионерских проектов А.Е. Маловым, Я.Д. Кобловым, В.В. Доронкиным и другими миссионерами. Поэтому, выводя рациональные доказательства в качестве доводов из области догматики, Марджани тем самым пытался защитить вероучение от возможных нововведений, связанных с появлением угодных власти и правительству интерпретаций в этой сфере.

Критика Марджани в адрес комментария ат-Тафтазани в связи с неоднородностью (*зайариййа*) и множественностью (*та'адуд*) божественных атрибутов также была реакцией на миссионерские проекты. Неоднородность и множественность атрибутов Аллаха впоследствии могли послужить основой для выведения догмата христианской Троицы из исламского учения. В отличие от школы ал-'Ашари, где отношение к Троице, природе христианского Бога, божественности Христа, были подробно разработаны, в школе калама ал-Матуриди воззрения на Троицу и прочие разделы христианской догматики были весьма бегло рассмотрены самим Матуриди в его главном сочинении *Китаб ат-таухид* [Книга об единобожии]⁹⁷. В условиях смешанной религиозной ситуации, как писала Агнес Кефели, происходило смешение исламских и христианских религиозных представлений, что было характерно особенно для сельской местности⁹⁸, поэтому граница, проводимая Марджани в разделе вероучения, защищала исламскую догматику от сближения с христианством и от создания близких с христианством интерпретаций. Это было актуальным для исламского мира в условиях сохранения за православием официального статуса «господствующего исповедания».

© Марданова Д.З., 2018

Рукопись поступила: 1 июня 2018 г.

Submitted: 1 June 2018

⁹⁶ *Sartori P.* Exploring the Islamic Juridical Field in the Russian Empire: An Introduction // *Islamic Law and Society*. 2017. № 24. P. 1–19.

⁹⁷ *Rudolph U.* Al-Māturīdī and the Development of Sunnī Theology in Samarqand. Brill, 2015. P. 189–230.

⁹⁸ *Kefeli A.* Becoming Muslim in Imperial Russia. Conversion, Apostasy, and Literacy. Cornell, 2014.

References

- After Conversation: Iberia and the Emergence of Modernity*. Leiden: Brill, 2016.
- Alekseev, I.L. “Reformatsiya i revolutsiya v kategoriyah islamskoy traditsii.” [Reformation and revolution in the categories of Islamic tradition] *Philosofskaya tetrad'*, no. 6 (2013): 72–78 (in Russian).
- Dudoignon, S. “Kadimizm: element sotsiologi I musul'manskogo traditsionalizma v tatarskom mire i v Maverannahre (konets XVIII – nachalo XX v.)” [Qadimism: Elements of the Sociology of Muslim Traditionalism in the Tatar World and in Mawarannahr (the late 18th – early 20th centuries)] In *Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Islam in the Tatar world: history and modernity. Materials of the international Symposium], 29 April – 1 May 1996, 57–69. Kazan: [S.n.], 1997 (in Russian).
- Faukiya Huseyn Muhammad. *Al-Kaftya fi al-jadal: li-l-Juvayni imam al-Haramayn*. Ph.D. diss., Egypt, Ain Shams University, 1979 (in Arabic).
- Frank, A. *Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, education, and the paradox of Islamic prestige*. Leiden: Brill, 2012.
- Hourani, A. *Arabic Thought in the Liberal Age, 1798–1939*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Idiyatullina, G. “Duhovno-religioznaya atmosfera v Povolzh'e v XVII–XVIII vv.” [Spiritual and religious atmosphere in the Volga region in the 17th – 18th centuries] In *Islam i musul'manskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'* [Islam and Muslim Culture in the Middle Volga Region: History and Modernity], 249–284. Kazan: Fan Publ., 2006 (in Russian).
- Islam: entsiklopedicheskiy slovar* [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka Publ., 1991 (in Russian).
- al-Kazani, Gilayuddin Ibn Muhiddin al-Sardawi. *Nusul al-hadida fi hilafi al-usul al-jadida* [The steel blade against the new methods]. Kazan: Iman Publ., 1899 (in Russian).
- Kefeli, A. *Becoming Muslim in Imperial Russia. Conversion, Apostasy, and Literacy*. Cornell: Cornell University Press, 2014.
- Kemper, M. *Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane (1789–1889): islamskiy diskurs pod russkim gospodstvom* [Sufis and Scholars in Tatarstan and Bashkortostan (1789–1889): Islamic Discourse under Russian Rule]. Kazan: Russian Islamic University Press, 2008 (in Russian).
- Lizzerini, E. “Beyond Renewal: The Jadid Response to Pressure for Change in the Modern Age.” In *Muslims in Central Asia. Expressions of Identity and Change*, 151–166. Durham; London: Duke University Press, 1992.
- Marash, I. *Religioznoe obnovenie v tyurskom mire (1850–1917)* [Religious renewal in the Turkic world] (1850–1917). Kazan: Iman Publ., 2005 (in Russian).
- Marjani, Sh. *Nazurat al-hakk fi fardiyyat al-isha wa in lam yagib ash-shafak* [Review of the truth about the obligatory of al-isha prayer during the evening dawn does not disappear]. Istanbul: Daru'l-Hikme, [1870] 2012 (in Arabic).

- *Kitab al-Hikma al-baliga al-janiyyah fi sharh al-akaid al-Hanafiyyah* [Mature wisdom in explaining of An-Nasafi's dogmas]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2008 (in Russian).
- Muhametshin, R.M., and Adygamov, R.K. *Vvedenie v islamskuyu teologiyu: uchebnoe posobie* [Introduction to Islamic Theology: Schoolbook]. Kazan: Russian Islamic Institute Publ., 2016 (in Russian).
- an-Nasavi, Gabdullah. *Muzhiru al-kalimat al-jaruda allati hiya fi an-nazura* [Reproof Nazura al-hakk]. Kazan: Iman Publ., 1874 (in Russian).
- Novaya filosofskaya entsyklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 2010 (in Russian).
- Novikoff, A.J. *The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice, and Performance*. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2013.
- al-Shaulankari, Muhammad Ibn Najib Ibn mulla Bilyal Ibn damulla Mazfar. *Tathkirat ar-rashid bi raddi kayd.i* [Reminding the righteous man about the an envious person's intrigueses]. Kazan: Iman Publ., 1901 (in Russian).
- *Otvet na traktat vtorogo zavistnika* [The answer to the second envious' treatise]. Kazan: Iman Publ., 1901 (in Russian).
- at-Tuntari, Abu Nakib (Ishmi ishan) *Al-Isharat al-Lamiga fi anmuzaj al-fikh wa gawamid al-Kahstani* [Clear evidences on the issues of fiqh and riddles of al-Kahstani]. Kazan: Iman Publ., 1899 (in Russian).
- at-Tuntari, Dinmuhammad Ibn Yarmuhammad Ibn Mansur. *Pobuzhdenie dostoynykh uchenykh muzhey k bor'be protiv neuchey, iskazhauyshih chistoe uchenie shariata* [Encouraging worthy learned men to fight against ignoramuses distorted the pure doctrine of the Shari'ah]. Kazan: Iman Publ., 1909 (in Russian).
- Povarnin, S.I. *Iskusstvo spora* [The Art of Dispute]. Petrograd: [B.s.], 1923 (in Russian).
- Rudolph, U. *Al-Mā turidī and the Development of Sunnī Theology in Samarqand*. Leiden: Brill, 2015.
- Sagadeev, A.V. *Vostochnyy perepatetizm* [Eastern Peripatetism]. Moscow: The Mardjani Foundation Publ., 2009 (in Russian).
- Salihov, R.R. *Uchastie tatarskogo predprenimatel'stva Rossii v obchshestvenno-politicheskikh protsessah vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Participation of Tatar entrepreneurship in the socio-political processes of the second half of the 19th – early 20th century]. Kazan: Fan Publ., 2009 (in Russian).
- Sartori, P. “Exploring the Islamic Juridical Field in the Russian Empire: An Introduction.” *Islamic Law and Society*, no. 24 (2017): 1–19.
- Shagaviev, D.A. *Rol' Shihab ad-Din Marjani v razvitii tatarskoy bogoslovskoy mysli XIX veka* [Shihab ad-Din Marjani's Role in the development of Tatar theological thought of the 19th century]. Ph.D. diss. Kazan: Sh. Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2010 (in Russian).
- Shihab ad-Din Marjani. Sbornik statey, posvyachshennykh 100-letiyu Sh. Marjani, izdannyy v Kazani v 1915 g.* [Shihab ad-Din Marjani. Collection of articles devoted to the 100th Sh. Marjani's anniversary published in Kazan in 1915]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2015 (in Russian).

- Lazarus-Yafeh, Hava, Cohen, Mark R., Somekh, Sasson, and Griffith Sidney H., eds. *The Majlis: Interreligious Encounters in Medieval Islam (Studies in Arabic Language and Literature)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1999.
- Validov, D. *Ocherk istorii obrazovannosti i literatury tatar* [Essay on the history of education and literature of the Tatars]. Petrograd; Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., 1923 (in Russian).
- Watt, M. *Islamic philosophy and theology*. Edinburg: Edinburg University Press, 1985.
- Yuzeev, A.N. *Tataskaya religiozno-reformatorskaya mysl* [Tatar Religious and Reformatory Thought]. Kazan: Tatar book Publishing house, 2012 (in Russian).

Controversy as a mechanism for search and approval of truth (the case of debate on 'aqidah between Shihabetdin Marjani and his opponents in the Volga region in the last third of the 19th century)

Dinara Z. Mardanova

Sh. Mardjani Institute of History

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

7 Baturina Str., Kazan, Russia, 420111

dinara.mardanova@gmail.com

Abstract: The article is focused on the theological debates on the issues of 'aqidah between Shihabetdin Marjani and his opponents. The debate is viewed as a mechanism for the search and approval of truth. Being one of the possible answers of the Tatar Muslims to the imperial challenge, the religious debate is analyzed in the light of the changed political, economic and social conditions of the new era, when through theological discussions about the *kalam* and divine attributes, there were outlined new boundaries of the religious tradition. Within the framework of this problem the following issues are discussed: 1) the polemical genre in the Islamic world; Majlis as a forum for discussions and debates of Muslims in solving topical issues of the intellectual, religious and social character; the types of disputes are *jadal* and *munazara*; 2) the reformation of Islam in the late 19th century among Muslims of the Russian Empire; 3) the discussion of the image of the "true" creed ('aqidah) through dogmatic discussions about the *kalam*, *mutakallims*, the doctrine of the divine attributes and the connection of the attributes with Allah; 4) the sources of the creed ('aqidah), the boundaries of the sources authority; forbidden innovations (*bidaat*); 5) the accusation of unbelief (*takfir*) and the boundaries of unbelief (*kufr*); 6) the return to the "uprightness" through a renewal (*tajdid*), which supposed, on the one hand, the introduction into the tradition of "necessary" and "true" conceptions, and on the other hand, the rejection of "irrelevant", that is, allegedly, "untrue" views; 7) the criticism of Marjani as a legitimate participant in the dispute, the innovator of Islam (*mujaddid*) and a theologian and jurist capable of *ijtihad*

(*mujtahid*). The study of the polemic as a reaction of Muslims to the imperial challenge in the new era conditions made it possible to trace the way Muslim scholars outlined the new boundaries of the religious doctrine and thanks to this adapted the religious tradition to the social realities of the Russian Empire in the last third of the 19th century, and simultaneously they reviewed the environment in the light of the sources.

Keywords: religious debate, late 19th century, the Russian Empire, the Volga region, Marjani, Ishmi Ishan, reform (*islah*), *aqidah*, divine attributes

For citation: Dinara Z. Mardanova “Controversy as a mechanism for search and approval of truth (the case of debate on ‘*aqidah* between Shihabetdin Marjani and his opponents in the Volga region in the last third of the 19th century).” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 513–537. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-513-537

Acknowledgements: This work was funded by Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan through a grant № 16-105-цГ / 2018; The author is grateful to a anonymous peer-reviewer for his helpful comments and suggested revisions.

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-538-550

Отношение к суннитским правовым школам в традициях мусульман Поволжья: «Золотая середина» во взглядах муфтия Галимджана Баруди

Н.Б. Абулханов^а, Р.А. Набиев^б

^аЦентрализованная религиозная организация –
Духовное управление мусульман Республики Татарстан
420021, Россия, Казань, ул. Тукая, 38
nailbulhanov@mail.ru

^бКазанский федеральный университет
420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18
professor.nabiev@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению актуальной на сегодняшний день теме – формирования традиции российских мусульман по вопросам отношения к религиозно-правовым школам на примере взглядов выдающегося религиозного деятеля XIX – начала XX в. Галимджан хазрата Баруди. Статья затрагивает его точку зрения на важные для мусульман Российской империи вопросы, его реформаторские взгляды на проблемы отношения мусульман к традиционно сложившимся религиозно-правовым школам, в частности, его взгляд на ханафитскую религиозно-правовую школу, которая является самой распространенной среди российских мусульман. Рассматриваются достижения Галимджана Баруди на ниве совершенствования мусульманского образования, демонстрируется вклад ученого в формирование новой системы образования мусульманских народов Российской империи конца XIX – начала XX в., основанной на принципах реформаторства, джадидизма. Галимджан Баруди, создатель знаменитого медресе «Мухаммадия», принимал самое активное участие в указанных процессах, был автором многих научных трудов, посвященных реформированию не только образовательной системы мусульман России, но и всего жизненного уклада мусульманских народов, особенно Волго-Уральского региона страны. Статья отражает точку зрения Галимджана Баруди на один из самых животрепещущих теологических и правовых вопросов – о возможности иджтихада в современном ему мусульманском обществе, о «закрытии врат иджтихада», так как данный вопрос носил решающий характер в теологических спорах между реформаторским направлением джадидизма и традиционалистским направлением кадимизма. Кроме сугубо научных изысканий, данные вопросы затрагивали широкие слои мусульманского населения, что нашло свое отражение в издательской и просветительской деятельности Галимджана Баруди. В статье рассматривается также вопрос о возможности изменения положений ре-

лигиозно-правовых школ в духе нового времени, сообразно обстоятельствам менявшихся общественно-политических и экономических отношений. В статье приводятся фетвы Галимджана Баруди по различным вопросам, анализируется их соответствие традиционному ханафитскому праву. Авторы раскрывают общее отношение Галимджана Баруди к ханафитскому мазхабу, а также его отношение к реформаторству в среде мусульман России в период XIX – начала XX в.

Ключевые слова: российские мусульмане, религиозно-правовые школы (мазхабы), иджитihad, ханафитский мазхаб, реформаторство, джадидизм, муфтий Галимжан Баруди

Для цитирования: *Абулханов Н.Б., Набиев Р.А.* Отношение к суннитским правовым школам в традициях мусульман Поволжья: «Золотая середина» во взглядах муфтия Галимджана Баруди // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 3. С. 538–550. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-538-550

Введение

Современное развитие мира сопровождается столкновением геополитических интересов крупных государств, проблемами глобализации, проявлениями экстремизма и международного терроризма. На фоне этих вызовов, используя религиозно-политические и экстремистские настроения, появляются крупные очаги напряжения, угрожающие миру. Взаимоотношение различных конфессий в рамках строительства одного государства являются актуальной проблемой и имеют глубокие исторические корни, в том числе и в рамках российской государственности¹. Все это актуализируют вопросы теологического осмысления опыта мирного сосуществования этно-конфессиональных сообществ. В этом плане важным примером является исторический опыт российских мусульман, в основе которого лежат традиции умеренности, научные подходы татарских богословов к актуальным проблемам мусульманской уммы, в частности, определения своего отношения к различным религиозно-правовым школам на примере развития взглядов муфтия Галимджана Баруди.

Известный татарский богослов Галимджан Баруди внес большой вклад в понимание мусульманского права, понятий мазхаба, верного отношения к нему. Его вклад в дальнейшее развитие мусульманской мысли, духовного и светского образования мусульман России носит многосторонний характер. Получив всестороннее образование в Казани, а затем в Бухаре,

¹ *Gafarov A.A., Nabiyev R.A., Fazliev A.M., Nafikov I.Z.* Muslim matter” in the mirror of public discussion (XIX – beginning of XX century) // *Journal of Fundamental and Applied Sciences*. 2017. № 9 (7S), P. 1263.

Галимджан Баруди становится основателем новометодного медресе «Мухаммадия», изменив систему преподавания, несколько отойдя от старой схоластической системы, свойственной традициям кадимизма. Галимджан Баруди внес новое слово в систему образования, изменив ее с сугубо религиозного уклада на новый современный уровень. Выпускниками данного медресе были многие выдающиеся представители татарской интеллигенции, такие как Фатых Амирхан, Баки Урманче, Галиаскар Камал, Мазит Гафури, Карим Тинчурин, Салих Сайдашев и многие другие². Галимджан Баруди, будучи активным сторонником реформ в мусульманском мире, не оказался чужд идеям традиционного ислама, выраженного в следовании духовно-нравственным устоям суфистских тарикатов, в частности, тариката Нахшбандийя, последователем которого он был.

Просветительская деятельность Галимджана Баруди на страницах журнала «Ад-Дин вэ Эль-Адаб»

Необходимость в изменениях Галимджан Баруди остро чувствовал, столкнувшись с недостатком современных учебных пособий по исламскому праву и другим предметам в медресе «Мухаммадия», которое он возглавлял. Этот пробел был связан с общим запретом в Российской империи на ввоз учебных материалов из-за границы. Подобная ситуация не устраивала учебного, и это привело его к выводу о необходимости самостоятельного написания книг и учебных пособий как по мусульманскому праву, фикху, так и по остальным религиозно-правовым дисциплинам³. С открытием медресе «Мухаммадия» Галимджан хазрат Баруди приступает к активному написанию книг и учебных пособий для своего учебного заведения. Так, в 1890–1891 гг. Галимджан Баруди издает несколько учебников, таких как «Китаб-ас-салават» [«Книга молитв»], «Бада-аль-маариф» [«Основы знаний»], букварь «Савад хан», книга «Сад пэнд» [«Сто нравоучений»] и др. В ходе своей деятельности Г. Баруди издает в общей сложности около тридцати книг и учебных пособий, которые нашли отклик у широкого круга читателей не только в казанских мусульманских учебных заведениях, но и по всей стране⁴.

Галимджан Баруди считал, что новые веяния в исламском праве имеют право на существование, несмотря на свою приверженность традици-

² МРО – УСПРО. Медресе «Мухаммадия». URL: http://mohammadiya.tatar/ru/istoriya_Muhammadiya.php.

³ Хисамутдинова Л.С. Галимджан Баруди: жизнь и общественно-политическая деятельность. Казань, 2016. С. 39.

⁴ Там же.

онной ханафитской школе. Галимджан Баруди считал возможным отказ от некоторых ее постулатов, не соответствующих вызовам нового времени. В целях распространения правильного, с его точки зрения, понимания ислама и мусульманского права в современном мире Галимджан Баруди с 1906 г. начинает издавать свой собственный журнал под названием «Ад-Дин вэ Эль-Адаб» [«Религия и нравственность»]. Баруди предполагал, что программа журнала будет состоять из следующих пунктов:

- учение об исламе,
- ответы на нападки на мусульманскую религию и разъяснение сложных учений в области ислама,
- разъяснение суеверий, противных духу ислама,
- проповедь труда с религиозной точки зрения,
- ответы редакции по религиозным вопросам,
- педагогический отдел: преподавание и воспитание, указание на полезные и вредные книги в деле преподавания и проповеди,
- благотворительность по учению ислама,
- отдел татарской литературы (духовной и светской),
- история ислама и татарской нации,
- советы по гигиене,
- библиографический отдел и критика мусульманской литературы,
- о методах преподавания в медресе и мектебах⁵.

Страницы данного издания, как видно из рубрик, позволяли вести диалог с широкой аудиторией на самые различные животрепещущие проблемы татаро-мусульманского сообщества того времени. Особенно четко природа взглядов ученого прослеживается на страницах рубрики «Баб Эль-Фатава» [«Глава фетв»] (ответы редакции на религиозные вопросы) журнала «Ад-Дин вэ Эль-Адаб». Эта рубрика позволяла высказывать мнения относительно исламских правовых норм практически всех аспектов жизни российских мусульман того времени.

Свою доктрину в понимании традиционного ханафитского мазхаба Галимджан Баруди высказал следующими словами: «Хазрат Абу Ханифа говорил: “Предпочитайте слова Корана, хадисы и сподвижников Пророка моим словам!” [...] Не обращать внимания на эти доказательства есть не поддержка имама (Абу Ханифы), а наоборот, противоречие (его мнению)»⁶. Галимджан Баруди был противником бездоказательных новшеств в обрядах поклонения.

⁵ Хисамутдинова Л.С. Галимджан Баруди... С. 128.

⁶ Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1913. № 9. С. 25.

Так, говоря о громком чтении поминаний Аллаха, распространенном в те годы в Чистопольском и Спасском уездах, ученый резюмирует: «...Это может рассматриваться как создание лишних трудностей, и даже как бидгат»⁷. Отличную от традиционного ханафитского мазхаба точку зрения Галимджан Баруди высказывает и в вопросе от имама из г. Тобольска Абу Сагида Бикшинова о минимальном количестве ракагатов⁸ намаза «витр»⁹. Если традиционный ханафитский фикх говорит о минимальных трех ракагатах, то Г. Баруди считает возможным противоречить этому, сводя минимальное количество до одного ракагата. Ученый утверждает, что это является сунной Пророка, более того, хадисы, доказывающие это, приводятся практически во всех достоверных сборниках хадисов «Сахих» и «Сунан». Так, Галимджан Баруди приводит хадис из сборников имама Аль-Бухари и Муслима: «Со слов Ибн Гумара, наш Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, читал ночные намазы по два ракагата, а витр – один ракагат». Из этого следует, считает Г. Баруди, что чтение витр-намаза количеством в один ракагат является законным с точки зрения ислама¹⁰.

Схожий подход проявляется и при рассмотрении вопроса намаз «таравих»¹¹. Традиционное ханафитское право предусматривает двадцать ракагатов этого намаза. Галимджан Баруди, отвечая на вопрос читателя журнала, и тут считает возможным противоречить этому расхожему мнению. Ученый упоминает мнение Ибн Хиббана и Ибн Хузейма, которые в своих сборниках хадисов «Сахих» называют восемь ракагатов. Также в главе о таравих – намазе в сборнике «Сахих Аль-Бухари» супруга Пророка хазрати Гаиша говорила о том, что Пророк читал одиннадцать ракагатов намаза, при чем три из них – витр. Похожее сообщение Галимджан Баруди приводит об Гумаре, сподвижнике Пророка и втором праведном халифе, который собрав народ, приказал читать одиннадцать ракагатов, включая витр. Галимджан Баруди останавливается на этом, так как вопрос касался только восьми ракагатов, не углубляясь в противоречия между мазхабами и не приводя обоснования ханафитского мазхаба касательно дозволенности двадцати ракагатов таравих – намаза. «Целью нашего рассказа о различных суннах является использование на практике ясные, достоверные различные сунны Благородного Посланника, постоянно помнить, что нужно почитать и превозносить сунну над всем, над всеми мазхабами»¹².

⁷ Бидгат – в переводе с арабского означает нововведение, запрещенное новшество в исламе; Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1913. № 13. С. 23.

⁸ Ракагат – в переводе с арабского означает поклон, один законченный цикл намаза. Как правило, намазы состоят из двух или четырех подобных циклов.

⁹ Витр – намаз, особенностью которого является нечетное количество ракагатов.

¹⁰ Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1917. № 13. С. 33.

¹¹ Таравих – намаз, совершаемый в ночное время месяца Рамазан.

¹² Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1917. № 13. С. 34.

Разбирая сложный вопрос о банковских операциях, соотношении их с имеющим место в исламской правовой системе понятием «риба», то есть ростовщичества, Галимджан Баруди призывает не опираться на буквальное толкование норм шариата. Ученый говорит, что если в разделе фикха, посвященном поклонению Аллаху, не предусматривается проверка целесообразности с бытовой точки зрения тех или иных видов поклонения (как-то – намаз, пост, паломничество и т.д.), то в вопросах финансовых и прочих взаимоотношений между членами общества это более чем правомерно, даже необходимо. В отношении последних Галимджан Баруди приводит известное в исламской правовой науке правило, которое он выразил следующими словами: «Законы шариата могут изменяться в зависимости от времени и событий». Ученый делает вывод, что банковская деятельность должна вестись, исходя из потребностей общества и не противоречить целесообразности, и если банковские проценты не являются слишком обременительными, то это не запрещается шариатом¹³.

Также Галимджан Баруди высказал мысль, что пятничная проповедь (хутба), которую в обязательном порядке слушали все мусульмане мужского пола, может и должна читаться на родном татарском языке, в то время как традиционное ханафистское право не предусматривает чтение пятничной проповеди ни на каком языке, кроме «языка Корана», то есть на арабском языке.

Если несколько углубиться в изучение этого вопроса, станет очевидным, что традиционный ханафитский мазхаб говорит о необходимости проведения пятничной хутбы именно на арабском языке. Такого же мнения придерживаются ученые и остальных трех мазхабов. При том главные ученики Абу Ханифы – Имамы Абу Юсуф и Мухаммад считали, что хутба, проведенная не на арабский, недействительна и неприемлема. Более того, если хутба читалась не на арабском языке, вся пятничная молитва недействительна. Исключением является лишь та ситуация, при которой ни один из мусульман данной местности не может произнести хутбу по-арабски.

Сам же имам Абу Ханифа говорил, что проведение пятничной хутбы не на арабском языке носит порицаемый характер, то есть «макрух»¹⁴. Тем не менее, если все-таки имам, руководитель молитвы, исполнит пятничную проповедь не на арабском языке, это не сделает недействительной всю проповедь и весь пятничный намаз, и пятничный намаз будет действителен. При этом в теологической среде имело место ошибочное понимание мнения Абу Ханифы.

¹³ Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1913. № 15. С. 19.

¹⁴ Макрух – в переводе с арабского означает нежелательное. В традиционном мусульманском праве этим термином называются действия, совершение которых не является грехом, однако за отказ от них верующий получит награду.

Так, отдельные исследователи утверждали, что это была позиция имама Абу Ханифы в ранние годы, а затем он изменил свою точку зрения и стал придерживаться мнения своих учеников. Однако это утверждение справедливо лишь отчасти, и касается другого смежного вопроса мусульманской теологии, – о допустимости декламировать Коран не на арабском языке. Так, имам Абу Ханифав ранних трудах считал это дозволенным, однако затем отказался от этой точки зрения. Исходя из этих слов, представляется несколько недоработанной точка зрения Р. Батрова, считающего дозволенность чтения Корана в намазе не на арабском языке частью традиционной ханафитской доктрины¹⁵.

Таким образом, касательно данного вопроса мнение Абу Ханифы совпало с общим решением мусульманских ученых. Абу Ханифа считал, что хутба не на арабском нежелательна, но, тем не менее, считал ее действительной, как и пятничную молитву после такой хутбы, что и было окончательным решением данного вопроса в ханафитской школе¹⁶.

Галимджан Баруди, изучив данный вопрос, пришел к однозначному выводу о допустимости пятничной проповеди на татарском языке, несмотря на то, что это вызвало недовольство со стороны представителей кадимистского направления в среде мусульман XIX – начала XX в., первые пятничные проповеди на татарском языке зазвучали с начала 1900-х гг. Галимджан Баруди, будучи сторонником изменения устаревших норм, считал допустимым читать пятничную проповедь на татарском, так как считал, что это намного более полезно для слушателя, чем набор непонятных арабских выражений¹⁷. Ученый видел в пятничной проповеди большой воспитательный потенциал, так как, будучи понятной населению, она подвигнет их к возвращению в себе благих нравов, правильного поведения, духовной чистоты. Особенно это положение касается той общей массы верующих, которые не утруждали себя учебой, приобретением дополнительных знаний у мугаллимов, а исполняющих лишь самые базовые обязательные предписания. В этой связи, делает вывод Галимджанхазрат, хутба должна читаться на тюркском (татарском) языке, понятном подавляющему большинству мусульманского народонаселения Российской империи начала XX в.¹⁸

В одном из номеров упомянутого журнала «Ад-дин вэ Эль-Адаб» за 1915 г. автор разбирает вопрос поминания Аллаха и мольбы к Аллаху

¹⁵ Учение Абу Ханифы попало в ДУМ РТ под негласный запрет. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/338218>.

¹⁶ Язык пятничной проповеди. Муфтий Таки Усмани. URL: <http://al-ismad.kz/namaz/yazyk-pyatnichnoj-propovedi-2.html>.

¹⁷ Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1915. № 8. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 24.

между двумя «сажда» (земными поклонами) во время намаза. Галимджан Баруди пишет, что в ханафитской религиозно-правовой школе подобная практика не предусмотрена, так как ханафитские теологи не упоминают подобный вид поклонения в своих книгах. Однако, считает автор, ввиду того, что хадис (предание от Пророка), говорящий о том, что подобная практика имела место быть во времена Пророка Мухаммада, заслуживает полного доверия и приводится в весьма авторитетных сборниках, таких как сборник хадисов имама Тирмизи, сборник Ибн Маджа, сборник Абу Дауда, сборник имама Хакима, то мусульманин не имеет права отвергать это. При наличии ясного доказательства из сунны достопочтимого Пророка положение религиозно-правовой школы, мазхаба, необходимо оставить как не соответствующее шариату в полной мере¹⁹.

Также Галимджан Баруди высказывал мысль о составных частях веры («иман»), говоря, что она состоит из трех частей – убежденности в сердце, подтверждение языком и свершение праведных дел, тогда как традиционная ханафитская доктрина утверждает необходимость лишь первых двух частей – убежденности в сердце и подтверждение языком. То есть традиционный ханафизм для придания человеку статуса «верующего» не ставит условия обязательного совершения праведных дел. Галимджан Баруди же утверждает, следующее: «Вера, в соответствии с разъяснениями Корана и Сунны, становится полной через: икран (подтверждение языком), тасдыйк (признание сердцем) и амалсалих (праведные деяния). Благие дела со всеми его видами считаются следствием и плодами настоящей веры и правильного убеждения, и считаются самоцелью веры и его естественным результатом. Настоящая и совершенная вера обретается лишь через упомянутые благие дела. Каждое благое дело является частью веры»²⁰.

Галимджан Баруди о мусульманских религиозно-правовых школах

Галимджан Баруди уделял немалое внимание истории мусульманских религиозно-правовых школ. Говоря о происхождении мазхабов, Г. Баруди выделяет первоначальный этап, в котором существовало только две основные школы – «иракская» и «хиджазская»²¹. Духовным лидером первой школы был Абу Ханифа Нугман Ибн Сабит, лидером второй – Малик

¹⁹ Ад-дин ва аль-Адаб. 1915. № 2. С. 39.

²⁰ *Хабибуллин Р.Р.* Реформаторские взгляды Г. Баруди // Бигиевские чтения: богословская мысль российских мусульман XIX – начала XX вв. М., 2015. С. 34.

²¹ Хиджаз – часть территории Арабского полуострова.

Ибн Анас. Так возникли первые два мазхаба, третьим был мазхаб имама Мухаммада Ид ИдрисАш – Шафиги, который объединил методологии ханафитского и маликитского мазхабов. Последним же в хронологическом порядке стал мазхаб имама Ахмада Бин Ханбаля²². Галимджан Баруди отмечает важное обстоятельство, что количество религиозно-правовых школ в исламе не ограничивалось четырьмя, и кроме вышеперечисленных имели место еще двенадцать мазхабов, а именно: мазхабы Суфьяна Ас-Саури, Ибн Абу Лэйля, мазхаб Аль-Аузаги, Суфьяна Ибн Уейны, Лейса Ибн Сагда, Исхака Ибн Рахавейх, Давуда Аз-Захири, Такый Аль-Андалуси, Ибн Джарира Ат-Табари, Ибн Хузеймы Ан-Найсабури, Абу Саура Ибрахима Аль-Куляби, Али Ибн Ахмада Ибн Хазма, причем у всех перечисленных мазхабов было немало последователей²³. Галимджан Баруди отмечает, что несмотря на то, что последователей этих мазхабов на сегодняшний день не осталось, и до нас в полной мере дошли лишь четыре мазхаба, нет никаких доказательств от Пророка Мухаммада, обязывающих мусульман придерживаться какой-то одной правовой школы. Имеют место лишь общие указания Посланника для незнающих мусульман следовать за учеными. На основании этого Галимджан Баруди делает вывод, что в частных вопросах фикха для тех, кто не разбирается в должной мере в шариате, необходимо следовать одному выбранному мазхабу²⁴.

Развивая данную мысль, Галимджан Баруди упоминает, что ни от одного из основателей мазхабов не передается призывов строго следовать лишь его школе, более того, все они призывают не знающих их доказательств не пользоваться их фетвами. Из этого ученый делает вывод, что мукаллид²⁵ обязан знать шариатские доказательства того, за кем он следует, так как таклид²⁶ по сути – это вынужденная необходимость, особое дозволение тому, кто не в состоянии самостоятельно изучать Коран, хадисы и другие шариатские доказательства. Великие имамы, отвечая на те или иные шариатские вопросы, руководствовались этими доказательствами, и впоследствии их ответы создали прецедентные нормы, которые и сформировали мазхабы как единые правовые школы со своей методологией. Это – иджтихад²⁷ ученых, основанный на их методологии. Галимджан Баруди считает, что пример научной и практической деятельности ученых не

²² Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1914. № 1. С. 28.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 29.

²⁵ Мукаллид – в переводе с арабского означает следующий за кем-либо.

²⁶ Таклид – в переводе с арабского означает следование.

²⁷ Иджтихад – в переводе с арабского означает старание, выведение религиозно-правового положения.

закрывает «врата иджтихада», а, напротив, открывает их, так как конечной целью создания мазхабов было научить мусульман методологии иджтихада. Утверждение о том, что «врата иджтихада закрылись», стало причиной того, что многие ученые последних столетий оставили такую науку, как фикх. Это дошло до такой степени, делал вывод Г. Баруди, что «на сегодняшний день те, кто думают, что они ханафиты, не ведают об основах ханафитского мазхаба»²⁸.

Основываясь на вышесказанном, Галимджан Баруди высказывает мысль, что представителю ханафитского мазхаба дозволено, в случае, если это не противоречит шариату и является полезным, опираться на другой мазхаб, так как все эти мазхабы в основе своей правильные. Не будет грехом совершать дела в соответствии с любым из них²⁹.

Галимджан Баруди выдвигает требования к имам-муджтахидам современности. Он говорит, что для иджтихада им необходимы широкие познания в таких науках, как усуль аль-фикх, фикх, арабский язык, тафсир, хадис. При этом Г. Баруди не ставит условием для каждого ученого знания всех аспектов и тонкостей шариата, достаточно, если они будут соблюдены одним сообществом ученых. Некоторые члены такого сообщества могут быть профессионалами в науке тафсир, другие – в хадисах и так далее. Данное сообщество, считает Г. Баруди, будет отвечать всем необходимым требованиям и иметь право выносить религиозно-правовые суждения по широкому кругу вопросов³⁰.

Несмотря на широту взглядов в вопросах действия тех или иных религиозно-правовых норм мазхаба Абу Ханифы, Галимджан Баруди не выходил из этого мазхаба, считал себя ханафитом. Он обдуманно защищал от нападков книги по ханафитскому праву, такие, как «Мухтасар Аль-Викая», «Мухтасар Аль-Кудури», запрещая вносить в них какие-либо изменения, даже если эти изменения были продиктованы конъюнктурой нового времени³¹. Зачастую Галимджан Баруди дает фетвы, опираясь на ханафитскую школу, например, в вопросах об обязательности «гушр-садака»³² с урожая, изначально предназначенного для мечети и медресе, о взимании его с незасеянных, но дающих плоды земель. В данных вопросах Г. Баруди, следуя традиционному ханафитскому фикху, говорит об обязательности этих действий³³. В вопросе о зубных протезах, сделанных из золота (в основе

²⁸ Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1914. № 1. С. 30.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. 1916. № 8. С. 21–22.

³¹ Там же. 1915. № 8. С. 28.

³² Гушр – садака или закят аль-гушр – обязательная милостыня с земель и посевов, равная 1/10 части урожая.

³³ Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1915. № 5. С. 21–22.

своей запретного для ношения мужчинами) и серебра, Галимджан Баруди говорит «в нашем ханафитском мазхабе»³⁴, приводит слова Абу Ханифы, что использование для этих целей золота неправильно. Г. Баруди также опирается на трактат по ханафитскому фикху «Хидая» и мнение ученых ханафитской религиозно-правовой школы.

Эти взвешенные, с точки зрения исламского права, грамотно разъясненные фетвы ярко демонстрируют, что Галимджан Баруди, будучи ханафитом по-своему мазхабу, приверженцем традиционного течения ислама и даже суфийским духовным практикам, считал допустимым изменения религиозно-правовых норм ханафитского мазхаба, если на то есть необходимость для мусульман данного исторического периода. Подобный сбалансированный подход позволил решить многие религиозно-правовые проблемы мусульман России XIX – начала XX в.

Выводы

Таким образом, исходя из проведенного анализа отношения одного из ярких лидеров и ученых российской мусульманской уммы Галимджана Баруди к мазхабу, необходимо отметить, что ученый призывал следовать мазхабу обдуманно. Это показывает довольно умеренный подход Галимджана Баруди к вопросу следования мазхабу. Галимджан хазрат не призывал отказываться от самостоятельного научного поиска в сфере теологии, доверяясь лишь ученым прошлых столетий. Напротив, все его научное творчество было пропитано постоянным поиском золотой середины в этом трудном вопросе. Это позволило Галимджан хазрату Баруди в полной мере достойно ответить на вызовы той трудной эпохи, которую переживала страна в начале XX в. Несмотря на то, что мусульманская модернизация XIX – начала XX в. была остановлена Русской революцией 1917 г. и не была завершена³⁵, научные изыскания Галимджана Баруди имеют глубокий исторический отклик и по сей день. Имеется основание утверждать, что именно этот умеренный, взвешенный подход, основанный на широких познаниях как в мусульманском праве и вероучении, так и в современных на то время достижениях цивилизации, стал залогом успешной профессиональной деятельности Галимджана Баруди и укрепления позитивных традиций российских мусульман. Эти его качества были признаны не только

³⁴ Ад-Дин вэ Эль-Адаб. 1916. № 7. С. 18.

³⁵ *Gafarov A.A., Nabiyev R.A.* Phenomenon of religious revival in the context of the experience of modernization of the Muslim Community in the late XIX – early XX centuries // *Journal of Sustainable Development*. 2015. Vol. 8. № 4. P. 253.

потомками, но и современниками, что позволило Галимджану Баруди впервые в истории на Всероссийском съезде мусульман, проходившем с 1 по 2 мая 1917 г. в Москве, стать муфтием, избранным на альтернативной основе.

© Абулханов Н.Б., Набиев Р.А., 2018

Рукопись поступила: 25 июля 2017 г.

Submitted: 25 July 2017

References

- Barudi, G. “Bab El`-Fatawa.” [Chapter of fatwas] *Ad-Din ve` E`l`-Adab* [Religion and morality], no. 9, 13, 15 (1913) (in old-Tatar).
- Barudi, G. “Bab El`-Fatawa.” [Chapter of fatwas] *Ad-Din ve` E`l`-Adab* [Religion and morality], no. 1 (1914) (in old-Tatar).
- Barudi, G. “Bab El`-Fatawa.” [Chapter of fatwas] *Ad-Din ve` E`l`-Adab* [Religion and morality], no. 2, 5, 8 (1915) (In old-Tatar).
- Barudi, G. “Bab El`-Fatawa.” [Chapter of fatwas] *Ad-Din ve` E`l`-Adab* [Religion and morality], no. 7, 8 (1916) (in old-Tatar).
- Barudi, G. “Bab El`-Fatawa.” [Chapter of fatwas] *Ad-Din ve` E`l`-Adab* [Religion and morality], no. 13 (1917) (in old-Tatar).
- Batrov, R. “Uchenie Abu Hanify` popalo v DUM RT pod neglasny`j zapret?” [The teachings of Abu Hanifa fell into the DUM of the RT under an unspoken ban?] *Biznes-onlayn*. 2017. <https://www.business-gazeta.ru/article/338218> (in Russian).
- Gafarov, A.A., Nabiyeu, R.A. “Phenomenon of religious revival in the context of the experience of modernization of the Muslim Community in the late 19th – early 20th centuries.” *Journal of Sustainable Development* 8, no. 4 (2015): 253–259.
- Gafarov, A.A., Nabiyeu, R.A., Fazliev, A.M., and Nafikov, I.Z. “‘Muslim matter’ in the mirror of public discussion (19th – beginning of 20th century).” *Journal of Fundamental and Applied Sciences*, no. 9 (7S) (2017): 1257–1265.
- Habibullin, R.R. “Reformatorskie vzglyady` G. Barudi.” [G. Barudi’s reformist views] In *Bigievskie chteniya: bogoslovskaya my`sl` rossijskix musul`man XIX – nachala XX vv.* [Bigiev readings: theological thought of the Russian Muslims of the 19th – early 20th centuries], 30–39. Moscow: Duhovnoe upravlenie musul`man Rossiyskoy Federacii, 2015 (in Russian).
- Hisamutdinova, L.S. *Galimdzhan Barudi: zhizn` i obshhestvenno– politicheskaya deyatel`nost`* [Galimdzhan Baroudi: the life and public – political activity]. Kazan: Huzur Publishing Hous Spokoystvie, 2016 (in Russian).
- Istoriya medrese «Muxammadiya»* [The history of madrassas “Muhammadiyah”]. http://mohammadiya.tatar.ru/istoriya_Muhammadiya.php (in Russian).
- Usman, T. *Yazyk pyatnichnoy propovedi, Muftiy Taki Usmani* [The language of the Friday sermon, Mufti Taqi Usmani]. <http://al-isnad.kz/namaz/yazyk-pyatnichnoj-propovedi-2.html> (in Russian).

“The golden mean” in views of mufti Galimjan Barudi: attitude to religious-legal schools in traditions of Russian Muslims

Nail B. Abulhanov^a, Rinat A. Nabiev^b

^aCentralized religious organization –
Spiritual board of Muslims of the Republic of Tatarstan
38 Tukaya St., Kazan, 420021, Russia
nailabulhanov@mail.ru

^bKazan Federal University
18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia
nabiev@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the topic of the day – the formation of the tradition of Russian Muslims on the issues of the attitude to the religious-legal schools on the example of the views of Galimjan Barudi, the outstanding religious figure of the 19th – early 20th centuries. The article touches upon his views on the important issues for Muslims of the Russian Empire, his reformist views on the attitude of Muslims towards the traditional religious-legal schools, in particular his view of the Hanafi religious-legal school, which is the most widespread among Russian Muslims. There are examined his achievements in the field of improving the Muslim education. The article demonstrates the scientist’s contribution to the formation of a new system of education of the Muslim peoples of the Russian Empire of the late 19th – early 20th centuries, based on the principles of reformation, “Jadidism”. Galimjan Barudi, the creator of the famous madrassah “Muhammadiya”, took an active part in these processes; he was the author of many scientific works devoted to reforming not only the educational system of Muslims of Russia, but the entire way of life of the Muslim peoples, especially the peoples of the Volga-Ural region of the country. The article reflects Galimjan Baroudi’s point of view on one of the most burning theological and legal issues – the possibility of *ijtihad* in the contemporary Muslim society, the “closing of the *ijtihad* gates”, since this issue was crucial in the theological disputes between the reformist direction of “Jadidism” and the traditionalist direction of “kadimism”. In addition to purely scientific research, these issues affected broad strata of the Muslim population, which was reflected in the publishing and educational activities of Galimjan Barudi. There is considered the issue of the possibility of changing the provisions of religious-legal schools in the spirit of the new time, in accordance with the circumstances of the changing socio-political and economic relations. The article provides Galimjana Barudi’s fatwas on various issues and analyzes their compliance with the traditional Hanafi law. There is reflected Galimjan Barudi’s general attitude to the Hanafi madhhab, as well as his attitude to reformation among Muslims of Russia in the 19th and early 20th centuries.

Keywords: Russian Muslims, religious and legal schools (madhhabs), *ijtihad*, Hanafi madhhab, reformation, jadidism, mufti Galimjan Barudi

For citation: Abulhanov, Nail B., Nabiev, Rinat A. ““The Golden Mean” in views of mufti Galimjan Barudi: attitude to religious-legal schools in traditions of Russian Muslims.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 538–550. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-538-550

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-551-580

Становление и развитие богословской мысли татар: история и тенденции

Р.К. Адыгамов

Институт истории имени Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
420014, Казань, Кремль, 5 подъезд
abu_muhammad@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется история возрождения после почти трехсотлетнего застоя общественно-богословской мысли татар, которая приходится на период второй половины XVIII – первой четверти XX в. Исследование данной проблемы и в частности проблем исламского права в рамках данного периода, предполагает, в первую очередь, выявление основных культурных, социальных и политических факторов, оказавших влияние на становление и развитие богословской мысли татар. В качестве важнейшего из факторов автор называет ислам, официальное принятие которого состоялось булгарами (предками татар) в X в., после чего исламская религиозная традиция прочно закрепилась и сохранялась, несмотря на монгольское нашествие, распад Золотой Орды, завоевание Казанского ханства. Вместе с тем в статье отмечается, что после взятия Казани и вплоть до конца XVIII в. наблюдался застой в социальной жизни и общественной мысли татар. Лишь после указа Екатерины II о веротерпимости начинается процесс возрождения общественно-богословской мысли татар. Поскольку татары получали религиозное образование в мировых религиозных центрах, то идеи богословов исламского мира оказывали значительное влияние на формирование их взглядов. Автор статьи обращается к трудам таких татарских богословов, как Ахмад ас-Сирхинди, Мехмед Бергеви, Шах Валиулла, Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб, Афгани, Абдо, Рашид Рида, большинство из которых объединяли ханафитская богословская школа и накшбандийский тарикат. Вторым по значимости фактором, оказавшим влияние на развитие богословской мысли татар, по мнению автора, были идеи европейских и российских реформаторов, с которыми татарские мыслители знакомились через систему образования, а также из трудов мыслителей. В совокупности перечисленные факторы оказывали влияние на формирование собственно реформаторского течения в татарской общественно-богословской мысли, способствовавшего дальнейшему социально-экономическому развитию татарского социума.

Ключевые слова: ислам, татарские богословы, татарская общественная мысль, татарская богословская мысль

Для цитирования: *Адыгамов Р.К.* Становление богословской мысли татар: история и тенденции ее развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 551–580. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-551-580

Введение

В последние годы мир в целом и Российская Федерация в частности столкнулись с рядом проблем, угрожающих не только стабильности социума, но и его целостности и даже существованию. Одной из них, безусловно, является проблема глобализации. С одной стороны, бурно развивающиеся экономические взаимоотношения и научно-технический прогресс открыли перед людьми новые возможности, позволили построить транснациональные корпорации. Но, с другой стороны, побочным эффектом глобализации явилось размывание традиционных нравственно-этических устоев общества. Демонстрируется это в попытках по-новому осмыслить понятия семьи, гендера, их роли в обществе, в распространении нетрадиционных представлений о правах и свободе граждан, взаимоотношении между поколениями, в новых подходах к этичности тех или иных научных исследований и использованию их результатов.

Другой проблемой является терроризм и рост экстремистских настроений, что заставляет социум и правительства искать все новые пути противодействия. Это особенно актуально для полиэтничного и поликонфессионального российского общества, в истории которого был период, когда после распада СССР народы, лишившиеся собственной идеологии, были особенно уязвимы и восприимчивы к различным идейным течениям, проникавшим из-за рубежа. В своем большинстве они сформировались в совершенно иных условиях моноэтнических и моноконфессиональных сообществ и, привнесенные на российскую почву, представляли собой угрозу для целостности и благополучия социума. В связи с этим изучение вопроса об истоках формирования и дальнейшем развитии отечественной богословской мысли видится особенно актуальным, так как позволяет понять причины уникальности традиций народов, населяющих нашу страну, и строить добрососедские взаимоотношения между представителями различных этносов и конфессий, основанные на принципах толерантности.

Период со второй половины XVIII – первой четверти XX в. для богословской мысли татар является особенным, так как после трехсотлетнего застоя наблюдается ее возрождение. Но исследование истории этого процесса и, в частности, проблем исламского права данного периода предполагает, в первую очередь, рассмотрение основных культурных, социальных и политических событий, оказавших влияние на ее становление и развитие.

Для достижения этой цели необходимо проследить исторический путь и выявить факторы, оказавшие определяющее влияние на формирование богословской школы Волго-Уральского региона. Не вызывает сомнений, что «одним из самых важных факторов, оказавших влияние на развитие татар-

ской богословской мысли, был ислам, который, будучи фактором формирования общественного сознания... и поведенческих стереотипов..., до сих пор оказывает существенное воздействие на ход политических событий»¹.

Историографию проблемы можно условно разделить на три периода, дореволюционный (1876–1917 гг.), советский (1920–1990) гг. и постперестроечный период.

Из дореволюционных исследований следует выделить труды Ш. Марджани², М. Рамзи³, Р. Фахрутдинова⁴. В их работах рассмотрены как проблемы истории ислама в Поволжье, так и биографии богословов.

В 1920-е гг. деятельность татарских богословов изучали Г. Сагди⁵, Г. Рахим, Г. Губайдуллин⁶ и Дж. Валиди⁷.

В 1940–1960 гг. исследованием деятельности поэта и богослова занимались в основном В.М. Горохов⁸ и У. Беляева⁹. Наследие татарских богословов в эти труды рассмотрено с точки зрения классовых отношений и в этой связи характеризуются стремлением причислить их к разряду прогрессивных мыслителей.

В 1980-е гг., жизнь и деятельность татарских богословов рассматривалась в исследованиях А. М. Шарипова¹⁰, М.А. Усманова¹¹ и Я.Г. Абдуллина¹². В их работах также прослеживается влияние советской идеологии, в рамках которой прогрессивными могли быть только светское составляющее в творчестве того или иного мыслителя.

¹ Мухаметшин Р. Татары и ислам в XX веке. Казань, 2003. С. 4.

² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. В 2-х тт. Казань, 1897 (на татарском яз.).

³ Рамзи М. М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. в 2-х т. Оренбург, 1908 (на татарском яз.).

⁴ Фахреддин Р. Асар. Оренбург, 1904 (на татарском яз.).

⁵ Сэгъди Г. Татар эдэбияты тарихы. Казань, 1926 (на татарском яз.).

⁶ Рэхим Г., Газиз Г. Татар эдэбияты тарихы. Казань, 1923 (на татарском яз.).

⁷ Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар до революции 1917 г. М., 1923.

⁸ Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань, 1941; Горохов В.М. Школьное образование среди татар Поволжья в XIX и начале XX века. Казань, 1947.

⁹ Беляева Ю. Г. Утыз-Имэни. Борынгы татар адабияты. Казань, 1963.

¹⁰ Утыз-Имэни эл-Болгари Г. Шигырьлэр, поэмалар. Казань, 1986 (на татарском яз.).

¹¹ Усманов М.А. Автографы Марджани на полях подлинника проекта Х. Фаизханова о школьной реформе // Ш. Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Сб. ст. Казань, 1990; Он же. Заветная мечта Хусаина Фаизханова: Повесть о жизни и деятельности. Казань, 1980; Он же. Источники книги Ш. Марджани «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1969; Он же. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. Казань, 1972.

¹² Абдуллин Я. Г. Татарская просветительская мысль. Казань, 1976.

В отечественной историографии в 1990-е гг. наметился определенный перелом, который характеризовался, в первую очередь, тенденцией к отходу от прежних идеологизированных методологических установок. Среди отечественных работ следует выделить исследования Р.М. Мухаметшина¹³, А.Н. Юзеева¹⁴, А. Г. Хайрутдинова¹⁵, Г. Идиятуллиной¹⁶, Л. Алмазовой¹⁷ и др.

Существенным вкладом в изучение наследия татарских богословов и исторических процессов, в рамках которых они формировались, явились работы немецкого исследователя М. Кемпера¹⁸, турецкого И. Мараша¹⁹.

Также среди исследований последних лет, касающихся данной проблематики, можно выделить исследования Д.А. Шагавиева²⁰, П. Сартори²¹, Д. Усмановой²², Д. Де Виза²³, Дж. Эдена²⁴, И. А. Мухаметзарипова²⁵, Е.Ю. Смоларц²⁶ и др.

¹³ *Мухаметшин Р.* Исламский фактор в общественном сознании татар в XVI–XIX вв. Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения // Сб. материалов международного научного семинара «Христиано-исламское пограничье: история, современность и перспективы». Казань, 1994; *Мухаметшин Р.* Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань, 2003.

¹⁴ *Юзеев А.* Татарская философская мысль конца XVIII – XIX веков. Казань, 1998.

¹⁵ *Хайрутдинов А.* Муса Бигиев об абсолютности Божьей милости. Казань, 1998; *Хайрутдинов А.Г.* Последний татарский богослов. Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. Казань, 1999; *Хайрутдинов А.Г.* Наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов. В 3-х частях. Казань, 2000.

¹⁶ *Идиятуллина Г.* Духовно-религиозная атмосфера в Поволжье в XVII–XVIII вв. URL: <http://tataroved.ru/publication/jad/2/g13>.

¹⁷ *Алмазова Л.И.* Проблема человека в трудах татарских богословов. Казань, 2003.

¹⁸ *Кемпер М.* Между Бухарой и средней Волгой: Столкновение Абд ан-Насра ал-Курсави с улемами-традиционалистами // Мир ислама. 1999. № 1. С. 160–161.

¹⁹ *Мараш И.* Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917). Казань, 2005.

²⁰ *Шагавиев Д.А.* Роль Шигабутдина Марджани в развитии татарской богословской мысли XIX века. Казань, 2010; *Он же.* Влияние мусульманского реформатора Джамал ад-Дина ал-Афгани на татарского богослова Ризаэтдина Фахретдина (Ризу Фахретдинова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 4. С. 118–125.

²¹ *Sartori P.* Exploring the Islamic Juridical Field in the Russian Empire: an Introduction // *Islamic law and society*. 2017. Vol. 24. № 1–2. P. 1–19.

²² *Усманова Д.* Мусульманские метрические книги в российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 106–153.

²³ *De Weese D.* It was a Dark and Stagnant Night (‘til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2016. № 59. С. 37–92.

²⁴ *Eden J., Sartori P., De Weese D.* Moving beyond modernism: rethinking cultural change in Muslim Eurasia (19th–20th centuries) // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. February. 2016. № 59. С. 37–92.

²⁵ *Мухаметзарипов И. А.* Особенности функционирования норм шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – начале XX в.: автореферат дисс. ... к.и.н. Казань, 2010.

²⁶ *Смоларц Е.Ю.* Укрепление верноподданнических чувств среди мусульман Российской империи посредством дополнения традиционной молитвы возношением

Среди исследований, которые во многом способствуют осмыслению основных процессов, происходящих на рубеже XVIII – XIX вв. и дают возможность разносторонне представить историческую эпоху, когда жили богословы, следует выделить труды С.Х. Алишева²⁷, Д.Д. Азаматова²⁸, И.А. Гилязова²⁹, Ф.Г. Ислаева³⁰, Д.М. Исхакова³¹, А.И. Ногманова³², А. Франк³³, А. Каппелер³⁴, А.Ю. Хабутдинова³⁵.

Исследования Хайрутдинова А. Г., Идиятуллиной Г., Алмазовой Л., Шагавиева Д., Адыгамова Р. кроме анализа исторических процессов также затрагивают биографии и анализ трудов татарских богословов.

В статьях А. Франка, Д. Де Виза, П. Сартори приводится критический взгляд на сложившиеся научные оценки исторических процессов, а также понятия «джадидизм», «кадимизм», «исламское реформаторство» и «модернизм».

Проблема истоков и содержания салафитской идеологии и мусульманского реформаторства освещалась на основе исследований Гордон-Полонской и М.Г. Степанянц.

Новизна данного исследования заключается в попытке рассмотреть основные этапы истории зарождения и развития исламской богословской мысли в Поволжье, а также выявить и обобщить основные тенденции, оказавшие влияние на ее становление и развитие.

императорского дома во второй четверти XIX в. Сб. статей. Материалы международной научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX в.)». Казань, 2015. Вып. 5.

²⁷ Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.

²⁸ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999.

²⁹ Гилязов И.А. Татарское крестьянство Среднего Поволжья во 2-й половине XVIII в.: Дисс... к.и.н. М., 1982.

³⁰ Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к нетерпимости. Казань, 2001.

³¹ Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа: XVIII – начало XX вв. Казань, 1993; *Он же*. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998.

³² Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVIII веков. Казань, 2005.

³³ Frank A. Islamic historiography and «Bulgar» identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden; Boston; Köln; Brill, 1998; Frank A. Muslim Cultural Decline in Imperial Russia: A Manufactured Crisis. Leiden // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2016. № 59. С. 166–192.

³⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

³⁵ Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – и начале XX веков. Казань, 2001.

Проникновение ислама в Волго-Уральский регион

Как известно, существует несколько гипотез о распространении ислама в Волго-Уральском регионе. Согласно одной из них, первыми ислам принесли в регион трое сподвижников пророка Мухаммада³⁶, однако не только современные историки, но еще и Ш. Марджани подвергли эту версию серьезной критике. Согласно второму предположению, основанному на данных о знакомстве с исламом дунайских болгар, ислам проник в регион уже в VIII веке³⁷. Третья гипотеза связывает проникновение ислама в регион с активными торгово-экономическими взаимоотношениями болгар со странами Средней Азии и державой Саманидов, что подтверждается большим количеством артефактов – саманидскими дирхемами, найденными в этом регионе во время археологических раскопок³⁸.

Как указывают письменные источники, в частности путевые записки Ибн Фадлана, документальная достоверность которых признается большинством исследователей, официальное принятие ислама булгарами происходит в 922 г. в момент прибытия посольства багдадского халифа Муктадира, возглавляемого Сусаном ар-Расси³⁹. В то же время путевые записки Ибн Фадлана дают возможность сделать выводы о наличии в регионе сформировавшейся к тому времени богословской школы. На это указывают описанные автором наблюдения за особенностями совершения булгарами ночной молитвы в летнее время, а также факт отказа булгарского хана принять шафиитский порядок богослужения⁴⁰.

После посещения посольства и вплоть до нашествия Чингисхана ислам продолжал укреплять свои позиции в регионе и превращался в государственную идеологию, на основе которой принимались и политические решения. Благодаря тесным контактам болгар со Средней Азией в Волжской Булгарии распространяется не только ислам ханафитского толка, но также и суфийские тарикаты, оказавшие значительное влияние на развитие богословской школы региона⁴¹.

³⁶ *Измайлов И.* Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии. Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2006. С. 36.

³⁷ Там же. С. 29.

³⁸ Там же. С. 36.

³⁹ Материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям. Сб. статей / Под ред. Р.С. Хакимова, З.Р. Валеевой, М.Р. Гайнановой. Казань, 2016. С. 48.

⁴⁰ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л, 1939. С. 70–71.

⁴¹ Материалы круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана... С. 37.

Как известно, Чингисхан и его потомки толерантно относились к представителям всех конфессий, поэтому их завоевание не только не внесло существенных изменений в религиозную ситуацию региона, но и сами они приняли ислам и установили его в качестве государственной религии. В результате чего исламская традиция закрепляется в Золотой Орде и находит свое продолжение во всех государствах, возникших после ее распада, в том числе и в Казанском ханстве.

Ислам после падения Казанского ханства

В 1552 г. Казань была завоевана Иваном Грозным, в результате чего ханство перестало существовать. Но, несмотря на это, борьба татарского народа за свою независимость продолжалась вплоть до 1570 г.⁴² Новые власти жестоко пресекали все попытки вернуть независимость, но даже подавление народно-освободительного движения не остановило решимость местного населения противостоять захватчикам, и восстания еще долгое время вспыхивали в различных регионах Поволжья, населенных татарами. Принимавшие участие в крупных народных волнениях, время от времени вспыхивавших в различных уголках Российской Империи, татары всеми средствами стремились вернуть себе независимость. Стоит отметить, что наряду с вооруженной борьбой предпринимались попытки решения проблемы политическим путем. С этой целью татары, всегда славившиеся дипломатическими способностями, посылали своих представителей к османскому султану⁴³.

Восстания 50–60-х годов XVI в., возглавляемые наиболее авторитетными представителями знати⁴⁴, приводили к гибели предводителей, поэтому народным сопротивлением зачастую руководили лидеры духовенства. Так, например, в восстаниях более позднего периода предводительствовали мулла Сеит 1681–1684 гг. и мулла Батырша 1755–1756 гг.⁴⁵.

В результате завоевания Казанского ханства в XVI в. татарами была утрачена государственность, произошел демографический кризис, безвозвратно погибло большое число материальных и культурных ценностей. Но самое главное – был нанесен невосполнимый интеллектуальный урон.

⁴² Валиуллин И. Проявление религиозного фактора в выступлениях татар во второй половине XVI–XVIII вв. // Мир ислама. 2005. № 3. С. 79.

⁴³ Мухаметшин Р. Татары и ислам в XX веке. Казань, 2003. С. 32.

⁴⁴ Там же. С. 34.

⁴⁵ Валиуллин И. Проявление религиозного фактора в выступлениях татар во второй половине XVI–XVIII вв.... С. 75–89.

Гибель интеллектуальной элиты народа в борьбе за свою независимость стала причиной застоя богословской мысли татарского народа, который продолжился вплоть до середины XVIII в.

Характеризуя период второй половины XVI – первой половины XVIII в., следует отметить, что татары не только оказывали вооруженное сопротивление захватчикам, но в то же время стремились сохранить свою самобытность, оставаясь преданными своим традициям и отторгая все чуждое, не связанное с их религией и культурой. На фоне упомянутых трагических событий усиливается тенденция к сохранению своих культурных, национальных и религиозных традиций, и главную роль в этом сыграло мусульманское духовенство.

Для того, чтобы сохранить свою этно-конфессиональную самобытность и противостоять влиянию насильственной христианизации и ассимиляции, татарское общество все сильнее и сильнее отчуждалось от внешнего мира и его воздействий. В этой непростой ситуации главными инструментами сохранения этно-конфессиональной самобытности стали религия, язык, национальные ремесла, различные виды народного творчества и многое другое.

Стоит отметить, что все проявления культуры народа были наполнены религиозным содержанием. Все, что не совпадало с традиционными для татарского народа устоями, воспринималось как нечто инородное, губительное для религии и нации и резко отторгалось. Результатом этого стала тотальная самоизоляция и замкнутость. Подобная обособленность, с одной стороны, позволила сохранить этно-конфессиональную самобытность, но в то же время привела к глубокому кризису и стагнации. Народ отгородился своей национально-культурной средой и не шел по пути дальнейшего развития. Духовные лидеры татарского народа, видевшие его отставание, искали выход из кризиса, к которому привела самоизоляция, в прогрессивном идейном наследии авторитетных мусульманских мыслителей того времени. В ведущих образовательных центрах Средней Азии, Османской империи и др. деятели татарского духовенства обогащались знаниями, тем самым способствуя возрождению богословской мысли татар.

Выше было сказано, что предки татар, болгары, имели тесные экономические, духовные и ментальные связи с народами Средней Азии. Завоевание Казанского ханства не смогло оборвать эти связи, так как регион был близок к ним этнически и духовно. Более того, когда в 1744 г. под Оренбургом был создан Сеитовский посад (татарская слобода), связи татар с их единоверцами из Средней Азии возродились и начали усиливаться.

Восстановление этих связей имело положительное значение и для усиления экономических взаимоотношений между Российской Империей и государствами Средней Азии. При этом татарские купцы и шакирды были посредниками между ними. Но, в отличие от властей Российской Империи, татар интересовала не только возможность экономического взаимодействия, но и духовное наследие среднеазиатских богословов. С этой целью они вновь начинают обучаться в таких известных образовательных центрах, как Бухара, Самарканд, Кабул и др. После издания указа Екатерины II о веротерпимости в 1773 г. учеба татарских шакирдов в среднеазиатских медресе становится легальной.

Среднеазиатское влияние на татарскую богословскую мысль

Татарские богословы обучались в образовательных центрах Бухары, Самарканда, Герата, Кабула и других. Наиболее известными среднеазиатскими богословами того периода были авторитетные знатоки исламской науки Фаизхан ал-Кабули (ум. 1802 г.) и Ниязкул ат-Туркмани (ум. 1820/21 г.). Именно они оказывали влияние на формирование мировоззрения татарских шакирдов. Оба богослова стали учителями таких известных татарских мыслителей, как Г. Утыз-Имяни и Г. Курсави. Одной из важных особенностей этих духовных деятелей было то, что они являлись не только крупными знатоками богословия, но и духовными наставниками (шейх, пир) суфийского тариката «накшбандийа муджаддийа». Потому вполне логично, что в самый ранний период возрождения татарской богословской мысли последней четверти XVIII – первой трети XIX в. основные тенденции ее развития были связаны с идеями среднеазиатского суфийского богословия. К такому выводу можно прийти при изучении содержания трудов Г. Утыз-Имяни⁴⁶ и Г. Курсави⁴⁷, в которых представлена соответствующая тематика и терминология. Продолжателем среднеазиатской суфийской традиции были и такие татарские богословы, как Ш. Марджани, Г. Баруди, получившие иджазу на ведение воспитательной деятельности в рамках тариката и статус духовного наставника.

Накшбандийский тарикат, в который вступали татарские шакирды, зародился в конце XIV в. Его основоположником считается Баха' ад-дин Накшбанд (1318–1389), который создал и усовершенствовал духовную практику суфийского ордена Ахмада ал-Йасави. Однако Баха' ад-дин Накшбанд

⁴⁶ Утыз-Имяни Г. Избранное / Сост. и пер. с араб. Р. Адыгамова. Казань, 2007.

⁴⁷ Курсави А. Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л-'ибад). Казань, 2005.

обновил тарикат, дополнив его мистическим учением такрик-и хваджаган, восходившим к Абд ал-Халику ал-Гидждувани. Также он заложил основы организационной структуры тариката. Накшбандийский суфийский орден представляет собой один из суфийских тарикатов, основу которого составляет вероучение суннитских богословов Абу Мансура ал-Матруиди и Абу ал-Хасана ал-Аш‘ари и правовые системы четырех известных мазхабов. Суть тариката сводится к тому, что духовное знание и состояние передается от учителя к ученику. При этом накшбадия включает две основные духовные цепочки, одна из которых восходит к праведному халифу Абу Бакру, а вторая – к двоюродному брату пророка Мухаммада, ‘Али ибн Аби Талибу⁴⁸. Одной из главных идей тариката накшбандийа является мысль о том, что истинная аскеза проявляется не в отказе от материальных благ, а, в первую очередь, в духовной воздержанности. В связи с этим является весьма одобряемым, когда мюрид ведет жизнь суфия-мирянина, а не живет в обители⁴⁹. Считается, что он должен взаимодействовать с обществом и своим созидательным трудом обеспечивать пропитанием себя и свою семью.

Реформаторские движения в исламском мире

В ходе формирования тариката накшбандийа на каждом из исторических этапов он дополнялся новыми практиками и идеями, в основе которых лежал духовный опыт наставников и которые должны были помочь мюриду на пути самосовершенствования. В результате возникали новые направления внутри одного тариката, одним из них была накшбандийа-муджаддийа. Базовые основы этого направления были сформулированы индийским шейхом Ахмадом Фаруки Сирхинди (1564–1624), более известным как имам ар-Раббани (Божественный имам).

Важно отметить, что деятельность Ахмада Сирхинди не ограничивалась духовными практиками и воспитанием последователей. Как сообщает А. Шиммель, он выступил против императоров Акбара и Джахангира⁵⁰, которые пытались привнести в суннитский ислам элементы шиизма и других религий. Другие исследователи отмечают, что «он выступил против религиозного синкретизма императора Акбара (1556–1605) и прошиитских настроений императора Джихангира (1605–1627)»⁵¹.

⁴⁸ Ислам (энциклопедический словарь). М., 1991. С. 187.

⁴⁹ Там же. С. 188.

⁵⁰ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999. С. 284.

⁵¹ Саттар хан А., Анвар З. Отважный защитник веры шейх Сирхинди // Ислам. 2004. № 1. С. 30.

Император Акбар симпатизировал индуистам и выстраивал внутреннюю политику, выгодную для последователей индуизма, что привело к «процессу размывания мусульманских ценностей, их смешению с ценностями иной религии»⁵².

В результате деятельности шаха Акбара в империи Моголов начались гонения на богословов суннитского толка. Шейх Ахмад Сирхинди, видя в деятельности правителя угрозу традиционным суннитским устоям, выступил против подобной конфессиональной политики власти. Он ратовал за необходимость возвращения к законам Корана и наследию пророка Мухаммада в том виде, в котором они существовали в первые три века ислама (период салаф). Л. Гордон-Полонская в связи с этим обратила внимание, что «его учение было направлено, в первую очередь, против различных мусульманских и индуистских ересей»⁵³. Следующий шах Джахангир, сын шаха Акбара, женившийся на шиитке, открыто поддерживал шиитов. По этой причине он пригласил в Индию из Ирана множество шиитских поэтов, что должно было способствовать распространению шиитского мировоззрения.

Амад Сирхинди выступил с резким осуждением деятельности шаха. Свой первый богословский труд он посвятил критике шиитского вероучения, за что был заключен в тюрьму⁵⁴. Несмотря на это, смог организовать широкое суннитское движение. Его ученики активно выступали с проповедями, защищая суннитский ислам, призывая народ строго следовать Корану и сунне⁵⁵.

Благодаря военно-политической поддержке Махабат-хана, одного из индийских вельмож, Ахмад Сирхинди заставил шаха Джахангира признать его требования. В результате, благодаря активной социальной деятельности богослова, была сохранена этно-конфессиональная идентичность индийских мусульман⁵⁶.

Шейх Ахмад Сирхинди является автором множества богословских трактатов, среди которых наиболее известными стали его пятьсот тридцать четыре письма «ал-Мактубат». Семьдесят из них богослов адресовал правителям могольского государства⁵⁷. В своей основе «ал-Мактубат» пред-

⁵² Саттар хан А., Анвар З. Отважный защитник веры шейх Сирхинди... 2004. № 1. С. 31.

⁵³ Гордон-Полонская Л. История Пакистана. М., 1963. С. 37.

⁵⁴ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999. С. 284.

⁵⁵ Саттар хан А., Анвар З. Отважный защитник веры шейх Сирхинди // Ислам. 2004. № 1. С. 32.

⁵⁶ Там же. С. 33.

⁵⁷ Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 1999. С. 284.

ставляют собой не единый богословский труд, а сборник писем богослова, составленный его учениками. Позднее «ал-Мактубат» был переведен на многие языки мусульманских народов. Благодаря своим идеям и активной проповеднической деятельности имам Ахмад Сирхинди получил титул *муджаддид алфи саниа* (Обновитель второго тысячелетия). Его труд «ал-Мактубат» был хорошо известен татарским богословам и переведен М. Рамзи с персидского языка на арабский.

Веком позднее еще один индийский богослов заложил основы учения, к которому также обращались татарские богословы. Ахмад Габдрахим Шах Валиулла (1703–1762) был сыном крупного делийского богослова Габдрахима. Жизнь Шаха Валиуллы пришлось на период упадка могольского государства, и в своих трудах он предлагал пути его возрождения⁵⁸. Уже в четырнадцатилетнем возрасте Шах Валиулла завершил полный курс традиционного мусульманского образования и стал мюридом ордена накшбандийа. Так как, благодаря активной деятельности его предшественника Ахмада Сирхинди учение накшбандийа-муджаддидийа широко распространилось в Индии, то, вероятнее всего, он был последователем именно этой ветви накшбандийа.

Завершив курс образования, Шах Валиулла становится преподавателем в «Мадраса рахимия» и начинает активно проповедовать идеи религиозного, социального и экономического возрождения. Его убеждения в вопросах богословия, исламской философии и логики были известны далеко за пределами родного медресе. Одна из целей, к достижению которой стремился Шах Валиулла, – сделать мусульманское образование доступным не только для состоятельных мусульман, но и для малоимущих.

Однако Шах Валиулла не ограничился традиционным образованием, полученным в Индии и, совершая паломничество в Мекку, он на несколько лет задержался в этом городе для того, чтобы глубже изучить высказывания пророка Мухаммада и его образ жизни.

Шах Валиулла не ограничивался лишь знанием теории богословия, а искал пути его практического применения, поскольку «его интересуют не абстрактные богословские споры, а конкретное применение идей возрождения ислама к индийской действительности»⁵⁹.

Идеи возрождения для Шаха Валиуллы не заключались только в восстановлении чистоты догматов веры и богослужений, он считал необходимым социально-экономическое возрождение империи великих Моголов. По мнению богослова, очищение ислама от поздних наслоений (бид'а),

⁵⁸ Гордон-Полонская Л. История Пакистана. М., 1963. С. 41.

⁵⁹ Там же. С. 43.

возвращение к первоначальному состоянию исламского социума должно было стать важнейшим условием для духовного и морального совершенствования общества. В своих проповедях он обращался к рядовым верующим, так как подавляющее их большинство были лишены религиозного образования. С целью популяризации исламского знания богослов перевел Коран на персидский язык, который на тот момент был литературным языком империи Великих моголов.

Самым известным трудом Шаха Валиуллы является трактат «Хуждат Аллах ал-балига» («Совершенный аргумент Аллаха»). Трактат состоит из двух частей. В первой части излагаются классические вопросы «акаид» (исламского вероучения). В ней рассматриваются проблемы сущности Аллаха и сущности человека, проблемы зла и добра в теории исламского предопределения, а также ключевые принципы исламского права.

Вторую часть богослов посвятил этическим вопросам, проблемам власти и государства.

Помимо упомянутых вопросов Шах Валиулла стремился к «устранению вражды между суннитами и шиитами, между ортодоксами и суфиями»⁶⁰. Главным направлением достижения поставленных целей автор видел путь духовного самосовершенствования посредством суфийской практики и познания Бога «ма‘рифат»⁶¹.

Еще одним известным богословом, чьи труды оказали влияние на идеи татарских мыслителей, был Мехмед Биргеви (Мухаммад Биркави ум. в 1573 г.), родившийся в Балыкесир⁶², находившемся на территории Османской империи. Одним из главных трудов богослова является «ат-Тарика ал-Мухаммадия ва ас-сира ал-ахмадия» («Путь Мухаммада и биография пророка»). Данный труд, написанный на арабском языке, стал популярным не только в Османской империи, но также и во многих мусульманских регионах мира, в том числе и среди мусульманских народов Российской Империи.

В своей книге Мехмед Биргеви охватывает широкий круг вопросов мусульманской этики, тесно связывая их с предписаниями Корана и сунны⁶³. Главной идеей богослова была мысль о том, что мусульманину следует соблюдать требования исламской морали не только в мечети и не только в вопросах, связанных с богослужениями, но и в повседневной жизни, ког-

⁶⁰ Гордон-Полонская Л. История Пакистана. М., 1963. С. 46.

⁶¹ Там же. С. 46–47.

⁶² Исламские финансы в современном мире (Экономические и правовые аспекты). М., 2004. С. 38.

⁶³ Там же.

да он вступает во взаимоотношения со своими домочадцами, покупателями, продавцами и др.

Главным качеством для верующего, по мнению Мехмеда Биргеви, является «таква» (богобоязненность), побуждающая верующего исполнять божественные предписания и запреты. Богослов подробно останавливается на способах развития этого качества, а также перечисляет те качества, которые верующему следует приобретать, и те, которых следует сторониться. По мнению богослова, наиболее опасными для верующего человека являются неверие, лицемерие, спесь, гордость, зависть, ненависть, злость, скупость. Он не ограничивается только описанием этих качеств, но и предлагает пути очищения от них.

В основе учения богослова лежит идея о необходимости строгого следования предписаниями Корана и сунны, и в качестве примера практического воплощения божьих предписаний Биргеви приводит образ жизни пророка Мухаммада.

Отдельно Биргеви останавливается на проблеме бид'а, по его мнению, они являются противоположностью сунны и ведут мусульманское общество к моральному краху. Но не все бид'а автор относит к запрещенным: среди них есть и одобряемые. К этой категории он относит все новшества, полезные для религии.

Часть своего труда богослов посвятил проблеме материальных благ. По его мнению, они являются божьей милостью, которой следует распоряжаться согласно закону божьему. Он выступает с осуждением потребительского образа жизни и предлагает использовать материальные блага для строительства медресе, мечетей, дорог, мостов и других необходимых людям дел. По мнению богослова, следует четко разделять материальную и духовную сторону жизни. В частности, он резко критикует практику получения материального вознаграждения за чтение Корана.

В своем труде богослов приводит цитаты из текста вероучения имама ан-Насафи и «Ихья гулум ад-дин» [«Воскрешение наук о вере»] имама ал-Газали, это дает возможность предположить, что они были для богослова основными источниками вдохновения.

Идеи Биргеви настолько отвечали потребностям того времени, что стали популярными не только в Османской империи, но и в других регионах исламского мира. В Османской империи его последователи были так активны, что оказывали влияние на законодательную деятельность османских властей.

Что касается Волго-Уральского региона, то наряду с духовными лицами эти идейные положения изучали купцы и рядовые верующие.

По причине такой востребованности в Казани были изданы трактаты Мехмеда Биргеви «Пиркули васияты» [«Завещание Биргеви»] и «Устувани китабы» [«Книга Устувани»]. А в 1806 г. под руководством татарского купца Апанаева был подготовлен и издан трактат «Рисалаи Мехмед Эфенди» [«Трактат Мехмеда Эфенди»]⁶⁴.

Еще одной силой, оказавшей влияние на распространение и положение ислама во многих мусульманских странах, было движение ваххабизма, возникшее в XVIII в. Его родиной является центральная часть Аравийского полуострова (Нежд).

Несмотря на то, что основоположником данного движения обычно считают Мухаммада ибн Абдулваххаба (1703–1787), его идеологическая база была заложена еще в XIII – XIV веках средневековым богословом Ибн Теймийей (1263–1328). Ибн Теймийа, так же как и все мусульманские богословы, выступил с идеей о необходимости привести жизнь мусульман в соответствие требованиям Корана и сунны, «иджма’»⁶⁵ он не признавал, а «кийас»⁶⁶ допускал лишь частично.

Анализируя проблемы вероучения, богослов зачастую обращался к священным текстам, буквальная и поверхностная трактовка которых давала представление об антропоморфном облике божественных атрибутов⁶⁷. В этом и некоторых других вопросах учение Ибн Теймийи не совпадало с учением четырех суннитских правовых школ. Мухаммад ибн Абдулваххаб для построения своей идеологии обратился к универсальной для всех мусульман идее о необходимости вернуться к предписаниям Корана и сунне и искоренению бид’а.

Однако понимание «таухида» [«единобожие»] в его учении было гипертрофированным. Вне веры объявлялось все, что хотя бы немного противоречило идеям Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба, даже если это не было связано с вопросами вероучения, касалось только практики ислама. В этой связи он не только выступил с резкой критикой различных суфийских практик, народных традиций, культа святых, дервишей, но, пользуясь военно-политической поддержкой местного эмира Мухаммада ибн Са’уда, начал искоренять их насильственными методами. Мухаммад ибн ‘Абд ал-Ваххаб, чтобы исключить обожествление личности пророка Мухамма-

⁶⁴ Исламские финансы в современном мире (Экономические и правовые аспекты). Москва, 2004. С. 42.

⁶⁵ Единогласное мнение ученых, определенного исторического периода.

⁶⁶ Суждение по аналогии.

⁶⁷ Степаняц М. Г. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. С. 30.

да, запретил произнесение «салавата» после упоминания его личности и заявил: «Мухаммад умер в Медине, и после его смерти вот эта моя палка полезнее него»⁶⁸. Вместо термина «пророк» он предложил именовать его понятием «тариш» [«передатчик информации»].

Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб для распространения своих идей искал поддержки у эмиров Аравийского полуострова. В результате они пришли к соглашению с Мухаммадом ибн Са‘удом (ум. в 1765 г.) о разделении духовной и светской власти. Вооруженная борьба ваххабитского движения с местными племенами дважды подавлялась властями Османской Империи. И в конце XVIII–XIX вв. на территориях Неджда, Шаммара, Джауфа, Хиджаза, ал-Хасы, Кувейта, Бахрейна, части Омана возникли небольшие государства, в основу идеологии которых легли идеи Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба⁶⁹.

Возникновение ваххабизма на территории Аравийского полуострова имело большое значение для его распространения среди мусульман. Ведь Аравийский полуостров, начиная с первых веков ислама, имел особый статус не только в глазах мусульман Волго-Уральского региона, но мусульман всего мира в целом. Во-первых, на его территории находятся священная Мекка, где родился пророк Мухаммад, и Ка‘ба. Во-вторых, здесь же расположена Медина, где возникло первое исламское государство. Но самая главная причина такого авторитета заключалась в том, что текстами Корана и сунны эти два города были установлены в качестве мест обязательного паломничества «хаджж». Поэтому данный регион и все, что оттуда исходило, воспринималось как особенно священное. В том числе и идейные тенденции, зарождающиеся на его территории, мусульманами зачастую воспринимались безусловно, без какой-либо критики. Если рядовые мусульмане, в основном, посещали этот регион для совершения паломничества, то богословы зачастую учились у местных знатоков вероучения, права, хадисов и других наук. Это способствовало тому, что идеи Мухаммада ибн ‘Абд ал-Ваххаба распространялись в разных регионах исламского мира.

При том, что татарские богословы конца XVIII – начала XIX века, в частности Г. Утыз-Имяни и его современник Г. Курсави, положительно отзывались о суфизме, самым главным для верующего они считали строгое следование Корану и сунне. В этом их позиция совпадает с мнениями Сирхинди, Биргеви, Мухаммада ибн Абдулваххаба и др. Той же точки зрения придерживаются и

⁶⁸ *Аш-Шаулянкари М.* Напоминание праведного о кознях завистника. Казань, 2004. С. 128.

⁶⁹ *Степаняц М.Г.* Ислам в философской и общественной мысли зарубежного востока XIX–XX вв. М., 1974. С. 32.

татарские богословы середины XIX – начала XX в., что отражено в трудах Ш. Марджани⁷⁰, Г. Баруди⁷¹, М. Бигиева⁷² и Р. Фахрутдина⁷³.

Еще одним мусульманским мыслителем, чьи идеи оказали влияние на мировоззрение татарских богословов, был Джамал ад-Дин Афгани (1839, Асадабад, Афганистан – 9 марта 1897, Стамбул).

Известно, что Афгани родился в семье шиитов, потомков халифа Али. Свое религиозное образование реформатор получил в Кабуле, а светское – в Индии. По предположению некоторых исследователей его биографии, Афгани прибегал к шиитскому принципу «такийя» («скрывание веры») и выдавал себя за суннита-ханафита⁷⁴.

В основе реформаторских идей Афгани использовал аят Корана: «Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними...» (13:11). Этот аят подкреплял его убежденность в необходимости коренной реформы мусульманского общества. Но для достижения этой цели, по мнению мыслителя, необходимо было направить мировоззрение мусульманских духовных лидеров в сторону просвещения и научно-технического обновления.

Афгани связывал материальное благоденствие народа со способностью правильно использовать научные знания. Именно поэтому он отводил науке особое место и, сравнивая науку с пророчеством, признавал его одним из видов ремесла (сина‘а), отличающегося от остальных наук тем, что его источником является божественное откровение. Наука же, по его мнению, была плодом рационального поиска. Пророческие откровения он считал изменяющимися в зависимости от исторического периода, а научные знания – универсальными для всех времен. Если та или иная эпоха может не нуждаться в пророчестве, то в науке мусульманская умма всегда будет нуждаться, так как она способна вывести ее из застоя, в котором она находится.

Афгани был панисламистом, так как, по его мнению, только единая умма способна противостоять колониальной политике европейских держав. Национализм же является тормозом развития уммы и осуждался пророком Мухаммадом.

⁷⁰ Марджани. Ш. Назурат ал-Хакк. Казань, 1870.

⁷¹ Түнтәри М.-Н. Олугъ мосыйбәт. Шәйхе Зәйнуллаһ хәзрәтнең вафаты; тәржемәи хәле. 1335/1917. № 6 (на татарском яз.).

⁷² Бигиев М. Избранные труды. В двух томах. Казань, 2005. Т. I.

⁷³ Фәхрәддин Р. Дини вә ижтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. Казан, 2011.

⁷⁴ Шагавиев Д.А. Влияние мусульманского реформатора Джамал ад-Дина ал-Афгани на татарского богослова Риззәтдина Фахретдина (Ризу Фахретдинова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 4. С. 123.

Мыслитель обратился к правительствам Египта, Судана, Ирана, Османской империи, предлагая свои проекты союза мусульманских государств. Но это не мешало ему, воспользовавшись противоречиями между империалистическими странами, искать поддержки и у европейских государств.

В своих взглядах о внутреннем устройстве мусульманского государства он был сторонником парламентской демократии, однако вопрос смены формы правления для него был второстепенным. Он считал, что, в первую очередь, необходимо освободить мусульманские территории от колониальной зависимости.

Благодаря активной деятельности и реформаторским идеям Афгани получал предложения на различные должности при дворе афганских эмиров, но из-за своего участия во внутривосточной борьбе он был вынужден покинуть Афганистан и с 1869 года менять место жительства, периодически переезжая в Индию, Египет, Англию, Францию, Иран и Османскую империю.

Идеи Афгани кардинально изменили мировоззрение татарского богослова Р. Фахрутдина. По этому поводу он писал: «Тогда я понял истинность слов, услышанных мной от шейха Джамал ад-дина, узнал смысл слов, которые я хранил в душе, приступил к самостоятельным занятиям наукой. Слава Аллаху, Господу миров, я упорядочил свои убеждения начиная с азбуки, перепроверил все свои действия вроде молитвы и поста, изучил составленные в различных толках, особенно по хадисоведению, книги, занялся периодикой и вновь изданными произведениями. Подписался на арабские и турецкие газеты и сборники, издаваемые в Турции, Болгарии, ... Египте, Америке и Европе. Благодарение Аллаху Всевышнему, мои стремления не пропали даром, не оказались тщетными, хотя и не смог достичь требуемого совершенства, кое-какие знания для себя я приобрел»⁷⁵. После встречи с Афгани Р. Фахрутдинов увлекся наследием Ибн Теймии и его учеников, а также задумался о необходимости реформ.

Еще одним идейным последователем Афгани был египетский муфтий-реформатор, общественный деятель Мухаммад Абдо (1849–11.07. 1905). Начальное образование и воспитание Абдо получил в суфийском медресе Сайда Бадави при мечети «Ахмади», обучение в котором закончил в 1865 году. В 1877 г. Абдо окончил двенадцатилетний курс обучения в известном университете «Аль-Азхар» и получил степень доктора наук по исламскому богословию. Познакомившись с Джамал ад-Дина ал-Афгани, он увлекся его идеями о необходимости реформы мусульманского общества. В 1879–1882 гг.

⁷⁵ Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Р. Фахретдинова. Уфа, 1996. С. 49.

участвовал в национально-освободительном движении, из-за чего был вынужден покинуть Египет. Сначала он остановился в Бейруте, а затем переехал в Париж, чтобы вместе с Афгани издавать журнал «ал-‘Урват ал-вуска» («Надежная опора»). В 1889 г. Абдо вернулся в Египет, занял пост судьи и начал преподавать в университете ал-Азхар. С 1899 по 1905 г. занимал пост главного муфтия Египта.

Абдо, выступившего с идеей о необходимости реформы системы мусульманского образования, пригласили преподавать в высшую султанскую школу, где он начинает реализовывать свои реформаторские идеи. Однако он считал, что реформы учебных программ религиозных учебных заведений недостаточно, и необходимо реформировать министерства вакуффов и шариатские суды. Абдо считал полезным изучение морально-нравственной основы суфийских тарикатов, но считал, что их нужно очистить от поздних наслоений.

Исследуя проблему власти, Абдо утверждал, что она должна соответствовать трем принципам: свободе, совещательности и законам исламского права. По его мнению, советы являются одним из проявлений демократии.

Свои взгляды мыслитель изложил в пятитомном труде «Комментарии к Корану» и трактате «Послание о единобожии». В них Абдо выразил свое понимание Корана, которое считал актуальным для мусульман своего времени. Хотя он и был противником европейского колониализма, активно против властей Великобритании не выступал, прилагая усилия для того, чтобы обновить египетское общество, используя ресурсы колонизаторов. По мнению богослова, которое он выразил в «Истинном исламе», исламскому обществу была нужна не столько реформа, сколько адаптация ее устоев к современной жизни.

Последователем Мухаммада Абдо был другой египетский религиозный и общественный деятель Мухаммад Рашид Рида (1865–1935). Он родился в Триполи, а в 1898 г. переехал в Египет, где начал выпускать религиозный, общественно-политический журнал «ал-Манар». Рида не ограничился идеями Афгани и Абдо, а попытался их развить. В отличие от своих учителей, он считал необходимым возродить халифат. Для этого в 1922 г. он издал свою программную книгу «Халифат или великий имамат», где изложил свои политические воззрения. Рида считал, что халиф должен быть выборным и подконтрольным специальному совету, наделенному полномочиями отстранить его от власти при необходимости, что противоречило идеям классического богословия. После краха Османской империи в 1924 г. Мухаммад Рашид Рида разработал новую теорию «исламского государства». Помимо активной общественно-политической де-

тельности он издавал свои статьи в журнале «ал-Манар», написал комментарий к Корану и ряд книг.

Исторические источники указывают, что М. Бигиев встречался с двумя мыслителями, находясь в Египте. Анализ трудов татарского богослова позволяет выявить корреляцию его мыслей с идеями Абдо и Риды. Их сравнение дает возможность выявить две основные идеи, объединявшие М. Бигиева и египетских мыслителей. Во-первых, М. Бигиев много путешествовал по миру, обучался в различных высших мусульманских учебных заведениях, что привело его к разочарованию в системе мусульманского образования, и он пришел к выводу о необходимости его реформирования. Во-вторых, М. Бигиев, так же как и его единомышленники, заявил о необходимости объединения мусульманской уммы, невзирая на этно-географические различия между мусульманскими регионами.

Как указывает Ризаэтдин Фахрутдинов, татарам, кроме идей среднеазиатского, индийского, турецкого и аравийского богословия, также были известны воззрения богословов Дагестана. Об этом он писал: «после падения Казанского ханства наши предки, занимавшиеся сельским хозяйством, сначала получили упорядоченное образование от улемов Дагестана...»⁷⁶. На это же указывал и Ш. Марджани в своем труде «Мустафад ал-ахбар...», описывая биографии некоторых казанских имамов. Р. Фахрутдинов считал систему образования и программы дагестанских медресе более полезной и продуктивной. Преимуществом дагестанской системы образования он считал наличие в программах таких предметов, как исламское право, хадисоведение, риторика, лексикология, арабская морфология и синтаксис.

Анализ и сравнение идей татарских мыслителей и богословов, упомянутых выше, указывает на то, что возрождение и формирование татарской общественной мысли шло под влиянием не только многовековой мажоритарной традиции, но и зарождавшихся салафитских и реформаторских тенденций. К такому выводу можно прийти, изучая труды Р. Фахрутдинова, М. Бигиева и других татарских мыслителей, часто ссылавшихся на таких салафитских авторитетов, как Ибн Теймийа, Ибн ал-Каййим, и даже пытавшихся распространять их идеи.

Общей для татарских богословов, независимо от того, были они традиционалистами или реформаторами, была идея о необходимости следования предписаниям Корана и сунны. Однако понимание этого было различным: первые выступали с призывом «обратно к Корану и сунне» и считали

⁷⁶ Место калама в татарской теологии (история и современность): материалы научно-практической конференции. Казань, 2003. С. 25.

необходимым привести жизнь татарского общества к соответствию требованиям Корана и сунны, как это было в период «салаф» первых веков ислама. Вторые понимали эту идею иначе и провозгласили: «вперед с Кораном и сунной». Суть этой идеи заключалась в новом, современном понимании предписаний основных источников ислама: они считали, что Коран и сунну следует трактовать и практиковать в рамках новых общественно-экономических взаимоотношений.

Выше мы упомянули общемусульманские факторы, повлиявшие на возрождение и развитие богословской мысли татар. Их объединяло стремление привести образ жизни мусульман к требованиям Корана и сунны и очистить его от бид'а. Для татар формой выражения основных положений Корана и сунны были ханафитско-матуридитское богословие и накшбандийский тарикат, служивший инструментом воспитания личности верующего.

Идея о необходимости строго следовать предписаниями Корана и сунны в XVII–XIX вв. была общей для всех регионов исламского мира. Богословы черпали ее из высказывания пророка Мухаммада: «Я оставил вам две вещи, если вы будете следовать им, никогда не заблудитесь: книгу Аллаха (Коран) и сунну Его пророка...»⁷⁷. Причиной активного распространения этого положения стал идейный и социально-экономический кризис исламского мира. Именно это подтолкнуло мусульманских богословов-мыслителей искать пути выхода из сложившейся ситуации. Для татарских богословов эта идея имела еще большее значение, так как указывала на один из путей сохранения этно-конфессиональной самобытности народа в условиях российского христианского государства. По их мнению, возвращение к Корану и сунне должно было возродить социально-экономическую жизнь татарского общества.

Влияние европейской и русской культур на татар

Наряду с влиянием исламской традиции, на татарскую богословскую мысль оказывали воздействие идеи русских и европейских мыслителей. Преимущественно они распространялись среди татар, живших в городах, но жители деревень также ими интересовались.

Свидетельства тому, насколько сильно было влияние русского и европейского образа жизни и идей на городских татар, можно обнаружить в работах К. Фукса, который указывал: «Татары охотно принимают участие в

⁷⁷ Габдусялям Харун. Тахзиб сира Ибн Хишам. Дамаск. С. 258.

наших публичных увеселениях, в театрах и маскарадах, а некоторые из почетных их сограждан бывают на обедах, даваемых по какому-либо случаю казанским купеческим обществом»⁷⁸.

Помимо непосредственного общения, распространению русской и европейской культуры среди татар способствовала формировавшаяся система образования. Так, первая в Российской Империи провинциальная гимназия была открыта именно в Казани в 1759 г. Учащиеся гимназии изучали татарский, турецкий, калмыцкий, арабский, персидский языки. Гимназия стала фундаментом для открытия Азиатской типографии и Казанского университета. Преподавателями татарского языка в гимназии были С. Хальфин, его сыновья Исхак и Исмаил, а также Н. Ибрагимов.

В 1786 г. в Казани открылось народное училище, где также изучался татарский язык. В училище получали образование татарские дети различных сословий, а после окончания они становились учителями или канцелярскими служащими.

Еще более значимый вклад в распространение идей европейских и русских мыслителей и просвещение татар внесло открытие Казанского университета в 1804 г. Здесь получили образование многие известные татарские мыслители и общественные деятели.

Просвещению татар и их знакомству с различными науками способствовало книгопечатание. Как упоминает К. Фукс, самой первой стала Азиатская типография, которая была вверена сначала Бурашеву в 1802 г., а затем Апанаеву в 1806 г.⁷⁹ Кроме нее татарские авторы издавали свои книги и в типографии Казанского университета. А позднее появились и частные типографии Л. Шевица в 1840 г., Ш. Яхина в 1844 г. и Р. Сагитова. Изначально в них печатались Коран и другие религиозные книги, но по мере реформирования системы мусульманского образования в них начали издавать и учебные пособия по светским дисциплинам, преподаваемым в медресе.

Однако следует отметить, что идеи русских и западных мыслителей не сразу были восприняты татарами. Причиной этого послужило завоевание Казани и насильственная христианизация, которые заставили татар закрыться от всего чуждого этно-конфессиональной идентичности народа. По этой причине формирование мировоззрения татар происходило в русле исламских тенденций. Более того, как об этом писал Ш. Марджани в «Мустафад ал-ахбар»⁸⁰, религиозное сознание было даже сильнее, чем национальное. Под-

⁷⁸ Фукс К. Казанские татары. Казань, 1991. С. 140–141.

⁷⁹ Там же. С. 132–133.

⁸⁰ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Казань, 1897. С. 4.

тверждение этому мы можем обнаружить и в программах татарских медресе, где, в основном, преподавался арабский язык и религиозные дисциплины. Религия для татар оставалась тем стержнем, который скреплял между собой язык, традиции, одежду и другие явления и атрибуты культуры.

Наряду с религией, сохранению этно-конфессиональной самобытности татар способствовал сельский образ жизни, где главную роль играла община. Именно она своим одобрением и осуждением определяла нормы поведения индивида, которые не должны были выходить за рамки традиции.

Несмотря на это, часть татарских богословов старалась налаживать связи с русской интеллигенцией. Так, например, Ш. Марджани был знаком с учеными-востоковедами Казанского университета, в частности, знал И.Ф. Готвальда, профессора Казембека, академика В.В. Радлова, также О.С. Лебедеву, первого востоковеда среди женщин.

Также известно, что он был первым из всех мусульманских ученых, избранных в Общество археологии, этнографии и истории, которое существовало при Казанском университете. Кроме этого Ш. Марджани был приглашен на должность преподавателя татарской учительской школы, где работал в течение девяти лет.

Также известно, что Г. Утыз-Имяни призывал своих учеников изучать русский язык, называя это сорок первой обязанностью мусульман Российской Империи.

Выводы

Исследуя проблему зарождения и развития богословской мысли в Волго-Уральском регионе, можно прийти к выводу о том, что на нее оказывали влияние два основных фактора: положения ислама и идеи русских и европейских мыслителей о необходимости обновления социально-экономической жизни.

Влияние ислама происходило в двух направлениях. С одной стороны, общемусульманские традиции предписывали обществу жить в строгом соответствии требованиям основных источников ислама. С другой – географическое положение Волго-Уральского региона и особенности исторических процессов предопределяли уникальность данного явления.

Сначала болгары, а затем татары жили в полиэтничном и поликонфессиональном регионе, что позволило выработать основы толерантного, добрососедского сосуществования с представителями различных этносов и конфессий. Кроме этого, потеря государственности заставила татар искать пути сохранения своей этно-конфессиональной идентичности.

Хотя с идеями европейских и русских мыслителей татары начали знакомиться лишь в XIX в., они также оказывали значительное влияние на формирование идей татарских мыслителей о необходимости реформы общественной и экономической жизни общества. Богословы осознавали изменения, происходящие в Российской империи, видели зарождение и развитие капиталистических отношений и стремились подтолкнуть мусульман ликвидировать свое отставание в развитии. При этом они активно изучали опыт иностранного богословия и изучали труды таких богословов, как ас-Сирхинди, Шах Валиулла, Мехмед Бергеви, Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб, Джамал ад-Дина ал-Афгани, Мухаммад Абдо, Мухаммад Рашид Рида и др.

Таким образом, богословская мысль татар формировалась и развивалась в непростых условиях, при которых основными воздействующими силами были, с одной стороны, идеи традиционного и зачастую доведенного до абсолюта ислама и, с другой – устремленность в просвещенное и благополучное для общества будущее. При этом богословие развивалось в русле тех же тенденций, которыми характеризуется эволюция татарской общественной мысли. Влияние упомянутых факторов на дальнейшее развитие татарского социума было разным по своей силе и последствиям, поэтому их учет необходим для более глубокого понимания истоков и перспектив его существования.

© Адыгамов Р.К., 2018

Рукопись поступила: 1 июня 2018 г.

Submitted: 1 June 2018

References:

- Abdullin, Y.G. *Tatarskaya prosvetitel'skaya mysl'* [Tatar political thought]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976 (in Russian).
- Ahmed Ibn Fadlan. *Puteshestvie na Volgu* [Journey to Volga]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1939 (in Russian).
- Alishev, S.H. *Tatary Srednego Povolzh'ya v Pugachevskom vosstanii* [Tatars of The middle Volga region in Pugachev uprising]. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1973 (in Russian).
- Almazova, L.I. *Problema cheloveka v trudah tatarskih bogoslovov* [The problem of man in the works of Tatar theologians]. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2003 (in Russian).
- Ash-SHaul'yankari, M. *Napominanie pravednogo o koznyah zavistnika* [Reminder of the envious person, just about intrigues]. Kazan: Iman Press, 2004 (in Russian).

- Azamatov, D.D. *Orenburgskoe magometanskoe duhovnoe sobranie v konce XVIII – XIX vv.* [Orenburg Mohammedan spiritual Assembly at the end of the 18th – 19th centuries]. Ufa: Gilem Publ., 1999 (in Russian).
- Baishev, F.N. *Obshchestvenno-politicheskie i npravstvenno-eticheskie vzglyady R. Fahretdinova* [Social and political and moral and ethical views of R. Fakhretdinov]. Ufa: Kitap Publ., 1996 (in Russian).
- Beckin, R.I., ed. *Islamic finance in the modern world (Economic and legal aspects)*. Moscow: Ummah Publ., 2004 (in Russian).
- Belyaeva, Y.G. *Utyz-Imani. Boryngy tatar adabiyaty* [Utyz-Name. In adab ancient poet Gabdulla Tukai]. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1963 (in Tatar).
- Bigiyev, M. *Izbrannye trudy. V dvuh tomah* [Chosen works. In two volumes]. Vol. 1. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2005 (in Russian).
- De Weese, D. “It was a Dark and Stagnant Night (‘til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central.” *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, no. 59 (2016): 37–92.
- Eden, J., Sartori, P., and DeWeese, D. “Moving Beyond Modernism: Rethinking Cultural Change in Muslim Eurasia (19th – 20th Centuries).” *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. February, no. 59 (2016): 1–36.
- Enciklopedicheskiy slovar'. Islam* [Encyclopedic dictionary. Islam]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya enciklopediya Publ., 1991 (in Russian).
- Fekhreddin, R. *Dini ve izhtimagy mes"eleler: saylanma hezmetler* [The performance of religious, mashala public ve: Selected labour execution]. Kazan: Ruhayat Publ., 2011 (in Tatar).
- Frank, A. *Islamic historiography and «Bulgar» identity among the Tatars and Bashkirs of Russia*. Leiden; Boston; Köln; Brill. Berlin: Klaus Schwartz 1998.
- “Muslim Cultural Decline in Imperial Russia: A Manufactured Crisis. Leiden.” *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, no. 59 (2016): 66–192.
- Fuks, K. *Kazanskie tatory* [Kazan Tatars]. Kazan: KPO VS Press, 1991 (in Russian).
- Fahreddin, R. *Asar* [Asar]. Orenburg: Imperatorskiy universitet Press, 1904 (in Tatar).
- Gilyazov, I.A. *Tatarskoe krest'yanstvo Srednego Povolzh'ya vo 2-y polovine XVIII v* [Tatar peasantry of the Middle Volga region in the second half of the 18th century]. Ph.D. diss. Kazan University, 1983 (in Russian).
- Gordon-Polonskaya, L.R. *Istoriya Pakistana* [History of Pakistan]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1963 (in Russian).
- Gorohov, V.M. *Reakcionnaya shkol'naya politika carizma v otnoshenii tatar Povolzh'ya* [Reactionary school policy of tsarism towards Tatars of the Volga region]. Kazan: Tatgosizdat 1941 (in Russian).
- *Shkol'noe obrazovanie sredi tatar Povolzh'ya v XIX i nachale XX veka* [School education among Tatars of the Volga region in the 19th and early 20th century]. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1947 (in Russian).
- Habutdinov, A.Y. *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v konce XVIII – nachale XX vekov* [Formation of the nation and the main directions of development of Tatar society in the late 18th – early 20th centuries]. Kazan: Ideal-Press, 2001 (in Russian).

- Hakimov, R.S., Valeeva, Z.R., and Gaynanova, M.R., eds. *Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo knige Ibn Fadlana, ego epohe i arheologicheskim kollekcijam* [Materials of the round table devoted to the book Ibn Fadlana, his era and archaeological collections]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016 (in Russian).
- Hayrutdinov, A.G. *Musa Bigiev ob absolyutnosti Bozh'ey milosti* [Musa Bigiev on the absolute nature of God's mercy]. Kazan: Iman Publ., 1998 (in Russian).
- *Nasledie Musy Dzharullaha Bigieva. Sbornik dokumentov i materialov* [The Legacy Of Musa Jarullah Bigiev. Collection of documents and materials]. Kazan: Iman Publ., 2000 (in Russian).
- *Posledniy tatarskiy bogoslov. ZHizn' i nasledie Musy Dzharullaha Bigieva* [The last Tatar theologian. The life and legacy of Musa Jarullah Bigiev]. Kazan: Iman Publ., 1999 (in Russian).
- Idiyatullina, G. *Duhovno-religioznaya atmosfera v Povolzh'e v XVII–XVIII vv.* [Spiritual and religious atmosphere in the Volga region in the 17th–18th centuries]. <http://tataroved.ru/publication/jad/2/g13> (in Russian).
- Iskhakov, D.M. *Istoricheskaya demografiya tatarskogo naroda: XVIII – nachalo XX vv.* [Historical demography of the Tatar people: 18th–early 20th centuries]. Kazan: IYALI im. G.Ibragimova AN RT Press, 1993 (in Russian).
- *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni* [From the medieval Tatars to Tatars of new time]. Kazan: Master Layn Publ., 1998 (in Russian).
- Islaev, F.G. *Islam i pravoslavie v Povolzh'e XVIII stoletiya: ot konfrontatsii k neterpimosti* [Islam and Orthodoxy in the Volga region of the XVIII century: from confrontation to intolerance]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Press, 2001 (in Russian).
- Izmaylov, I. “*Rasprostranenie i funkcionirovanie islama v Volzhskoy Bulgarii.*” [Distribution and functioning of Islam in the Volga Bulgaria] In *Islam i musul'manskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'* [Islam and Muslim culture on average Volga region: history and present. Sketches], 24–41. Kazan: Master Layn Publ., 2006 (in Russian).
- Kappeler, A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia is a multinational Empire]. Moscow: Progress-Tradiciya Publ., 2000 (in Russian).
- Kemper, M. “*Mezhdu Buharoy i sredney Volgoy: Stolknovenie Abd an-Nasra al-Kursavi s ulemami tradicionalistami.*” [Between Bukhara and middle Volga: Clash of Abd an-Nasr al-Kursavi with the ulama traditionalists] *Mir islama* [World of Islam], no. 1 (1999): 160–161 (in Russian).
- *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1899: der Islamischer Diskurs unter russischer Herrschaft* [Sufis and scholars in Tatarstan and Bashkiria, 1789–1899: the Islamic discourse under Russian rule]. Berlin: K. Schwarz, 1998 (in German).
- Kursavi, A. *Nastavlenie lyudey na put' istiny (al-Irshad li-l-'ibad)* [Manual of people on the way of the truth (whether al-Irshad – l'-ibad)]. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2005 (in Arabic).
- Marash, I. *Religioznoe obnovenie v tyurkskom mire (1850–1917)* [Religious renewal in the Turkic world (1850–1917)]. Kazan: [S.n.], 2005 (in Russian).

- *Mustafad al-ahbar fi ahvali Kazan va Bulgar* [Mustafad al-Akhbar igf ahvali Bulgars and Kaz]. Vol. 1, 2. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1897 (in Tatar).
- *Nazurat al-Hakk* [Naturat al-Haqq]. Kazan: Hazina Publ., 1870 (in Tatar).
- Mesto kalama v tatarskoy teologii (istoriya i sovremennost')*. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii* [The place Calama in the Tatar theology (history and the present). Materials of scientific and practical conference]. Kazan: Institute of history Sh. Marjani of the Republic of Tatarstan Publ., 2003.
- Muhametshin, R. “Islamskij faktor v obshchestvennom soznanii tatar v XVI–XIX vv. Islamo-hristianskoe pogranich'e: itogi i perspektivy izucheniya.” [Islamic factor in the public consciousness of the Tatars in the 16th–19th centuries] In *Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Hristiano-islamskoe pogranich'e: istoriya, sovremennost' i perspektivy» Kazan', 26–29 oktyabrya 1993 g.* [Collection of materials of the international scientific seminar “Christian-Islamic borderland: history, present and prospects” Kazan, October 26–29, 1993], 29–40. Kazan: IYALI Publ., 1994 (in Russian).
- *Tatary i islam v XX veke (Islam v obshchestvennoy i politicheskoy zhizni tatar i Tatarstana)* [Tatars and Islam in the 20th century (Islam in social and political life of Tatars and Tatarstan)]. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2003 (in Russian).
- Muhametzaripov, I.A. *Osobennosti funkcionirovaniya norm shariata v musul'manskom soobshchestve Rossii v konce XVIII – nachale XX vv.* [Features of the functioning of the Sharia in the Muslim community of Russia in the late 18th– early 20th centuries]. Ph.D. thesis, Institute of history. S. Mardzhani Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2010 (in Russian).
- Nogmanov, A.I. *Samoderzhavie i tatary. Ocherki istorii zakonodatel'noy politiki vtoroy poloviny XVI – XVIII vekov* [Autocracy and Tatars. Essays on the history of legislative policy of the second half of 16th– 18th centuries]. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2005 (in Russian).
- Ramzi, M.M. *Talfik al-ahbar va talkih al-asar fi vakai Kazan va Bulgar va muluk at-tatar* [Talfiq al-Akhbar talkin lies and al-is at and, it also occurs in the period kotorye Kaz Bulgar-Tachi with applicable laws]. Vol. 1, 2. Orenburg: Tipografiya Karimova i Husainova Publ., 1908 (in Russian).
- Rahim, G., and Gaziz, G. *Tatar adabiyaty tarihy* [History of Tatar literature]. Kazan: Tipografiya Kamil Yakub Publ., 1923 (in Tatar).
- Sartori, P. “Exploring the Islamic Juridical Field in the Russian Empire: an Introduction.” *Islamic law and society* 24, no. 1–2 (2017): 1–19.
- Sattar khan, A., and Zulfikar, A. “Otvazhnyy zashchitnik very sheyh Sirhindi.” [Brave defender of belief sheikh Sirkhindi] *Islam*, no. 1 (2004): 30–32 (in Russian).
- Shagaviev, D.A. *Rol' Shigabutdina Mardzhani v razvitii tatarskoy bogoslovskoy mysli XIX veka* [The role of Shigabutdin Marjani in the development of the Tatar theological thought of the 19th century]. Ph.D. diss. Kazan: Institute of history Sh. Marjani of the Republic of Tatarstan Publ., 2010 (in Russian).
- “Vliyanie musul'manskogo reformatora Dzhamal ad-Dina al-Afgani na tatarskogo bogoslova Rizaetdina Fahretdina (Rizu Fahretdinova).” [Influence of the Muslim

- reformer Jahmal of ad-Din al-Afgani on the Tatar theologian Rizaetdin Fakhretdin (Reese Fakhretdinova)] *Bulletin of the Leningrad state university of A.S. Pushkin*, no. 4. (2014): 118–125 (in Russian).
- Shimmel, A. *Mir islamskogo misticizma* [World of Islamic mysticism]. Moscow: Aleteya; Enigma Publ., 1999 (in Russian).
- Smolarc, E.Y. “Ukreplenie vernopoddannicheskikh chuvstv sredi musul'man Rossiyskoy imperii posredstvom dopolneniya tradicionnoy molitvy voznosheniem imperatorskogo doma vo vtoroj chetverti XIX v.” [Strengthening of loyal feelings among the Muslims of the Russian Empire by supplementing the traditional prayer with the ascension of the Imperial house in the second quarter of the 19th century] In *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya (XVIII – seredina XIX vv.). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferenciiu Kazan', 19 noyabrya 2015 g.* [The historical destiny of the peoples of the Volga region and the Urals (18th – mid-19th centuries. Materials of the international scientific conference Kazan, November 19, 2015)], 413–426. Kazan: Institute of history Sh. Marjani of the Republic of Tatarstan Publ., 2015 (in Russian).
- *Islam v filosofskoy i obshchestvennoy mysli zarubezhnogo vostoka XIX–XX vv.* [Islam in the philosophical and social thought of the foreign East of the 19th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Stepanyanc, M.G. *Musul'manskie koncepcii v filosofii i politike XIX–XX vv.* [Muslim concepts in philosophy and the politician of the 19th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1982 (in Russian).
- Sagdi, G. *Tatar adabiyaty tarihy* [History of Tatar literature] Kazan: Tatarstan dōylōt nāshriyaty basmasy Publ., 1926 (in Tatar).
- Tuntari, M.-N. *Olug mosybat. Shaykhe Zaynulla Shayhe Zaynullah hazratnen vafaty; tarjimai hale* [He has a son, or Sheikh Hazrat Zainullah death; biography]. Vol. 6. [S.n.], 1917 (in Tatar).
- Usmanov, M. A. “Istochniki knigi Sh. Mardzhani «Mustafad al'-ahbar fi ahvali Kazan va Bulgar».” [Sources books Sh. Mardzhani “Mustafa al-Akhbar Fi ahvali Kazan Va Bulgar”] In *Ocherki istorii Povolzh'ya i Priural'ya. Sbornik statey* [Essays on the history of Volga and Ural regions. Collected papers]. Kazan: Kazanskiy gosudarstvennyy universitet Press, 1969 (in Russian).
- *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [Tatar sources of the 17th–18th centuries]. Kazan: Kazanskiy gosudarstvennyy universitet Press, 1972 (in Russian).
- “Avtografy Mardzhani na polyah podlinnika proekta H. Faizkhanova o shkol'noj reforme.” [Marzhani's autographs on the margins of the original project N. Faizkhanova on school reform] In *Sh. Mardzhani: ucheniy, myslitel', prosvetitel'* [Sh. Marjani: scientist, thinker, educator. Collected papers], 119–129. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990 (in Russian).
- *Zavetnaya mehta Husaina Faizkhanova: Povest' o zhizni i deyatel'nosti* [The dream of Hussain Faizkhanov: the story of the life and activities]. Kazan: Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1980 (in Russian).
- Usmanova, D. “Musul'manskie metricheskie knigi v rossijskoj imperii: mezhdud zakonom, gosudarstvom i obshchinoj (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv.)”

- [Muslim registers of births in the Russian Empire: between the law, the state and the community (the second half of 19th–the first quarter of 20th centuries)] *Ab Imperio*, no. 2 (2015): 106–153 (in Russian).
- Utyz-Imyani, G. *Izbrannoe. Sostavitel' i perevod s arabskogo R. Adygamova* [Favourites. Compiled and translated from Arabic by R. Adigamov]. Kazan': Tatarstanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003 (in Russian); 2007 (in Russian).
- Utyz-Imani al-Bolgari, G. *Shigyr'lar, poehmalar* [Sigirr, pamelar]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986 (in Tatar).
- Validov, Dzh. *Ocherk istorii obrazovannosti i literatury tatar do revolyucii 1917 g* [Essay on the history of education and literature of the Tatars before the revolution of 1917]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923 (in Russian).
- Valiullin, I. "Proyavlenie religioznogo faktora v vystupleniyah tatar vo vtoroy polovine XVI–XVIII vv." [Manifestation of a religious factor in performances of Tatars in the second half of the 16th–18th centuries] *Mir islama* [World of Islam], no. 3(2005): 75–89 (in Russian).
- Yuzeev, A. *Tatarskaya filosofskaya mysl' konca XVIII – XIX vekov* [Tatar philosophical thought of the late 18th– 19th centuries]. Kazan: Iman Press, 1998 (in Russian).

Formation and development of the theological thought of Tatars: history and trends of development

Ramil K. Adygamov

Sh. Mardjani Institute of History
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
420014, Kazan, Kremlin, 5 entrance
abu_muhammad@mail.ru

Abstract: The socio-economic changes in the territory of the former USSR, the processes of ethno-religious revival revealed the relevance of the traditional heritage, which in the process of historical heritage has allowed developing tolerant and good-neighbourly relations in the Russian Federation. In this regard, the second half of the 18th century – the first quarter of the 20th century is a special period for the social thought of the Tatars, as after three hundred years of stagnation it is reviving. But the study of the history of the revival of the Tatars' social and theological thought and in particular the problems of Islamic law of this period involves primarily the identification of the main cultural, social and political factors that influenced its formation and development. The most important of these factors for the Tatars was Islam. The Islamic religious tradition was firmly established and maintained, despite the socio-political events that took place in the region. The Mongol invasion, the collapse of the Golden Horde, the conquest of the Kazan khanate did not change the religious situation in the region.

After the capture of Kazan up to the end of the 18th century there was stagnation in the social life and social thought of the Tatars. Despite this, after the issuance of the decree on religious tolerance by Catherine II, there began a rapid process of the revival of the Tatars' social thought. As the Tatars received religious education in the world's famous religious centres, the ideas of theologians of the Islamic world had a significant impact on the formation of their views. The second most important factor that influenced the formation of the ideas of the Tatar thinkers was the ideas of European and Russian reformers. The Tatar thinkers got acquainted with them as a result of communication with the Russian intelligentsia, thanks to the development of the education system, as well as from the works of thinkers. Thus, the mentioned factors influenced the formation of the reform ideas in the Tatar theological thought, which contributed to the socio-economic development of the Tatar society.

Keywords: Islam, Tatar theologians, Tatar social thought, Tatar theological thought, theological tradition, Tatars' history of Islam

For citation: Adygamov, Ramil K. "Formation and development of the theological thought of Tatars: history and trends." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 551–580. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-551-580

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-581-607

Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В.А. Гордлевского)

А.А. Непомнящий, В.А. Грушецкая

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
dr.aan@mail.ru, victorianage89@gmail.com

Аннотация: На основе анализа научного наследия крупного тюрколога-крымоведа В.А. Гордлевского (1876–1956), которое в значительной степени сохранилось в рукописном виде, в частности, в Архиве Российской академии наук, других архивохранилищах, а также содержится в известных публикациях ученого, рассмотрена сравнительная характеристика цеховой организации ремесленников в Крыму и в Малой Азии. Проанализирована ремесленная культура крымско-татарских мастеров, которые изготавливали повседневную кожаную обувь на территории Крымского полуострова в конце XVIII – начале XX в. Выделена ведущая роль В.А. Гордлевского в исследовании данной проблемы. Восстановлены эпизоды его биографии и научной деятельности, которые отразились на формировании фундаментальных и глубоких знаний ученого по этому вопросу. Сформулированы отдельные аспекты развития ремесленной культуры в Крыму. Братство ахи появилось и функционировало в Крыму как добровольное объединение местной профессиональной и религиозной ассоциации цеховых ремесленников с XIII в. По мнению тюрколога В.А. Гордлевского, эти профессиональные союзы играли ведущую религиозную, политическую и экономическую роль в регионе благодаря «футтуве», статусу ремесленников, который в Крыму назывался «селеф-намэ». Подобный статут о моральном поведении и обрядности крымских цеховых ремесленников-обувщиков включал в себя этический и моральный кодекс, содержащий различные добродетели, в частности щедрость, честность и скромность. У обувщиков было свое знамя, они носили особую поясную одежду (шаровары «туман» и рабочий фартук «пештамал»), которая имела свои знаковые функции в обрядности, связанной с посвящением в мастера и сохранением этого статуса. В Крыму существовала собственная иерархия цеховых ремесленников, в основном, она состояла из трехуровневой системы: ученик «шекирд», подмастерье «калфа», мастер «уста», а также администрации во главе с верховным духовным наставником цехов «накыб», главными мастерами «уста-баши».

Ключевые слова: В.А. Гордлевский, Крым, крымоведение, крымские татары, ремесленная культура, цеховая организация

Для цитирования: *Непомнящий А.А., Грушецкая В.А.* Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В.А. Гордлевского) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 581–607. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-581-607

Введение

Неотъемлемой частью культурного наследия крымско-татарского народа выступает традиционный костюм конца XVIII – начала XX в. При этом интересно восстановить особенности создания цеховыми ремесленниками его составляющих компонентов, в частности, кожаной сшитой обуви. Важным аспектом данной исследовательской проблемы является оценка научной деятельности ученых, которые изучали на разных этапах ремесленную культуру и быт крымско-татарских мастеров – производителей кожаной традиционной обуви. Одним из признанных исследователей крымско-татарской этнографии является крупнейший представитель отечественного востоковедения, тюрколог Владимир Александрович Гордлевский (1876–1956). Сохранившиеся в его личном архивном фонде рукописные и опубликованные материалы способствуют более углубленному изучению различных аспектов ремесленной культуры в Крыму, в том числе связанных с описанием цеховой организации, этапами обучения, условиями быта, мировоззрением, этическими нормами, традициями и обычаями крымско-татарских ремесленников.

В начале XX в. для В.А. Гордлевского как языковеда и фольклориста народные сказки, легенды, песни, пословицы, загадки тюркских народов были первостепенным объектом исследования. Сравнительное изучение устного творчества разных представителей тюркского этноса позволило ученому лучше познать повседневную культуру, ближе познакомиться с ремесленной деятельностью и созданием различных предметов обихода тюрков. В подготовленных в 1946 и 1979 гг. библиографических списках работ В.А. Гордлевского не учтены некоторые из его трудов, посвященных исследованию Крыма¹. Их удалось восстановить благодаря изучению неопубликованной библиографии исследований В.А. Гордлевского, составленной Агатангелом Ефимовичем Крымским (1871–1942), которая сохранилась в рукописном виде в личном архивном фонде ученого в Киеве².

¹ Библиография печатных трудов члена-корреспондента АН СССР профессора В.А. Гордлевского: к 70-летию со дня рождения. М., 1946; *Базиянц А.П.* Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979.

² Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25531. Л. 1–10; *Баскаков Н.А.* Из писем А.Е. Крымского к В.А. Гордлевскому // *Türkologiya*. 2006. № 2/4. С. 3–18.

Заметное место в научном наследии выдающегося советского востоковеда-тюрколога и академика занимают исследования фольклора и этнографии крымских татар. Проведенные в последнее десятилетие библиографические и архивные разыскания позволили представить научной общественности разработки В.А. Гордлевского в области крымоведения – более 15 малоизвестных или неизвестных научных работ ученого³. Еще в досоветский период тюрколог, хорошо ориентировавшийся в новых тенденциях российского востоковедения и следивший за крымскими журнальными новинками, проанализировал 50-й выпуск «Известий Таврической ученой архивной комиссии» и констатировал, что «выдвигается на очередь и этнографическое исследование Крымского полуострова»⁴.

После окончательного установления в Крыму советской власти в ноябре 1920 г. Гордлевский продолжил изучение крымских татар. Результаты его научных экспедиций, проведенных на полуострове в 20-е гг. XX в., большей частью не были опубликованы и поэтому малоизвестны специалистам. Среди архивных материалов для раскрытия заявленной темы несомненный научный интерес представляют некоторые рукописи ученого «Этнографические мелочи: в Крыму» (12 сентября 1925 г.), «О крымской деревне Ускют» (1929 г.)⁵ и др. Вероятно, что свои научные изыскания по материальной культуре крымских татар ученый планировал также опубликовать в фундаментальных многотомных изданиях «История народов Крыма» и «Советская энциклопедия Крыма», так как Крымским обкомом ВКП(б) 7 октября 1934 г. было принято решение о сборе материалов для этих изданий, однако данные проекты так и не были реализованы.

Научную ценность представляют публикации, связанные непосредственно с историей ремесленного производства традиционной кожаной обуви крымских татар, жизнью и бытом ее создателей – цеховых мастеров и их учеников. Собранный в Крыму В.А. Гордлевским богатейший фактический материал о жизни цеховых ремесленников до настоящего времени не утратил научной значимости. Эти важные этнографические данные легли в основу сравнительного исследования о ремесленниках Крыма и Османской империи, обобщенного в виде цикла публикаций ученого. Так, в апреле 1923 г. тюрколог выступал с докладом «Из жизни цехов в Турции: к исто-

³ *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. Вып. 25. С. 210–211.

⁴ *Гордлевский В.А.* Рецензия // Этнографическое обозрение. 1914. № 1/2. С. 244; Рецензия на книгу // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50. С. 316.

⁵ Архив Российской академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 688. Оп. 1. Д. 90. Л. 23–31; Там же. Ф. 688. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–2; Там же. Д. 48. Л. 1–3.

рии ахи» на объединенном заседании Восточной секции Научно-исследовательского института языковедения и исторической литературы. Позже эта работа была издана в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР» в 1927 г.⁶ Тогда же была опубликована работа «Дервиши Ахи Эвраана и цехи в Турции»⁷.

Наиболее ценное и основополагающее с научной точки зрения исследование, связанное с цеховой организацией у крымских татар, историк представил в отдельной статье «Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар», напечатанной в 1928 г.⁸ Завершающей частью научных работ о ремесленной жизни Малой Азии и Крыма можно считать его фундаментальное монографическое исследование «Государство сельджукидов Малой Азии», изданное в 1941 г. и вошедшее затем в первый том избранных трудов ученого⁹.

О жизненном пути и научной деятельности востоковеда В.А. Гордлевского опубликован ряд трудов, важными из которых являются биографические работы Е.Э. Бертельса¹⁰, А.П. Базиянца¹¹ и др. Проблеме развития сапожного ремесленного производства в Крыму посвящены разновременные публикации отечественных исследователей Ф. Домбровского¹², Гермогена¹³, Н.П. Ракицкого¹⁴, С.Н. Абдурамановой¹⁵, рассматривающих исторические (социально-политические реалии развития ремесла), экономико-статистические (экономическое положение ремесленников, связь с рынком, зависи-

⁶ *Гордлевский В.А.* Из жизни цехов в Турции. К истории «ахи» // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук СССР. Л., 1927. Т. II. Вып. 2. С. 235–248.

⁷ *Гордлевский В.А.* Дервиши Ахи Эвраана и цехи в Турции // Известия Академии наук СССР. 1927. Т. 21. Вып. 7. С. 1171–1194.

⁸ *Гордлевский В.А.* Организация цехов у крымских татар: Из поездки в Карасубазар // Труды Этнографо-Археологического музея Этнологического факультета Первого Московского государственного университета. М., 1928. Вып. 4: Быт. С. 58–65.

⁹ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. Исторические работы. М., 1960. Т. I. С. 31–218.

¹⁰ *Бертельс Е.Э.* Владимир Александрович Гордлевский // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию: сб. ст. М., 1953. С. 5.

¹¹ *Базиянец А. П.* Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979. С. 80.

¹² *Домбровский Ф.* Историко-статистический очерк г. Бахчисарая // Новороссийский календарь на 1849 год. Одесса, 1848. С. 380–396; *Домбровский Ф.* Реван, крымско-татарский обычай // Таврические губернские ведомости. 28 июля 1862.

¹³ *Гермоген.* Таврическая епархия. Псков, 1887.

¹⁴ *Ракицкий Н.П.* Материалы по экономике Крыма: экспортные возможности края. М., 1926.

¹⁵ *Абдураманова С.Н.* Ремесленные центры Крыма: от расцвета к упадку // Культура народов Причерноморья. 2011. № 199. Т. 1. С. 10–13.

мость от посредников, количественный состав мастеров и его учеников), технологические (инструменты, сырье) аспекты ремесленного производства.

Работы этнографического характера, в частности, труды путешественников и исследователей Крыма Б.А. Куфтина¹⁶, И.В. Ачкинази¹⁷, а также крымско-татарские пословицы и поговорки, песни, собранные в начале XX в.¹⁸, содержат важные сведения о социально-бытовой (продолжительность рабочего дня, использование наемного труда, условия быта, повседневность ремесленников) и традиционно-обрядовой (компоненты профессионального костюма, связанные с мастерами-обувщиками, использование обуви и поясного одеяния в обрядности, отношение к мастерам со стороны общества) специфике сапожного ремесла.

В.А. Гордлевский

В.А. Гордлевский родился 25 сентября (7 октября по новому стилю) 1876 г. в Свеаборге (Финляндия). По окончании с серебряной медалью Александровской гимназии в Гельсингфорсе он продолжил обучение на историко-филологическом факультете Московского университета и в Лазаревском институте восточных языков¹⁹. В 1904 г. он совершил первую поездку в Крым и в Османскую империю с практической целью познакомиться с турецкими наречиями и фольклором. В целом, в рамках подготовки к профессорскому званию в Лазаревском институте в течение 1904–1907 гг. он стажировался в Османской империи (Стамбуле), некоторое время жил в Сирии, слушал лекции в парижском Коллеж де Франс. Именно с этого времени в его научной деятельности прослеживается интерес к фольклору, истории и традиционному быту как османов, так и крымских татар. В 1911 г. он успешно сдал магистерский экзамен и в 1916 г. получил звание экстраординарного профессора в Лазаревском институте восточных языков²⁰. До 1918 г. В.А. Гордлевский

¹⁶ *Куфтин Б.А.* Южнобережные татары Крыма // Крым. 1925. № 1. С. 22–31.

¹⁷ *Ачкинази И.В.* Знаковые элементы традиционной одежды крымчаков XIX–XX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2002. Вып. 9. С. 599–608.

¹⁸ *Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурасов О.* Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 1–67; Архив РАН Ф. 688. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–2; Д. 48. Л. 1–3; *Chatskaya O.* Chansons tatars de Crimée, recueillies et traduites / introduction N. K. Dmitriev // Journal Asiatique recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales publié la Société Asiatique. Paris, 1928. Vol. 208. № 2. P. 341–369; *Dmitrijev N. K.* Einige krim-tatarische Lieder // Wiener zeitschrift für die kunde des morgenlandes. Wien, 1933. Bd. 40. P. 125–137.

¹⁹ *Бертельс Е.Э.* Владимир Александрович Гордлевский // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию: сб. ст. М., 1953. С. 5.

²⁰ Архив РАН. Ф. 688. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–9.

преподавал турецкий язык и историю турецкой литературы в Лазаревском институте, который позднее был реорганизован в Московский институт востоковедения, с 1918 г. – занимал должность профессора Переднеазиатского института. С 1925 по 1929 гг. – профессор Московского государственного университета, преподавал также на восточном факультете Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. В 1934 г. получил степень доктора литературоведения, в 1946 г. был избран академиком Академии наук СССР.

Фото 1. Востоковед, тюрколог В. А. Гордлевский (1876–1956)
Photo 1. Orientalist, Turkologist V.A. Gordlevsky (1876–1956)

Источник: Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. Исторические работы. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Т. I. Фронтиспис.

Научные изыскания В.А. Гордлевского, в том числе и крымоведческие этнографические исследования, были высоко оценены как отечественными, так и зарубежными учеными и получили известность далеко за пределами России – СССР. В западноевропейской историографии В.А. Гордлевский справедливо назывался ведущим среди немногочислен-

ных в то время этнографов-крымоведов²¹. Богатое рукописное и опубликованное крымоведческое наследие ученого остается еще малоизвестным. Вместе с тем для многих специалистов оно имеет несомненную научную ценность. Изучение трудов В.А. Гордлевского, посвященных специфике цехового устройства крымских ремесленников и их традиционно-бытовой культуре, позволяет ввести в научный оборот ценные сведения по истории и этнографии Крыма.

Цеховая организация крымско-татарских мастеров

Известная крымско-татарская пословица гласит: «Зенаат ельде алтун билезик» – Ремесло – золотой браслет на руке²². Несмотря на прикладной и повседневный характер ремесленного изделия из кожи, в частности, различных типов традиционной обуви, в нем всегда чувствуется творческое и художественное начало мастера. Это кропотливый трудоемкий процесс, требующий от ремесленника терпения и усилий, так как время, отводимое на пошив обуви, несомненно, зависело от качественной предварительной обработки сырья, умения мастера и его учеников обращаться с разными сортами кожи, знания основ раскроя каждой детали в зависимости от формы и вида образцов, способа их декорирования.

На Крымском полуострове ремесленными центрами изготовления сафьяна и качественной кожаной обуви конца XVIII – начала XX в. считались города предгорья и степи. Прежде всего – Бахчисарай, Карасубазар (центр бейлика Ширинских, ныне – Белогорск), Симферополь и Евпатория (портовый город). Сапожники и кожевники из этих городов почти полностью обеспечивали потребности крымских жителей как красным, желтым, реже черным и коричневым качественным сафьяном собственного производства, так и готовыми изделиями различной сшитой кожаной обуви²³.

²¹ *Menzel T.* Russische Arbeiten über turkische litteratur und Folkloristik: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki // *Der Islam*. 1913. Bd. 4. P. 123–136; *Menzel T.* Über die Werke des russischen Turkologen Samojlovič // *Archiv orientální*. Praha, 1929. Vol. 1. № 2. P. 209–234; *Menzel T.* Über die Werke des russischen arabisten Kračkovskij // *Archiv orientální*. Praha, 1930. Vol. 2. № 1. P. 54–86.

²² *Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурасов О.* Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1915. № 52. С. 50.

²³ *Ракицкий Н.П.* Материалы по экономике Крыма: экспортные возможности края. М., 1926. С. 35, 37, 44; *Паллас П. С.* Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб., 1795. С. 55, 59; *Кокизов Ю. Д.* Караимы: краткий исторический очерк. СПб., 1898. С. 23; *Домбровский Ф.* Историко-статистический очерк г. Бахчисарая // *Новороссийский календарь на 1849 год*. Одесса, 1848. С. 394; *Guthrie M.* Through Russia:

Кожаная обувь как неотъемлемая часть традиционного костюма в Крыму имела важное значение для многих жителей региона, она определяла социальный статус людей, их поло-возрастную дифференциацию, отражала этические и эстетические предпочтения, она была наделена магическими свойствами, играла роль своеобразного оберега, использовалась в обрядах жизненного цикла. Среди особенностей, связанных с использованием различных типов традиционной обуви, выделим следующие.

1. Согласно системе традиционных представлений тюркоязычного населения Крыма обувь при соприкосновении с землей и контакте через нее с потусторонней силой воспринималась обычно как сакрально нечистый элемент костюма, что, вероятно, послужило причиной возникновения ряда запретов, связанных с этим компонентом одежды. Во-первых, обувь не носили внутри архитектурных сооружений, предназначенных для совершения богослужений и религиозных обрядов (мечеть для крымских татар, кенасса (вторая часть для мужчин «шулхан») – у крымских караимов, кьаал – у крымчаков); в общественно-религиозных школах (мидраш, мектебе), а также часто и внутри собственных домов, так как их жители оставались обычно босиком или ходили по дому в носках «чорап», а обувь оставляли у порога перед входом в комнату. Во-вторых, для человека считалось сильным оскорблением, если в него намеренно бросали ботинок. В-третьих, нельзя было переворачивать туфли подошвой вверх, считалось, что на них присутствует нечистая сила, которая может сглазить носителя. Обувь также не клали в могилы покойного (крымчаки), не встречается она и в перечне брачных договоров «шеттар» у крымских караимов²⁴.

2. Вместе с тем кожаную обувь использовали и как оберег от сглаза и болезней. Хозяйки (крымские татары) привязывали старый ботинок «катыр» на шею скоту, особенно коровам, которые давали много молока, чтобы сохранить их от завистливого сглаза соседей. Если ребенок (в возрасте до трех лет) у крымчаков долго плакал, тогда, чтобы его успокоить, необходимо было слегка прикоснуться к его губам домашней туфлей «папуч»²⁵.

from St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea: in 2 vol. London: Hurst and Blackett, 1874. Vol. 2. P. 202–203.

²⁴ *Ачкинази И.В.* Погребальный обряд крымчаков // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 194–195; Куфтин Б.А.* Южнобережные татары Крыма // *Крым. 1925. № 1. С. 26; Гермоген.* Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 110;

²⁵ *Качиони С.А.* В дебрях Крыма. Пг., 1917. С. 124; *Ачкинази И. В.* Знаковые элементы традиционной одежды крымчаков XIX–XX вв. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2002. Вып. 9. С. 603.*

Поэтому отношение к традиционной обуви и ремесленнику, который ее создавал, было особенным и сакральным.

В Крыму городские ремесленники в соответствии с профессиональной специализацией, местом происхождения, этнической принадлежностью группировались в религиозно-ремесленные объединения – цеховые союзы «эснаф»²⁶. Как правило, мастера почти полностью обеспечивали необходимыми изделиями собственные общины.

Традиционно все жизненно важные социальные связи в ремесленном сообществе были основаны на обоюдном соглашении сторон, порядок поддерживался на правах коллегиальности и внутренней автономии, без открытого вмешательства центральных и местных властей. Совместно выработанные правила ремесленников фиксировались обычно в особых уставах, которые в Крыму назывались «селеф-намэ». В таких документах была четко указана иерархия, которой строго придерживались. Высшим должностным лицом, верховным духовным наставником и главой всех цеховых ремесленников в каждом городе являлся «накыб». Так, у «накыба» цеха сапожников из Карасубазара хранились цеховой устав, свитки с легендарной историей происхождения профильного ремесла, о пире-покровителе. Это звание было наследственным, считалось, что его могли получить только потомки Пророка Мухаммеда. Верховному главе цехов принадлежало право высшего суда²⁷.

Широкими полномочиями обладали цеховые старшины или главные мастера «уста-баши». Это была высокая и почетная должность, заслужить которую было непросто. Далее следовал главный подмастерья «кьалфа-баши». Ему обычно помогал второй подмастерья или глава молодых учеников «игит-баши». «Уста-баши» и «игит-баши» руководили приемом учеников, посвящением их в мастера, регулировали размеры производства и цены на продукцию. Ремесленники, выполнявшие роль наблюдателей, выявлявшие нарушителей устава, назывались «чауши», они были глашатаями и посредниками между главой мастеров и другими представителями цеха. Последнюю ступень занимали все мастера «уста», подмастерья «кьалфа» и ученики «шекирд».

Согласно уставу, регламентировавшему деятельность цеховой ремесленной организации, традиционно среди различных ремесленников весьма

²⁶ Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В.А. Избр. соч. М., 1960. Т. 1. С. 131.

²⁷ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: Из поездки в Карасубазар // Труды Этнографо-археологического музея этнологического факультета Первого московского государственного университета. М., 1928. Вып. 4: Быт. С. 61, 63–64.

почитаемыми были кожевники и башмачники. Поэтому заниматься подобной ремесленной деятельностью могли сначала только мусульмане. И лишь на определенные этапы трудоемкого процесса изготовления традиционной обуви могли допускаться представители других этносов и конфессий (иноверцы) (крымские караимы (дубильщики), крымчаки, евреи (резники, башмачники); армяне, греки, русские, украинцы («гёнджю», они обрабатывали воловью кожу для подошвы). Как выяснил В.А. Гордлевский, в Карасубазаре во второй половине XIX в. было 70 мастеров-сапожников, из них – 50 мусульман, 15 крымчаков, 5 христиан²⁸.

Согласно мировоззренческим представлениям и легендарной традиции крымских татар, ремесло имело божественное происхождение (духовное покровительство), поэтому в каждом цехе были свои покровители – святые основоположники, пиры²⁹. В целом, цехи Малой Азии были подчинены духовному центру ремесленников – текке/завии (обитель, странноприимный дом), расположенному в г. Кыршехире (152 км к юго-востоку от г. Анкары). Это текке принадлежало тюркскому суфию Ахи Эврану XIII в., похороненному там же. Настоящее имя мыслителя – Насреддин Абул Хакайык Махмуд бин Ахмет (1172–1261), который считался покровителем кожевников и еще 32-х различных специальностей и ремесел в Малой Азии. Его последователи имели огромное влияние за пределами региона, в частности, в Крыму и Центральной Азии. Известно также, что среди крымских ремесленников почитался легендарный прототип, его одноименный покровитель, пир цеха кожевников, шорников, сапожников, дубильщиков змеборец шейх Ахи Эвран, живший в VII в. Его имя означало следующее. «Ахи» определялось принадлежностью к братству ахи, «Эвран» – это прозвище, которое получил от пророка шейх Махмуд – сын Аббаса (дяди Пророка Мухаммеда). Данное прозвище ведет свое начало от культа змеи или дракона, которого победил султан. Легенда гласит, что он также лично получил знамя из рук Пророка, женился на дочери Али Рукие, ему было дано разрешение руководить 32-мя ремесленными цехами³⁰.

Обладая широкими полномочиями и имея огромный авторитет от текке из Кершехира, в каждом ремесленном центре-регионе назначался представитель из этой обители «ахи-баба» – один из верховных руководителей

²⁸ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар... С. 63.

²⁹ Гордлевский В.А. Из жизни цехов в Турции: к истории «ахи» // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. 1927. Т. II. Вып. 2. С. 236.

³⁰ Гордлевский В.А. Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции // Известия Академии наук СССР. 1927. Т. 21. Вып. 7. С. 1176.

цехов, почтенный мастер, который был посредником между населением и властью, он даже мог находиться во главе городского управления³¹.

В средневековье шейхи братства ахи разработали устав о моральном поведении и обрядности ремесленно-религиозных цеховых орденов «футтува». Отметим, что именно багдадский халиф Абуль-Аббас Ахмад ан-Насир Лидиниллах (1158–1225) из династии Аббасидов реформировал их, взял под свой контроль, создав новый орден и лично возглавив его. Приглашая всех мусульманских правителей, признававших его сюзереном, вступить в этот новый орден, правитель создавал таким путем дополнительные звенья подчинения халифату. При этом была разработана особая церемония посвящения, где элементы костюма имели важнейшее значение.

Согласно легенде при посвящении сельджукского султана Изеддина Кейкавуса I в данный ремесленный орден халиф лично пожаловал ему «шаровары целомудренной чистоты» и «плащ доблести», «футтувет-наме» (устав) и «грамоту разрешительную на власть».

Отметим, что шаровары выступали официальной поясной одеждой и были эмблемой братства ахи, которую лично установил в Багдаде халиф Насир. Этот элемент одежды превратился в герб, каждый член братства ахи изображал его на своем оружии вместе с чашей³².

Таким образом, ахи стали патронами и шейхами цеха в Малой Азии, они охраняли интересы ремесленников и цеховых организаций³³. Данное братство со временем вышло за пределы Малой Азии. В Крыму оно появилось со времен походов турок-сельджуков в XIII в. По сведениям В.А. Гордлевского, известно, что средневековый арабский путешественник и купец Ибн Баттута, посетив Северное Причерноморье, находил в XIV в. на надгробиях Азова и Старого Крыма упоминания об ахи. Он также отмечал, что представителей этого братства в Крыму выделяли особые элементы костюма: в отличие от суфиев (дервишей), у которых основным элементом одежды была наплечная куртка «хырха», ахи носили на талии шаровары «туман» и на голове – белый калпак. По мнению востоковеда,

³¹ Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии // Гордлевский В.А. Избр. соч. М., 1960. Т. 1. С. 153, 202.

³² Гордлевский В.А. Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции... С. 1182; *Arnakis G. G. Futuwwa Traditions in the Ottoman Empire: Akhis, Bektashi Dervishes, and Craftsmen // Journal of Near Eastern Studies. 1953. № 12. P. 233–239; Yildirim R. Shī'itisation of the Futuwwa Tradition in the Fifteenth Century // British Journal of Middle Eastern Studies. 2013. Т. 40. № 1. P. 54–60.*

³³ Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии... С. 135, 142; *Yildirim O. Ottoman Guilds in the Early Modern Era // International Review of Social History. 2008. № 53. P. 77.*

с XVIII в. здесь также распространились специальные «дестаны»³⁴ об ахи. Кроме того, шейхи текке Ахи Эврана из Кершихира совершали миссионерские поездки в Крым даже во второй половине XIX в. Однако позже им был запрещен въезд на территорию Российской империи, поэтому вековая ремесленная и сакральная связь между Крымским полуостровом и Малой Азией была прервана³⁵.

Посвящение в мастера «реван»

Когда число непосвященных мастеров в цехе увеличивалось до определенного количества, тогда «уста-баши» созывал к себе всех мастеров и они назначали на совете «лонджу» дату проведения посвящения в мастера «реван» (Карасубазар), реже «кефериш» (Бахчисарай), которая выпадала обычно на летнее время года (июнь). Данное торжество продолжалось несколько дней, устраивались скачки, борьба «куреш» и танцы. В зависимости от необходимого числа будущих мастеров происходило это событие традиционно один раз в 10, 15 или 25 лет. Поэтому такому редкому торжественному дню придавали огромное значение. Слово «реван» буквально означало «ищущий высшего звания», «открытие пути» или «разрешение к свободе», оно заключало в себе религиозно-суфийский смысл и начиналось только после одобрения «накыба».

В начале посвящения крымско-татарским ремесленникам и гостям мулла читал молитву, обращенную к святым покровителям ремесел, затем все отправлялись за город, к реке или в сад, где происходило главное действие. После обеда начиналась торжественная часть мероприятия. В центре, на площадке, находился «накыб», с левой, почетной стороны от него, располагался ряд «уста-баши», начиная с земледельцев, башмачников и так далее до наименее почетного банщика (всего 36). Справа ряд с «уста-баши» начинался с кожевенного цеха, затем были цирюльники, ткачи и так далее до двух представителей «полуремесел» – костоправов и повивальных бабок (всего 36). Будущие «усталар» стояли в том же порядке, стройными рядами. Таким образом, были представлены все 72 вида ремесленной деятельности. Возле своих цехов располагались знаменосцы, каждый был со своим знаменем-санджаком.

³⁴ Дестаны – народные эпические произведения в фольклоре или литературе о мифах, героические поэмы.

³⁵ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии... С. 141; *Он же.* Дервиши Ахи Эврана и цехи в Турции... С. 1185.

На этом празднике были распространены обряды и ритуалы, связанные непосредственно с элементами поясной одежды (фартук, шаровары) и обувью. Так, мулла во время церемонии снимал туфли «терлик» и босиком проводил новых мастеров к «накыбу»³⁶. В начале посвящения фартук «пештамал» (длинный плат) будущих мастеров спускался вниз с правого плеча. После всеобщего молебна каждый из них поочередно выходил из ряда и подходил к «накыбу», отвечал на ряд заданных им традиционных вопросов, после чего «сер-чешме» шептал испытываемому на ухо древний традиционный завет: «Никогда не закрывай своей двери, никогда не открывай чужой и работой столько, сколько достаточно для твоей жизни». Затем он давал сигнал для целования новым мастером руки «накыба». Последний трижды произносил «величание» («текбир»), предварительно обертывая «пештамал» три раза вокруг стана посвященного, повязывая его на три символических узла: согласно формуле «тахлиль», первый узел указывал на единство Бога, второй – на пророка Мухаммеда, третий – на архангела Джибраила (Гавриила), принесшего «шедд» (пояс) из рая. «Одна рука мастера – здесь, – наставлял “накыб” при повязывании фартука, а другая – там». Такими словами он сочетал во вновь посвященном мастере стремление к земному труду и к духовному миру³⁷. В фартуке мастера ходили почти целый день.

Данный обряд опоясывания при посвящении ремесленников в Турции назывался «пештамал кушатма», в Крыму – «шеддом». Он означал, что подмастерье выходил на уровень мастера («уста чыкмак») и становился полноправным членом цеха. Позже после молитвы «ашыр» (небольшого отрывка из Корана) произносилась другая особая молитва, во время которой «накыб» снова поочередно развязывал у бывших «кьалфа» их «шедд», снова перекидывая фартук «пештамал» теперь уже через их левое плечо³⁸. После этого обряда развязывания фартука «усталар» считались уже полностью посвященными мастерами «реванлы», они собирались отдельно и начинали праздновать.

³⁶ Дудоров П. Крым и крымские татары: очерк с рисунками. М., 1911. С. 10, 23, 50; Домбровский Ф.М. Реван, крымско-татарский обычай // Таврические губернские ведомости. 28 июля 1862.

³⁷ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар... С. 58, 61.

³⁸ Гордлевский В.А. Из жизни цехов в Турции: к истории «ахи» // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. 1927. Т. II. Вып. 2. С. 239; Архив РАН. Ф. 688. Оп. 4. Д. 257. Л. 1; Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар... С. 62.

Таким образом, праздник-экзамен «реван» был важной составляющей ремесленной культуры крымских «усталар», он выступал итогом длительного учения и признания мастерства, где при посвящении огромное символическое значение имели обрядовые элементы поясной одежды, подтверждающие факт инициации и перехода ремесленника в новый желаемый и высший статус от подмастерья к мастеру как полноценному члену цеховой организации.

Особенности ремесленной жизни и быта крымских татар в статусе ученика–подмастерья–мастера

Чтобы достичь и сохранить за собой статус мастера, крымско-татарскому ремесленнику необходимо было выполнить ряд условий, которые выдвигал цех. Одним из первых считался высокий уровень квалификации ремесленника. Претендент на это звание должен был быть посвященным «реванлы».

Чтобы стать мастером, «кьалфа» должны были иметь высокую квалификацию, пройти курс ученичества в данном виде ремесла, быть законнорожденными, иметь хорошую репутацию. Поэтому в профессиональном отношении цеховые подмастерья были вполне подготовлены к самостоятельной деятельности.

Другим условием поддержания авторитетного будущего или действующего статуса мастера являлось наличие у него исходного имущества: рабочих инструментов, иногда сырья, денежных средств, чтобы он мог выполнять принятые в его кругу обязательства, считаться «хорошим человеком», поддерживать свою репутацию. Например, если кто-то из мастеров, учеников заболел или умирал либо требовалось оказать кому-то помощь, то «уста-баши» звал посредника «чауша» к себе и снимал со стены специальную доску с отверстием, висевшую постоянно около станка. Далее «чауш» выкрикивал: «Пирин эшкына!» (Пожертвуйте «из любви к пиру»). После этого призыва он обходил мастерские своего цеха с доской, куда ему бросали деньги для потребностей нуждающегося. После такого обхода «уста-баши» также благодарил посредника, отделяя ему часть денег «аяк кирасы» («наемную плату за ноги») за сбор данного пожертвования³⁹. Такая жертвенность и общая благотворительность были важными элементами в ремесленной культуре Крыма, выступали определяющими ценност-

³⁹ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасу-базар... С. 63; Yildirim O. Ottoman Guilds in the Early Modern Era // *International Review of Social History*. 2008. №. 53. P. 76–77.

ными ориентирами в традиционном обществе, они давали ощущение защищенности, уверенности и поддержки внутри трудового коллектива.

Третьим важным условием для мастера являлась его хорошая репутация: добропорядочность, честность, наличие добродетели, которые обычно удостоверялись документами, рекомендациями его учителя-мастера или устными свидетельствами коллег. Требования четко соблюдать традиционные правила создания продукции, изготавливать эталонные изделия, не допускать брака, подделки или использования недоброкачественного сырья были важными предписаниями в работе ремесленника.

Очевидно, что цех обувщиков запрещал работать ночью и в праздничные дни, браться за невыполнимые по объемам и срокам заказы, работать одновременно на двух или более заказчиков, приглашать в помощь посторонних и вообще необученных людей, поручать сложную работу подмастерьям, которые могли не справиться с ней и испортить заказ. Авторитет, статус мастера и его цеха подчеркивался тем, что на товаре должно было быть личное клеймо «уста», которое он мог ставить только после посвящения «рewan». Клеймом мастер отмечал и маркировал свои качественные изделия, тем самым поддерживал свою безупречную репутацию ремесленника высшей категории. В случае недоразумений, претензий покупателя или заказчика к изготовителю, они могли обращаться с жалобой на мастера, чье клеймо было поставлено на изделии, в его профильный цех, который защищал интересы как производителей, так и потребителей товара, что способствовало благоприятным условиям развития ремесла. Поэтому достоинство ремесленника и его значимость измерялись трудом, качеством и количеством выполненной им работы⁴⁰.

В крымской цеховой организации уделялось особое внимание обучению ремесленника, которое длилось в течение строго оговоренного времени. По сообщению В.А. Гордлевского, когда отдавали мальчика в ученики к мастеру, его отец как бы уступал права на сына ремесленнику. Причем в исключительных случаях в качестве одного из вспомогательных методов воспитания будущего ученика родитель допускал справедливые и осознанные телесные наказания для нарушителя порядка и дисциплины, но без увечий, ведь наказание не должно было вредить ни физическому, ни психическому здоровью сына. При этом отец ученика произносил традиционную

⁴⁰ *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов Малой Азии... С. 165; *Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О.* Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 29–30.

фразу, закреплявшую данные права хозяина мастерской над его ребенком: «Кемиги мени, ети сени» – Кости мои, а мясо твое⁴¹.

Процесс обучения ремесленников, в частности крымско-татарских сапожников городского цехового сообщества, имел свои специфические особенности. Мальчиков обычно отдавали мастеру с семилетнего возраста. Ученик в течение нескольких лет постепенно осваивал все этапы производства обуви (подготовка сырья, замеры и раскрой деталей, покраска кожи, овладение техниками соединения элементов и т.д.). В среднем срок обучения длился 1001 день («бин бир гюню долдурмак») или равнялся 2 годам и 9 месяцам. Если ученику давалось звание подмастерья «кьалфа» раньше, он чаще всего обязательно работал у своего мастера все это время. В данном случае количество дней выбрано не случайно: оно имеет духовное значение и суфийское начало, так как столько же дней длился срок искусства, требуемый от дервиша – члена ордена⁴². Отметим, что этот полуполюгендарный срок ученичества мог изменяться от года до пяти-семи лет, пока мастер не решит, что «шекирд» готов представить свою искусность в изготовлении изделия на суд совета мастеров «лонджа». Для самых умелых учеников это испытание проходило до истечения установленного срока, также время обучения сокращалось и для детей мастеров, которые стремились ускорить процесс обучения. В конце первого срока ученики могли качественно реставрировать ношеную обувь. Пока шло обучение, мастер обязан был обеспечивать учеников жильем, кормить и покупать одежду, подстригать их еженедельно. Нередко к пятнице мастер мог давать ученикам мелкие деньги на сладости⁴³. «Шекирд» также имел свое место за общим обеденным столом рядом с остальными работниками мастерской. Итак, мастер лично брал на себя заботу о подростке, о его духовном и профессиональном развитии.

По завершении учебы «шекирд» мог стать подмастерьем. Если мастер видел, что он уже познал основы ремесла, тогда «уста-баши» через посредника «чауша» собирал других мастеров к себе в совет «лонджу» на испытание данного ученика. При этом происходило угощение «кебабом» (если своего ученика выдвигал сам мастер, то и угощал лично, а если была естественная «выслуга срока», то угощение организовывал испытуемый

⁴¹ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 51; Гордлевский В. А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар... С. 57.

⁴² Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасубазар... С. 58.

⁴³ Там же.

ученик или его родители). В случае, если другие мастера на собрании подтверждали, что изделие ученика качественное, тогда его «уста» давал свое разрешение «дестюр», а сам ученик целовал руку мастеру в знак благодарности. Затем его «уста» оценивал вещь и определял, насколько искусно она сделана, чтобы выставить ее на аукцион.

Если вещь с аукциона покупалась другим мастером, который предлагал за нее наибольшую цену, то ученик, получив уже звание подмастерья «кьалфа», мог перейти к этому мастеру, к своему новому хозяину. Однако бывали случаи, что подготовленное изделие невысоко оценивали другие «уста», тогда ученик оставался у прежнего мастера и его также повышали до статуса подмастерья. Во время этого мероприятия хозяин-мастер произносил пожелания и наставления для своих учеников: «Алла ишин кола[й] гетирсин, топрак тутсан, алтын олсун, Алла ишин он гетирсин!» («Пусть Аллах облегчит твою работу; если бы ты взял землю, – да будет она золотом, да подаст Аллах удачу тебе в деле!»)⁴⁴.

Таким образом, обычно к 10–14 годам ученики становились подмастерьями «кьалфа». Им начинали выплачивать ежемесячную заработную плату, которая была в два раза выше, чем та, которую они получали за весь год обучения в первом периоде подготовки. Кроме того, за ремонт обуви, который подмастерья уже делали на заказ с разрешения своего мастера, они могли дополнительно получать собственный доход. На подмастерья также учились минимум три года, но для детей мастеров этот срок мог сокращаться до 1,5 лет.

После обучения подмастерья «кьалфа» также предоставлял мастеру самое лучшее образцовое изделие «шедевр». Если он одобрял его, тогда совет мастеров во главе «уста-баши» зачисляли его в разряд мастеров, который еще не был полноправным членом цеха «ревансыз», так как не прошел обряд посвящения. Если мастер по своему усмотрению решил не отпускать «кьалфу», тогда подмастерье со своим изделием мог обратиться в совет напрямую к главе цеха, где все «усталар» решали, достоин ли он звания мастера или еще не готов приобрести этот статус. После предоставления изделия-шедевра и одобрения совета мастеров новый «уста» мог открывать торговую лавку или мастерскую, но как непосвященный, он еще не имел права брать к себе учеников или подмастерьев. Лишь в порядке исключения, когда «шекирд» или «кьалфа», искавшие себе нового мастера, не находили его среди посвященных, тогда глава цеха направлял их к «ре-

⁴⁴ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар... С. 57–58.

вансыз»⁴⁵. Очевидно, таким образом, сохранялся баланс между спросом и предложением квалифицированной рабочей силы.

Ремесленники, которые занимались изготовлением традиционной обуви, жили и работали семьями, имели свои мастерские и торговые лавки, которые веками сохраняли традиционные патриархальные черты. Элементы современных действующих экспозиций в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике, изобразительные материалы (полихромные литографии и гравюры, черно-белые фото-открытки конца XIX – начала XX в.), а также свидетельства путешественников и очевидцев того периода дают возможность изучить интерьер мастерской обувщика, исследовать функциональные особенности хозяйственного помещения и рабочие инструменты мастера⁴⁶.

По описанию В.А. Гордлевского, в центре рабочего помещения мастерской находилось большое окно, где сидели подмастерья и ученики, а ближе к стене, но значительно ниже, располагалось небольшое окошко, где находился сам мастер⁴⁷. Эти окна не пропускали достаточно света, поэтому во время сумерек и облачной погоды часто приходилось использовать лучины и лампы. В результате часто слабое освещение и недостаток свежего воздуха существенно отражались на здоровье ремесленников. Для оборудования лавки или мастерской обувщика необходимо было изготовить мебель (стол и стул для работы), закупить различные ручные инструменты: деревянный пресс «мушта», металлические тиски «джильде», сапожные деревянные и металлические молотки «чьокюч» (для сжатия и выравнивания поверхностей и оформления перфораций (отверстий) и раскройные ножи односторонней и двусторонней заточки «пычакъ» (для нарезания кожи и шерфования), шила «биз», нитки «йип» и иглы «ине»/«йине» (для соединения деталей), шлифовальные и лоцильные инструменты (деревянные полированные палки «ачкан-агъач»), деревянные колодки разных размеров, кожаные стельки «табанлыкъ» для обуви, картонные шаблоны для создания подошвы «табан», инструменты для дерева – «морперч», «приве кескичлер» и другие. Также для работы были необходимы гвозди, смола, воск, сапожный клей. В соответствии с конкретным

⁴⁵ Гордлевский В. А. Организация цехов у крымских татар... С. 58.

⁴⁶ Geissler J.G.G. *Abbildung und Beschreibung der Voelkerstämme und Voelker unter des Russischen Kaisers Alexander*. Leipzig: Industrie-Comptoir, 1803; Guthrie M. *Through Russia: From St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea*. London: Hurst and Blackett, 1874. Vol. 2.

⁴⁷ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар... С. 62.

типом обуви (ботинки, туфли и т.д.) крымские ремесленники использовали сплошные затяжные или выпиленные клином обувные колодки⁴⁸.

Рабочий день ремесленника, как правило, длился восемь часов, о чем свидетельствует крымско-татарская пословица «Секит саат уйку, секит саат иш, секит саат ибадет» – 8 часов сна, 8 часов работы, 8 часов служения Богу. Как отмечают исследователи, ремесленники не могли сознательно «укорачивать» рабочий день, они отдыхали обычно по праздникам, в ярмарочные и базарные дни, также часто после обеда они могли торговать в лавках и не заниматься изготовлением изделий. В народном фольклоре отражено особое отношение к своему труду: «Акшам исе, сабах исе дур» – Если вечер – ложись, если утро – вставай; к лени и безделью: «Ахшамын иши сабаха калдырма» – Не откладывай до утра того, что нужно сделать вечером⁴⁹.

Вечером, когда ученики и подмастерья заканчивали работать, они могли уходить домой, но утром они снова должны были быть на месте к открытию мастерской.

Авторитет старшего в трехчастной триаде ученик – подмастерье – мастер был огромным. С первых дней ученикам прививалось чувство долга, почитания и уважения к мастеру, принадлежности к своему цеху и к изготавливаемой качественной продукции, соблюдению вековых традиций. Обычно говорили: «Карт сузин тутмаган картайгагы онгмас» – Непоступающий по словам стариков до старости не будет удачливым⁵⁰.

Цехи оказывали экономическую помощь государству, они были официально зарегистрированными организациями и платили налоги в казну. Тесные торговые взаимоотношения между ремесленниками – производителями товаров и продавцами особенно способствовали экономическому развитию и культурному обмену между населением края. Морские порты, специализированные ремесленные ряды, городские базары (торговым днем была пятница), постоянные дворы «таш-хан», а также различные ярмарки

⁴⁸ Пресс деревянный для обработки обуви. Фонды ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурного и археологического музей-заповедник», Бахчисарай. Отдел «История». Группа «Кожа–дерево–кость», КП 6671 / Инв. № КДК 247; Нож раскройный [сапожный инструмент]. Фонды ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурного и археологического музей-заповедник», Бахчисарай. Отдел «История». Группа «Металл», КП 6621 / Инв. № М 329; Шаблон картонный [для создания подошвы]. Фонды ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурного и археологического музей-заповедник», Бахчисарай. Отдел «История». Группа «Дерево», КП 6686 / Инв. № Д 262.

⁴⁹ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурасов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 30; Архив РАН. Ф. 688. Оп. 2. Д. 90. Л. 24–25.

⁵⁰ Там же. С. 33.

стали развитыми и оживленными центрами торговли в Крыму. Основными предметами реализации, связанными с изготовлением и использованием обуви, были местные и импортные товары: кожи, сафьян, овчина, растительные красители и глины, клей (сапожный животного и растительного происхождения), фурнитура и т.д.⁵¹.

Фото 2. Женские туфли «терлик» без задников и каблуков.
Сафьян, кожа. Длина пришивной подошвы – 25,5 см
Photo 2. Women's shoes "terlik" without backs and heels.
Fur, leather. The length of the sewing soles is 25.5 cm

Источник: Фонды ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», г. Бахчисарай.

Традиционная кожаная обувь – важный сегмент базарной и ярмарочной торговли. Поэтому торговцы обувью «кавафлар» обладали умением ее расхваливать, показать изделия, вести выгодный торг с покупателями. У них в городах были свои специальные торговые ряды «араста». После предварительной закупки сырья у кожевников торговцы заказывали пошив партий различной обуви своим мастерам-обувщикам в цехе, которые работали неподалеку от ряда (в Карасубазаре ремесленники трудились в самом таш-хане или сразу за кофейнями), обычно «у двери», то есть не скрывали работу от заказчиков и своих коллег, чтобы все желающие могли увидеть процесс изготовления обуви. Мастера создавали свои изделия и тут же про-

⁵¹ Гермоген. Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 62, 85.

давали своим «кавафлар» через посредников «деллалов» как готовую кожаную обувь, так и детали производства (подошвы, различные заготовки, выкройки, стельки и т.д.). Причем кожевники также продавали свой товар «кавафлар» через этих посредников⁵².

В результате большая часть ремесленников полностью зависела от «кавафлар», от объема именно их заказов на пошив определенного типа обуви и дальнейший сбыт товара через посредников. Степень удовлетворения основных потребностей ремесленников определялась уровнем дохода от своей деятельности. Высокие цены на сырье и неумение эффективно сбывать товар давали возможность скупщикам пользоваться этой ситуацией, ведь многие «деллал» были выходцами из бывших ремесленников, которые получили увечья или не смогли больше продолжать ремесленную деятельность, но были знакомы со спецификой этой деятельности. В связи с этим о бедности ремесленников – изготовителей продукции – свидетельствует также и крымско-татарская пословица: «Дульгерни капустанда мандалы болмас, териджини тону болмас, касапны евинде эти болмас» – На дверях плотника нет запора, у кожевника нет шубы, в доме мясника нет мяса⁵³.

По данным В.А. Гордлевского, богатые обувщики, напротив, могли покупать сырье сразу у кожевников, но продать напрямую торговцам или простым покупателям готовые изделия практически не могли. Для этого они также обращались к скупщикам «деллалам», которые сами предлагали приобрести торговцам в «арасте» уже сшитую обувь. Нарушение договоренности с заказчиком о сроке, цене, качестве товара считалось недопустимым. «Каваф» не разрешалось переходить на другие даже более выгодные торговые точки или места без предупреждения и крайней необходимости. За данное нарушение другие торговцы могли конфисковать его имущество и вернуть назад к предыдущему месту в своем торговом ряду⁵⁴.

Заметим, что наказания и штрафы использовались по отношению к нарушителям порядка и дисциплины, к невоспитанным и нечестным ремесленникам. Самым строгим и нежелательным наказанием за непослушание и лень для учеников было возвращение домой и прекращение дальнейшего обучения до улаживания конфликтной ситуации.

⁵² Гордлевский В.А. Государство сельджукидов Малой Азии... С. 131; Абдураманова С.Н. Ремесленные центры Крыма: от расцвета к упадку // Культура народов Причерноморья. 2011. Т. 1. № 199. С. 11.

⁵³ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. С. 49.

⁵⁴ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасу-базар... С. 64.

Большое внимание уделялось форменной одежде ремесленников. Помимо чистоты рабочего места необходимо было обращать внимание на внешний вид мастера или его учеников. Естественно, если они имели неопрятный вид, тогда пропадало желание пользоваться их услугами. Во многих профессиональных объединениях была принята определенная форма рабочей одежды, где тканевый фартук «пештамал» на завязках выступал как главный элемент, который сохранял чистоту основной верхней одежды ремесленника от рабочих загрязнений и был своеобразным знаковым элементом профессионального костюма.

Благодаря плотному материалу «пештамал» имел первоначальный вид долгое время, за ним тщательно ухаживали, его периодически очищали или стирали.

Фартук не вешали рядом с основной одеждой, обычно он размещался на видном месте возле инструментов, подвешенный на крючке или гвозде. В фартуке ходили только в мастерской, за ее пределами носить его было неприличным. Если «шекирд» или «кьалфа» видели на улице в рабочем наряде (повседневная одежда, покрытая длинным фартуком) и без обуви, тогда «уста-баши» в первый раз «бир кат йолсуз» штрафовал сапожную мастерскую (от 50 коп до 2 руб.) и закрывал ее на три дня. Вторичное такое нарушение влекло за собой штраф в двойном размере, к нему также добавлялось и телесное наказание «фалака», когда забывчивым и непослушным ремесленникам назначалось определенное количество ударов палками по пяткам в зависимости от степени нарушения⁵⁵.

Необходимо сказать, что к чистоте и соблюдению санитарных норм относились очень строго. Всю ответственность возлагали на хозяина лавки или мастерской. Если видели, что обувщик и его ученики имели неопрятный вид, а также находили в его помещении грязные тары с водой после шкур, инструменты и т.п., тогда устраивали своеобразный обряд посрамления мастера, связанного также с элементами одежды.

Во-первых, брали его поясную одежду, имеющую обрядовое значение, в данном случае именно шаровары «туман» как знак «целомудренной чистоты» шаровар халифа ан-Насира, символа принадлежности к братству ахи, на них выливали найденную грязную воду и вывешивали их на дереве перед входом в мастерскую для общего осуждения и назидания другим неряшливым ремесленникам. Увидев подобное, соседи и все прохожие при этом смеялись, приговаривая: «Смотрите, на дереве сыворотка». В таком

⁵⁵ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар: из поездки в Карасу-базар... С. 62.

случае еще говорили: «Су ер шейн темизлер – ма юз карасыны темизлей-мез» – Вода все моет, только бесчестие не может смыть.

Во-вторых, за невыполнение обязанностей и несоблюдение чистоты, норм и порядка, за некачественный товар и другие серьезные проступки мастера лишали звания и закрывали лавку. Этот процесс сопровождался особой церемонией: приходил посредник «чауш» и, исполняя распоряжение «уста-баши», публично снимал рабочий фартук «пештамал» с мастера-нарушителя, который когда-то ему торжественно повязывали на посвящении, и клал его на станок. При этом «чауш» говорил: «Кафтанын бичильди» («Твой кафтан сшит»), подразумевая, что этого нарушителя лишали почетного статуса, возвращали в подмастерья, и теперь ему снова запрещалось самостоятельно производить обувь, набирать новых учеников, иметь собственную мастерскую⁵⁶.

Значительные штрафы налагались за действия, которые расценивались как проступки против цеховой организации: «нанесение вреда цеху», неподчинение или грубость в отношении его должностных лиц, несоблюдение устава, непорядок на судебно-выборном собрании и неподчинение его решениям, грубость, подслушивание под дверями цехового собрания и сплетни. Поэтому о воспитанности как важной составляющей репутации ремесленника нам также говорят крымско-татарские пословицы: «Едебиеделсизден огрен» – Учись воспитанности у невоспитанного, то есть на его примере; «Ен хайрлы мирас едентир» – Самое лучшее наследство – воспитанность.

Цех наказывал за переманивание подмастерьев, за перекупку товаров или сырья у мастера из своего цеха; за кражу или порчу инструментов коллеги. Также за любую брань или потасовку между мастерами, оскорбления в адрес друг друга, жен и т. д., об этом красноречиво свидетельствует и крымско-татарская пословица: «Дилинги дишлеп айт» – Говори, прикусив язык⁵⁷. Денежные штрафы за подобные нарушения налагались после специального разбирательства (суда) на совете цеховых мастеров и поступали в общую казну цеха.

Выводы

Ремесленная культура, быт, отношение к труду и трудовая мораль не существуют сами по себе. Они всегда являются частью общих этических представлений, норм общественного поведения, прежде всего на повсед-

⁵⁶ Гордлевский В.А. Организация цехов у крымских татар... С. 63; Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар... С. 34.

⁵⁷ Боданинский А.А., Мартино Э.Л., Мурашов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар... С. 31, 32; Архив РАН. Ф. 688. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–2.

невном уровне, среди своего общества и социальной среды. Повседневные поведенческие нормы, которые господствовали в Крыму среди крымско-татарских ремесленников, были обязательными для каждого, кто не желал опуститься ниже своего социального круга. Их нарушение могло превратить человека в изгоя. Наиболее полное представление о правилах общественного поведения, этике, условиях быта и досуга городских ремесленников дают цеховые уставы, пословицы и поговорки, а также сведения ученых и краеведов, которые в своих трудах зафиксировали особенности ремесленной жизни Крыма конца XVIII – начала XX в. Наиболее содержательным из научных изысканий по данной проблеме выступает научное наследие известного востоковеда-тюрколога В.А. Гордлевского, дошедшее до нас не только в опубликованном, но и в рукописном виде. Разработки ученого позволяют создать комплексное представление о поведенческих принципах развитой ремесленной культуры в регионе.

© Непомнящий А.А., Грушецкая В.А., 2018

Рукопись поступила: 8 июня 2018 г.

Submitted: 8 June 2018

References

- Abduramanova, S.N. “Remeslennye centry Kryma: ot rascveta k upadku.” [The craft centres of the Crimea: from prosperity to decline] *Kul'tura narodov Prichernomor'ja* [Culture of the peoples of the Black Sea] 1, no. 199 (2011): 10–13 (in Russian).
- Achkinazi, I.V. “Pogrebalnyy obryad krymchakov.” [Funeral rites of Krymchaks] In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria], 193–198. Vol. 3. Simferopol: Tavriya Publ., 1993 (in Russian).
- “Znakovye elementy tradicionnoy odezhdy krymchakov XIX–XX vv.” [Symbolic elements of traditional clothing Krymchaks of the 19th – 20th centuries] *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria], 599–608. Vol. 9. Simferopol: Tavriya Publ., 2002 (in Russian).
- Arnakis, G.G. “Futuwwa Traditions in the Ottoman Empire: Akhis, Bektashi Dervishes, and Craftsmen.” *Journal of Near Eastern Studies*, no 12 (1953): 232–247. <https://doi.org/10.1086/371156>
- Baskakov, N.A. “Iz pisem A. E. Krymskogo k V.A. Gordlevskomu.” [From the letters of A.E. Krymsky to V. A. Gordlevsky] *Türkologiya* [Turkology], no 2/4 (2006): 3–18 (in Russian).
- Baziyanc, A.P. *Vladimir Aleksandrovich Gordlevskiy. Seriya: Russkie puteshestvenniki i vostokovedy*. Moscow: Nauka Publ, 1979 (in Russian).
- Bertel's, E.Je. “Vladimir Aleksandrovich Gordlevskiy.” *Akademiku Vladimiru Aleksandrovichu Gordlevskomu k ego semidesyatipyatiletiiyu: sb. st.* [To Academician Vlad-

- dimir Alexandrovich Gordlevsky to his seventy-fifth birthday: collection of articles]. Vol. 5. Moscow: AN SSSR Publ, 1953 (in Russian).
- Akademiku Vladimiru Aleksandrovichu Gordlevskomu k ego semidesyatipyatiletyu: sbornik statey* [To Academician Vladimir Alexandrovich Gordlevsky to his seventy-fifth birthday: collection of articles]. Moscow: AN SSSR Publ, 1953 (in Russian).
- Bibliografiya pechatnykh trudov chlena-korrespondenta AN SSSR professor V.A. Gordlevskogo: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya* [Bibliography of published works of corresponding member of the USSR Academy of Sciences professor V. A. Gordlevsky: to the 70th anniversary of his birth]. Moscow: Moskovskiy institut vostokovedeniya Publ., 1946 (in Russian).
- Bodaninskiy, A.A., Martino E.L., and Murasov O. “Posloviцы, pogovorki i primety krymskikh tatar.” [Proverbs, sayings and signs of the Crimean Tatars] In *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii* [Proceedings of the Taurida Academic Archive Commission], no. 52 (1915): 1–67 (in Russian).
- Chatskaya, O. “Chansons tatares de Crimée, recueillies et traduites.” *Journal Asiatique recueil de mémoires et de notices relatifs aux études orientales publié la Société Asiatique* 208, no. 2 (1928): 341–369 (in French).
- Dmitrijev, N.K. “Einige krim-tatarische Lieder.” In *Wiener zeitschrift für die kunde des morgenlandes*, 125–137. Bd. 40. Wien, 1933 (in German).
- Dudorov, P. *Krym i krymskie tatarы: ocherk* [Crimea and the Crimean Tatars: feature article]. Moscow: M.V. Klyukin Publ. 1911 (in Russian).
- Dombrovskiy, F. “Istoriko-statisticheskoy ocherk g. Bahchisaraya.” [Historical and statistical feature article of Bakhchisarai] In *Novorossiyskiy kalendar na 1849 god* [Novorossiysk calendar for 1849], 380–396. Odessa, 1848 (in Russian).
- “Revan, krymsko-tatarskiy obyчай.” [Revan, the Crimean Tatar custom] *Tavricheskies gubernskie vedomosti* [Taurian provincial news]. July 28, 1862 (in Russian).
- Geissler, J.G.G. *Abbildung und Beschreibung der Voelkerstämme und Voelker unter des Russischen Kaisers Alexander* [Illustration and description of voelker Tribes and Voelker under the Russian Emperor Alexander]. Leipzig: Industrie-Comptoir Publ., 1803 (in German).
- Germogen. *Tavricheskaya eparhiya* [Taurian Diocese]. Pskov: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya Press, 1887 (in Russian).
- Gordlevskiy, V.A. “Dervishi Ahi Jevrana i cehi v Turtsii.” [Dervishes of Ahi Evran and guilds in Turkey] *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR] 21, no 7 (1927): 1171–1194 (in Russian).
- “Gosudarstvo seldzhukidov Maloy Azii.” [State of the Seljukides of Asia Minor] *Izbrannyye sochineniya. Istoricheskie raboty* [Selected works. Historical works]. Vol. 1, 31–218. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury Publ., 1960 (in Russian).
- “Iz zhizni cehov v Turcii: k istorii «ahi».” [From the life of guilds in Turkey. To the history of “ahi”] *Zapiski Kollegii Vostokovedov pri Aziatskom Muzeje Akademii Nauk SSSR* [Notes of the Collegium of Orientalists at the Asian Museum of the Academy of Sciences of the USSR] 2, no. 2 (1927): 235–248 (in Russian).
- “Organizaciya cehov u krymskikh tatar: Iz poezdki v Karasubazar.” [Organization of guilds at the Crimean Tatars: From a trip to Karasubazar] *Trudy Jetnografo-Arheologicheskogo muzeja Jetnologicheskogo fakul'teta Pervogo Moskovskogo gos-*

- darstvennogo universiteta* [Works of the Ethnographic-Archaeological Museum of the Ethnological Faculty of the First Moscow State University], 58–65. Vol. 4. Moscow, 1928 (in Russian).
- “Review.” *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical review]. Vol. 1/2 (1914): 244 (in Russian).
- “Recenziya na knigu.” [Book review] *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii* [Proceedings of the Taurida Academic Archive Commission] 50 (1913): страница? (in Russian).
- Guthrie, M. *Through Russia: From St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea*. Vol. 2. London: Hurst and Blackett Publ, 1874.
- Kachioni, S.A. *V debryah Kryma* [In the wilds of the Crimea]. Petrograd: Novoe vremya Publ., 1917 (in Russian).
- Kokizov, Yu.D. *Karaimy. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Karaites. Brief historical feature article]. St. Petersburg: [S.n.], 1898 (in Russian).
- Kuftin, B.A. “Juzhnoberezhnye tatory Kryma.” [South Coast Tatars of Crimea] *Crimea* 1 (1925): 22–31 (in Russian).
- Menzel, T. “Russische Arbeiten über turkische litteratur und Folkloristik: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki.” [Russische Work on Turkish literature, and folklore: Gordlewski, Zavarin, Olesnjicki] *Der Islam* 4 (1913): 123–136 (in German).
- “Über die Werke des russischen Turkologen Samojlovič.” [About the works of Russian Turkologist Samoylovich] *Archiv orientální* 1, no. 2 (1929): 209–234 (in German).
- “Über die Werke des russischen arabisten Kračkovskij.” [The works of the Russian Arabist Krakovskiy] *Archiv orientální* 2, no. 1 (1930): 54–86 (in German).
- Nepomnyashchy, A.A. *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–1945)* [History and ethnography of the peoples of the Crimea: bibliography and archives (1921–1945)]. Vol. 25. Simferopol: Antikva Publ., 2015 (in Russian).
- Pallas, P.S. *Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisaniye Tavricheskoy oblasti* [Brief physical and topographic description of the Taurian region]. St. Petersburg: [S.n.], 1795 (in Russian).
- Rakickiy, N.P. *Materialy po ekonomike Kryma: eksportnye vozmozhnosti kraya* [Materials on the economy of the Crimea: the export opportunities of the region]. Moscow: [S.n.], 1926 (in Russian).
- Yildirim, O. “Ottoman Guilds in the Early Modern Era.” *International Review of Social History*, no. 53 (2008): 76–77. <https://doi.org/10.1017/S0020859008003611>.
- Yildirim, R. “Shī‘itisation of the Futuwwa Tradition in the Fifteenth Century.” *British Journal of Middle Eastern Studies* 40, no. 1 (2013): 53–70. <https://doi.org/10.1080/13530194.2012.734958>.

Archives

- Arhiv Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences (thereafter – RAN)], f. 688, op. 1, d. 90.
- Arhiv RAN, f. 688, op. 2, d. 1.
- Arhiv RAN, f. 688, op. 2, d. 46.
- Arhiv RAN, f. 688, op. 4, d. 257.

Institut rukopisi Nacional'noy biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo NAN Ukrainy [Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine of V. I. Vernadsky National Academy of Sciences of Ukraine], f. 1, op. 1, d. 25531.

Bahchisarayskiy istoriko-kulturnogo i arheologicheskoy muzey-zapovednik», Bakhchisarai [Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve], f. GBU RK, otdel «Istoriya», gruppya «Metall», KP 6621, № M 329; gruppya «Kozha–derevo–kost'», KP 6671. Inv. № KDK 247; Gruppya «Derevo», KP 6686. Inv. № D 262.

Craft culture of guild crimean tatar master of manufacturing traditional leather shoes (on the manuscripts and published materials of V.A. Gordlevsky)

Andrey A. Nepomnyashchy^a, Viktoriya A. Grushetskaya^a

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University

4, Vernadskogo Prospekt, Simferopol, Republic of Crimea, 295007

dr.aan@mail.ru, victorianage89@gmail.com

Abstract: The authors consider the scientific works of the famous turkologist V.A. Gordlevsky (1876–1956), which are largely preserved in handwritten form, in particular, in the Archive of the Russian Academy of Sciences, and other archives. On the basis of the scientist's work, there is carried out the comparative analysis of the guild organization of artisans in the Crimea and in Asia Minor, with the study of craftsmanship of the Crimean Tatar masters, who produced casual leather shoes on the territory of the Crimean peninsula in the late 18th – early 20th centuries. There is emphasized the leading role of the scientist in studying this problem. The authors point out the features of his life and scientific activity, which affected the formation of his fundamental and profound knowledge of this issue. There are formulated the conclusions reflecting the main aspects of the craft culture in the Crimea. The brotherhood of Akhi appeared and functioned in the Crimea as a voluntary union of the local professional and religious associations of guild craftsmen from the 13th century. In the opinion of V.A. Gordlevsky, these professional organisations played the leading religious, political and economic role in the region thanks to a “futuwwa”, the statute of the craft unions, which in Crimea were called “selef-name” and included ethical and moral codes, such as generosity, honesty and modesty. In the Crimea, there also was a hierarchy of guild craftsmen; it included three main levels of the craftsmen (the student “shekird”, apprentice “kalfa”, master “usta”) as well as administration headed by the supreme spiritual mentor of the guild “nakib” and the main masters “usta-bashi”.

Keywords: V. A. Gordlevsky, Crimea, leather footwear, Crimean Tatars, craft culture, guild organisation

For citation: Nepomnyashchy, Andrey A., Grushetskaya, Viktoriya A. “Craft culture of guild Crimean tatar master of manufacturing traditional leather shoes (on the manuscripts and published materials of V.A. Gordlevsky).” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 581–607. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-581-607

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638

Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв.

С.Н. Брежнева

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10
brezhneva_s_n@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается переселенческая политика Российской империи в Туркестанском крае в контексте аккультурации. Ее идея была заключена в самом принципе имперской политики России, которая рассматривала Туркестан как свою национальную окраину и считала русификацию делом недалекого будущего. Отмечается, что переселение русских крестьян в Туркестан регулировалось общепринятыми по России законодательными нормами, но имело свои местные особенности. Свообразие русской колонизации заключалось в том, что, во-первых, в крае проживало иноязычное население с другим менталитетом и другой религией; а, во-вторых, Туркестан в большинстве территорий был завоеван силой оружия, и это обстоятельство не добавляло доверия местного населения к российской власти. Тем не менее, по мнению автора, основания для аккультурации были в начале переселенческого процесса, когда между русскими поселенцами и местными жителями стали устанавливаться хозяйственные взаимоотношения. Анализ дальнейшей переселенческой политики Российской империи приводит к выводу, что препятствием для дальнейшей аккультурации были как объективные, так и субъективные причины. К объективным причинам следует отнести разную конфессиональную направленность, отличительные черты в менталитете, отдаленность территории от России. Субъективные причины заключались в неверном решении царской власти об изоляции русскоязычного населения от коренных жителей, изымании «излишек» земель у местного населения, перегибах в работе Переселенческого управления, члены которого часто злоупотребляли своим служебным положением. Отрицательную роль сыграла также приверженность российской власти, туркестанской администрации и даже русских поселенцев «цивилизаторской миссии России», в соответствии с которой ставилась задача приобщения «диких» народов к европейской цивилизации, что служило аргументацией для объяснения необходимости нести «блага» «непросвещенным народам». Сделан вывод о несовершенстве переселенческой политики российской администрации, заключавшейся в отсутствии правовой базы и четкого плана переселения.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанский край, переселенческая политика, аккультурация, Переселенческое управление, ревизии, злоупотребления

Для цитирования: Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 608–638. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638

Введение

В современный период в связи с расширением массовых миграционных потоков возрастает интерес к аккультурации, ее различным проявлениям. По мере освоения колонизационных пространств крупные империи использовали аккультурацию как механизм взаимодействия с местными жителями. Не являлась исключением и Российская империя, колониальные потоки которой были направлены на территории с населением, коренным образом отличающимся от русских. В полной мере это касается Туркестана, где проживало мусульманское население. Умудренная опытом общения с мусульманским населением на Кавказе и в Поволжье Россия предпочитала действовать осторожно. Поэтому переселенческая политика Российской империи на территории Туркестана предусматривала осторожную неформализованную колонизацию. Актуальность проблемы возрастает в связи с отсутствием специального исследования, которое бы освещало аккультурацию как необходимую составляющую переселенческой политики.

Первые попытки описать быт переселенцев в Туркестанском крае и их взаимоотношения с коренным населением были предприняты в конце XIX – начале XX в. Первыми авторами были имперские чиновники, инспектирующие край. В публикациях обсуждалась проблема заселения региона, положительные и отрицательные моменты, связанные с этим процессом, устройство русских поселков, нанесение ущерба местному населению. Авторы подчеркивали изначальное неравенство коренных жителей и русских переселенцев, которые ощущали поддержку власти, а также уделяли значительное внимание землепользованию, проблемам раздела земельных наделов между туземцами и русскими поселенцами¹.

В начальный период советской историографии давалась крайне негативная оценка переселенческой политике России в Туркестане, который рассматривался исключительно как колония². Общим в этих ра-

¹ Гейер И.И. Крестьянская колонизация в Сырдарьинской области. Ташкент, 1892; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Воишин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914; и др.

² Жемчужников Н.Н. Движение на Восток. М., 1927; Галузо П.Г. Туркестан-колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). М., 1930;

ботах является констатация факта об ограблении коренного населения русской властью.

В период 1950–70-х гг., когда возобладала концепция «исторической обусловленности» и «прогрессивных последствий» присоединения Туркестана к России, о переселенческой политике историки писали крайне мало. Можно лишь назвать монографию Л.А. Перепелициной «Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии», написанную с традиционных для того времени позиций и опосредованно затрагивающей тему переселения³.

Публикации обобщающего характера о переселенческой политике в Туркестане появились в позднесоветский период. Работы А.П. Фомченко и А.И. Гинзбург посвящены процессу колонизации и освоения Туркестанского края русскими переселенцами в конце XIX – начале XX в. и устройства переселенческих поселков⁴.

С начала XXI в. интерес российских историков к проблемам русской колонизации осваиваемых территорий получил новый импульс в связи с возрождением «имперской идеи». В этом смысле показательна монография О.И. Брусиной «Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы: конец XIX – конец XX века»⁵, в которой прослежена судьба переселенцев в период с конца XIX до конца XX в., исследован процесс приспособления русских переселенцев к климатическим и хозяйственным условиям Туркестана, а также их взаимоотношения с коренным населением края.

В настоящее время наблюдается всплеск интереса историков к имперской проблематике, ее смысловому значению, институциональному оформлению, формам проявления на российском геополитическом пространстве. В связи с этим появились работы, в которых затрагиваются различные аспекты российской переселенческой политики в Туркестанском крае⁶.

Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930; *Шарова П.* Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 3–36.

³ *Перепелицина Л.А.* Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960.

⁴ *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983; *Гинзбург А.И.* Русское население в Туркестане. М., 1991.

⁵ *Брусиная О.И.* Славяне в Средней Азии: Этнические и социальные процессы: конец XIX – конец XX века. М., 2001.

⁶ *Лурье С.* Особенности русской колонизации в Средней Азии // Центральная Азия. 1997. № 2 (8). С. 20–24; *Котюкова Т.В.* Проблемы российской переселенческой политики в Туркестане в начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 58–64; № 3. С. 54–57; *Цыряпкина Ю.Н.* Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX – конце XX вв. // Диаспоры. 2012. № 1. С. 6–29; *Ее же.* Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультур-

В центрально-азиатских республиках после распада СССР наблюдались тенденции переосмысления прошлого с позиций неприятия мероприятий Российской империи. Переселенческая политика рассматривалась, как правило, с позиций «колониальной сущности царизма», демонстрировался губительный характер политики «русификации»⁷. Сейчас центральноазиатские историки, также как и российские, стремятся к более взвешенной и объективной характеристике переселенческой политики Российской империи, свидетельством чему являются появившиеся недавно работы⁸.

В исторической науке «дальнего зарубежья» накоплен богатый опыт системного анализа процессов, связанных с освоением Россией территории Туркестанского края.

Современные западные историки уделяют основное внимание идеологическим, правовым и политическим компонентам русского правления в Туркестане. Характеризуя в целом их взгляды, следует отметить утверждение о том, что правление Российской империи носило более гуманный характер, чем это было при Советской власти⁹; указание на наличие жесткого контроля российского правления в Туркестане¹⁰; заявление о том, что колониальный характер русского управления национальными окраинами нашел наибольшее воплощение именно в Туркестане¹¹.

ные характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 183–187; Брежнева С.Н. Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 37. Вып. № 1 (222). С. 112–118; Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 347–364.

⁷ Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Ташкент, 1999; Исхаков Ф.Б. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). Ташкент, 1997.

⁸ Бартенева И.В. Переселенческая политика Российской империи в Туркестане во второй половине XIX века // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2008. Т. 8. № 7. С. 64–69; Махмудова Н.Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134–150; Он же. Состояние пенитенциарной системы Туркестанского края в начале XX в. (по материалам отчета сенаторской ревизии графа К.К. Палена // Метаморфозы истории. 2016. № 8. С. 201–210.

⁹ Mokrisson A. S. Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. N.Y., 2011.

¹⁰ Muriel J. Diamond in the rough: The state, entrepreneurs and Turkestan's hidden resources in late imperial Russia // Extending the borders of Russian history. Budapest, 2003. P. 183–196.

¹¹ Виллард Сандерленд. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter papas:

Проблемы переселенческой политики нашли отражение в работе израильского историка А. Кагановича. Он отметил опасения туркестанской администрации, что несанкционированное переселение в край русских поселенцев при отсутствии свободных орошаемых земель может привести к волнениям и беспорядкам¹².

Проблема аккультурации в настоящее время является довольно востребованной в научном сообществе, так как она представляет собой отражение междисциплинарного подхода в исследованиях. Несмотря на существование разнообразных определений этого термина, число работ, освещающих данную проблему, возрастает. Успешно в этом направлении работают российские историки С. В. Любичанковский, С.В. Джунджузов, Е.В. Годовова, А.А. Гафаров¹³. Наиболее близкой к теме настоящей статьи является работа Д.В. Васильева «Общественное управление коренного населения Туркестанской области в контексте аккультурации (1864–1866)»¹⁴. В работе автор приходит к выводу, что административная аккультурация в сфере первичного управления была минимальной, что проявилось в сохранении ряда должностей, привычных для местных жителей.

Таким образом, краткий историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что идея аккультурации как необходимая составляющая переселенческой политики России в Туркестане в исторической литературе еще не рассматривалась. Настоящая статья является первой попыткой освещения этой проблемы.

Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). Сб. ст. / Под ред. Мартина Ауста, Рикарда Вульпиус, Алексея Миллера. М., 2010. С. 104–149.

¹² Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана. URL: <http://kungrad.com/history/st/colon/> (Дата обращения: 26.04.2018).

¹³ Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2017. № 50. С. 31–37; Джунджузов С.В. Переход в ислам оренбургских казаков-нагайбаков как кризисное явление в имперской политике религиозной аккультурации // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). 2018. № 1 (25). С. 81–89; Годовова Е.В. Страницы повседневной жизни народов Оренбургского края в начале XIX века в контексте имперской политики аккультурации // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург, 2018. С. 322–324; Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 17. С. 296–302.

¹⁴ Васильев Д.В. Общественное управление коренного населения Туркестанской области в контексте аккультурации (1854–1866) // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край, как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург, 2018. С. 116–118.

Цель исследования – выявить, нашла ли идея аккультурации свое воплощение в переселенческой политике Российской империи, насколько возможно было ее проведение в условиях Туркестана и в чем заключались плюсы и минусы российской политики.

Начало переселенческого движения в Туркестанский край

Российская империя рассматривала Туркестанский край как свою национальную окраину, следовательно, одним из направлений переселенческой политики должна была стать аккультурация, возможно, в дальнейшем переросшая в ассимиляцию. В этой связи речь шла о распространении русского языка и через него – элементов образования и культуры среди коренного населения в целях усиления контроля царских властей над Туркестанским краем.

Этому должна была способствовать переселенческая политика России.

Конечно, в Российской империи прекрасно понимали невозможность полного слияния народов Туркестана с русскими переселенцами в силу существования разноконфессиональных традиций. К тому же Туркестан в большинстве территорий был завоеван Россией силой оружия. Поэтому русская администрация здесь должна была действовать осторожно, чтобы не вызвать нежелательного социального взрыва.

Определенного плана заселения Туркестана русскими у имперской администрации не было. Она действовала скорее рефлекторно. Тем не менее, процесс колонизации Туркестана начался почти одновременно с присоединением. Решение вопросов переселения изначально было передано в ведение Военного министерства, т.к. Туркестанский край находился в его подчинении.

В 1867 г. был введен в действие проект «Временного положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями». Вскоре после этого русские крестьяне-колонисты самовольно начали переселяться в одну из двух областей в составе Туркестанского края – Семиреченскую. Распространенным явлением стала аренда земли переселенцами у местных казаков, проживавших рядом с укреплением Верное. Это заставило в 1869 г. военного губернатора области Г.А. Колпаковского разработать «Временные правила о крестьянских поселениях в Семиречье». Губернатор считал, что они будут способствовать переходу кочевников к оседлости и сближению их с русскими переселенцами¹⁵.

Учесть интересы коренного населения и русских переселенцев на территории своего генерал-губернаторства стремился и первый генерал-

¹⁵ *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. С. 36.

губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман. С этой целью в 1873 г. им был подписан генеральный план крестьянской колонизации, в соответствии с которым европейцам, в том числе русским переселенцам, запрещалось покупать земли у местного населения. В свою очередь, поселения последних предполагалось располагать вдоль рек и почтовых трактов, начиная от Оренбурга и до Ташкента; на каждого работника при этом полагалось не более десяти десятин земли и единовременное пособие не более 100 рублей каждому¹⁶.

Заселение Семиречья переселенцами больше устраивало русскую администрацию, т.к. в Сырдарьинской области, где господствовало сплошное поливное земледелие, было мало свободных земель из-за того, что основную массу населения здесь составляли оседлые мусульмане-земледельцы. А в Семиреченской области проживали в основном кочевники, поэтому здесь достаточно было плодородных земель.

Первые оседлые поселения русских в Семиречье были основаны казаками Сибирского войска. В период с 1847 по 1867 гг. ими было создано 14 казачьих станиц и выселков с населением около 15000 человек¹⁷. Начиная с 1872 г., в этом регионе процессы колонизации происходили достаточно быстрыми темпами, опережавшими плановые показатели. В результате к 1882 г. в Семиреченской области насчитывалось уже 29 селений, в которых проживали 25 тыс. человек¹⁸.

В 1874 г. в Сырдарьинской области, неподалеку от города Аулиеата было создано первое русское поселение – Михайловское. О том, как быстро здесь увеличивалось число русских поселков, можно судить по Всеподданнейшему отчету о состоянии Туркестанского генерал-губернаторства за 1889–1895 гг. барона А.Б. Вревского (туркестанский генерал-губернатор с 1889 по 1898 г.). Согласно сведениям, представленным в отчете, с 1874 по 1880 гг. в области было создано «три поселения – Михайловское, Чалдоварское и Дмитриевское, в которых числилось 197 душ крестьян обоего пола. К 1886 г. в Аулиеатинском, Чимкентском и Ташкентском уездах было уже 8 поселков с населением в 1 253 души обоего пола»¹⁹.

На основе «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. русская администрация изъяла большое количество земель, принадлежав-

¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 17.

¹⁷ *Бартенева И.В.* Переселенческая политика Российской империи в Туркестане во второй половине XIX века // *Вестник КРСУ*. 2008. Т. 8. № 7. С. 65.

¹⁸ *Хидоятов Г.А.* Моя родная история. Ташкент, 1990. С. 287.

¹⁹ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 5–5 об.

ших кочевому населению, и создала земельный фонд для раздачи русским поселенцам.

Кроме существовавших уже в Сырдарьинской области, было образовано еще четыре поселения в Ходженском уезде Самаркандской области (Сретенское, Романовское, Надеждинское и Запорожское) и два поселения в Ошском уезде Ферганской области (Покровское и другое на р. Куршаб, лишь подготовленное для крестьян и не заселявшееся переселенцами). Переселенцев, устроившихся в этих селениях «было 467 семей численностью 2185 душ обоего пола»²⁰. Начиная с 1893 г. появилась правовая основа для переселения в степные районы крестьян, которые получали денежные пособия²¹, медицинские услуги, продовольственную²² и даже ветеринарную помощь²³.

О возрастании числа переселенцев в Сырдарьинской области свидетельствует следующая таблица, приведенная в том же отчете барона А.Б. Вревского:

Таблица 1. Численность русских переселенцев в Сырдарьинской области с 1886 г. по 1895 г.

Table 1. The number of Russian immigrants in the Syrdarya region from 1886 to 1895

Численность к 1 января	Крестьянские селения	В них душ обоего пола
1886 г.	8	1253
1887 г.	10	3427
1888 г.	13	4996
1889 г.	16	6058
1890 г.	18	6645
1891 г.	20	7702
1892 г.	29	8879
1893 г.	42	13695
1894 г.	43	14781
1895 г.	45	15330

Источник: РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 5 об.

²⁰ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 7 об.

²¹ Там же. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 398. Л. 2.

²² Там же. Ф. 391. Оп. 5. Д. 145. Л. 1–4 об.

²³ Там же. Д. 191. Л. 7–8.

Как видно из таблицы, резкое увеличение числа переселенцев наблюдается в 1891 и 1892 гг., что связано с неурожаем и голодом в центральных губерниях Российской империи. Масса крестьян двинулась искать новые места, и волна переселенцев хлынула в Туркестан. Поскольку возвращать обратно самовольных переселенцев было невозможно, то правительство стало узаконивать возникшие без разрешения поселения, причисляя жителей к фактическим местам их водворения. Местной администрации пришлось принимать усиленные меры помощи переселенцам. «Самовольцы» стали пользоваться теми же льготами, которые были предусмотрены для тех, кого переселили в край с разрешения властей. Это привело к еще большему числу переселенцев. В упомянутые годы было построено 22 поселка и образованы переселенческие комитеты для оказания помощи нуждающимся. За 1892 г. через военное министерство переселенцам было выдано пособий на сумму 41000 руб.²⁴

В начале 1896 г. туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский инициировал запрет на переселение русских в Туркестан, мотивировав это тем, что администрация истощила на отвод под новые поселки весь запас тех земель, которыми располагала. Не дожидаясь правительственного решения, он издал циркуляр о приостановке в край переселенческих партий по всем линиям переселенческого движения – через Оренбург, западносибирские города, через Кавказ, а также через Закаспийскую железную дорогу, т.е. практически по всем направлениям.

После обсуждения вопроса, поставленного А.Б. Вревским во Всеподданнейшем докладе «О значении широкого водворения русских переселенцев и крестьян для обрусения края», за временный запрет переселения в край русских крестьян выступили министр финансов С.Ю. Витте, военный министр П.С. Ванновский, министр юстиции Н.В. Муравьев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин. П.С. Ванновский дал ряд указаний начальникам Тамбовской, Самарской и Пензенской губерний, предоставивших наибольшее число переселенцев, о принятии мер к прекращению самовольного переселения в Туркестанский край.

С.Ю. Витте в своем обращении к Управляющему делами комитета министров писал, что развитие русской колонизации в Туркестане возможно лишь при условии отвода значительных участков свободных казенных земель для образования из русских переселенцев отдаленных от туземных поселений самостоятельных не только в административном, но и в хозяйственном отношении. Он заявлял: «Такая постановка русской колонизации вызывается тем соображением, что водворение русских поселенцев малочисленными группами среди туземных общин не только не достигнет общегосударственной цели,

²⁴ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 6.

но и приведет к противоположным результатам»²⁵. Витте считал ассимиляцию преждевременной, предлагая сосредоточиться на создании прочного ядра русского населения, которое явилось бы опорой власти.

Между тем во Всеподданнейшем отчете А.Б. Вревского приводятся факты, свидетельствовавшие о начавшейся аккультурации в местах расселения русских переселенцев. Уже через два года после создания первых поселений чиновник, инспектировавший эти места, докладывал генерал-губернатору о благоприятном состоянии зарождающегося хозяйства: «Достойны вполне особенного внимания выдающиеся черты культурные, в экономико-хозяйственном смысле, влияния, какое новоселы оказывают на первых порах на окрестных киргизов и даже туземцев оседлых»²⁶. Русские поселенцы использовали более совершенные орудия труда: обрабатывали землю плугами взамен первобытного «омача» (старинное деревянное пахотное орудие в Средней Азии), пользовались косами для уборки сена, возделывали лучшие сорта полевых растений, таких как пшеница-кубанка, гималайский ячмень, овес, лен, конопля, засаживали огороды овощами, разводили фруктовые сады и крупный рогатый скот. Таким образом, они представляли наглядный пример для сравнения выгоды применяемых ими новых для края приемов земледельческого, скотоводческого и промыслового хозяйства. Это оказало влияние на местное население, которое стало перенимать и новые для него формы ведения хозяйства, и пользоваться более совершенными орудиями труда. Причем касалось это не только оседлого населения – сартов, но и кочевников-казахов. Таким образом, как заключает Вревский, «отрадные плоды такого влияния русской колонизации уже замечаются явственно»²⁷.

В отчете зафиксированы случаи обращения окрестных киргизов (казахов) к русским крестьянам для очистки хлеба путем вяления для заимствования упряжек с плугом и волами. Аулиеатинские дунгане, занимавшиеся извозом, все использовали русские повозки вместо неуклюжих арб. Среди казахов-кожевников, проживавших вблизи русских селений, распространяется улучшенный способ дубления кож, применяемый русскими. А у оседлых сартов распространяются прививки хороших сортов плодовых деревьев.

В архивных документах достаточно красноречивых свидетельств того, как быстро русские переселенцы адаптировались к культуре коренных жителей, местным условиям ведения полевого хозяйства²⁸. Во многом

²⁵ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 13 об.

²⁶ Там же. Л. 8 об.

²⁷ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 8 об. – 9.

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 293. Л. 5.

их освоению помогали местные жители. Русским переселенцам предстояло приспособиться не только к необычному жаркому климату, но и к новым методам ведения сельского хозяйства, особенно к совершенно неизвестному им поливному земледелию. Переселенцам, которые имели слабое представление об ирригационных сооружениях, пришлось учиться у местных жителей. Однако вскоре они настолько освоились, что сами стали строить такие сооружения. Это тоже отмечает Вревский в своем отчете: «...В таком новом для русских крестьян деле, как орошение и правильное распределение воды, они опередили своих учителей настолько, что в некоторых селениях, пользующихся водой совместно с туземцами “мирабами”, т.е. развозчиками воды, по общему согласию участников в пользовании последними, избраны и поставлены русские новоселы»²⁹. Об этом же писал позже и А.А. Кауфман в своей работе «Переселение и колонизация»³⁰.

Таким образом, уже в первые годы русского переселения между поселенцами и местными жителями устанавливались выгодные обеим сторонам хозяйственные и торговые отношения. Русские крестьяне обучали местных кочевников-скотоводов сенокошению и заготовке сена на зиму, что позволяло сохранить поголовье скота во время зимней бескормицы и способствовало сокращению длины перекочевков. В свою очередь, коренные жители помогали русским переселенцам адаптироваться к непривычным для них климатическим условиям и особенностям местного земледелия.

Однако общая картина была не такой уж радужной. В таких густонаселенных областях, как, например, Сырдарьинская, прибывшие переселенцы еще более усугубили положение. Это вызывало недовольство местного населения и позволяло религиозным фанатикам распространять призывы к газавату. К тому же часто русская администрация рассматривала поселки переселенцев в качестве военных гарнизонов, буквально понимая слова о создании «нашего оплота». Часто среди крестьян селились и отставные солдаты. В 1892 г. военный губернатор Сырдарьинской области Н.И. Гродеков издал циркуляр о вооружении переселенцев, однако в начале XX в. их всех разоружили³¹.

Правила не предусматривали расселения местных жителей в русских поселках, равно, как и наоборот. Власть таким образом стремилась оградить переселенцев от контактов с коренным населением, чтобы не было за-

²⁹ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 9.

³⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 335.

³¹ Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент, 1926. С. 13.

висимости русских крестьян от местных жителей, которые не всегда были настроены благожелательно. Тем не менее, эти правила часто нарушались.

С.Ю. Витте, поддержавший генерал-губернатора А.Б. Вревского в вопросе закрытия Туркестана для переселенцев, был далек от идиллического восприятия политики аккультурации. В своем обращении к Управляющему делами Комитета министров он писал о том, что существующая в Туркестане система водопользования вырабатывалась веками, она имеет не только экономический, но и религиозный характер. Русские мало знают о ней. В связи с этим высказывалось опасение, что при отсутствии руководящего начала для регулирования отношений между местным населением и русскими переселенцами их хозяйственные связи могут привести к негативным последствиям. Поэтому дальнейшая колонизация требовала достаточного количества свободных земель для русских переселенцев, а также устройства на них новых оросительных систем. Все ирригационное дело Витте предлагал сосредоточить в руках специального учреждения – Управления государственными имуществами в крае³².

Деятельность Переселенческого управления в Туркестанском крае

В 1895 г. новый российский император Николай II высказался за поощрение колонизации в Сибирь. Это послужило толчком к решению правительства о продолжении переселенческой политики в Туркестанский край вопреки доводам руководства генерал-губернаторства.

В конце 1896 г. в составе Министерства внутренних дел было образовано Переселенческое управление. Его организации предшествовало длительное обсуждение в правительстве доклада министра внутренних дел Д.А. Толстого, в котором был предложен проект образования Временного Переселенческого управления и представлен его штат, который состоял из помощника, двух делопроизводителей, трех помощников делопроизводителей и секретаря³³. Судя по количеству пометок на полях проекта, сделанных представителями каждого министерства, можно судить о том, какое большое значение придавалось данному ведомству и как серьезно обсуждалась его организация. В начале декабря 1896 г. проект был представлен «Государю Императору и 2 декабря он изволил его утвердить»³⁴. Предложенный штат был оставлен без изменений.

³² РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 14–14 об.

³³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 130. Л. 50.

³⁴ Там же. Л. 99.

Переселенческое управление, которое 6 марта 1905 г. было передано Главному управлению землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) для заведования переселенческим делом, должно было стать «государственной помощью», решавшей задачи организации государственных миграций. Управление выдавало разрешения на переселение, принимало меры к упорядочению переселенческого движения, занималось расселением переселенцев на местах, заведовало всеми кредитами по Министерству внутренних дел на переселенческое дело, разрабатывало новые меры законодательного и административного характера, возложенные на него министром внутренних дел.

Поскольку Переселенческое управление решало политические и экономические задачи, оно рассматривалось как учреждение общегосударственного значения. Начальником его был назначен В.И. Гиппиус (1896–1902).

На деле Переселенческому управлению далеко не всегда удавалось добиться четкой организации переселения. Крестьяне предпочитали переселяться самовольно, в том числе и в Туркестан, хотя политика, направленная на ограничение потока переселенцев, сохранялась.

Последствия мирового экономического кризиса 1900–1903 гг. сказались и на состоянии русской деревни, откуда крестьяне переселялись на земли Туркестанского края. В результате уже в 1902 г. здесь оказалось наибольшее количество переселенцев, значительная часть из которых (2228 семей или 11687 человек) поселилась в Семиреченской области³⁵.

Переселенцев влекло в Туркестан не только наличие свободных земель, но также и обещанное правительством освобождение от воинской повинности. Эти льготы порождали движение в Туркестан представителей маргинальных бродяжнических элементов. Так, например, во время ревизии К.К. Палена ему сообщили о том, что по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора Голодная степь заселялась в основном выходцами из Центральной России, представлявшими бродяжий, а не земледельческий элемент. Им было выделено по 10 десятин земли, «сдаваемых ими по приходу в явный ущерб для государственных интересов»³⁶.

10 июня 1903 г. были разработаны правила о добровольном переселении русских крестьян³⁷. 6 июня 1904 г. был принят новый переселенческий закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев», согласно которому свободное переселение крестьян в азиатскую Россию разрешалось. Это означало переход к новому курсу на поощрение переселенческой политики, на чем настаивал и лично российский

³⁵ Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 369.

³⁶ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 294. Л. 25.

³⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 22.

император, потребовавший от военного губернатора Семиреченской области М.Е. Ионова «настойчиво двигать колонизацию этого края»³⁸. Однако при этом Туркестанский край формально оставался закрытым для переселения, хотя люди продолжали прибывать и селиться на землях мусульман. И местная администрация не могла этому противостоять. «Русские селения стеснили земли кочевников, – писал последний генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин, будучи еще начальником Закаспийской области в 1894 г. – и это привело в Туркестане к новому поземельному затруднению»³⁹. В результате было приостановлено переселение в Туркестанский край. Те же, кто успели переселиться на свободные земли, в силу сложившихся обстоятельств перестали заниматься сельским хозяйством и переключились на строительство каналов и железных дорог, а земли сдавались при этом в аренду местному населению.

Увеличение числа переселенцев в Туркестанский край требовало поиска все новых участков земли. В 1903 г. в Туркестанский край был командирован коллежский советник А.А. Кауфман для выяснения вопроса об отводе земель под русские поселения. Ему вменялось в обязанности «изыскать такие приемы производства работ, которые позволили бы... образовать переселенческие участки при полном соблюдении законных интересов кочевого иногородческого населения края»⁴⁰. Результатом этой командировки явился отчет, опубликованный под названием «К вопросу о русской колонизации Туркестанского края». Здесь, в частности, содержатся сведения, свидетельствующие о добрососедских отношениях русских переселенцев и кочевников-киргизов. «Я нигде не видел, – пишет автор, – никакого следа, чтобы подобная близость особенно неблагоприятно отражалась на положении киргиз и вела бы к образованию каких-то граничных осложнений и недоразумений»⁴¹.

В своем фундаментальном исследовании «Переселение и колонизация», вышедшем в свет в 1905 г., А.А. Кауфман попытался дать оценку всей переселенческой политике Российской империи, касающейся разных районов. В частности, он отметил относительное благополучие русских переселенцев в Туркестане по сравнению с другими районами, которые ему приходилось инспектировать. Например, это касалось Сырдарьинской области. Однако если рассматривать положение переселенцев не с точки зре-

³⁸ Шарова П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 4–5.

³⁹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 374. Л. 14.

⁴⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 787. Л. 1–1 об.

⁴¹ К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет Члена Ученого Комитета М-ва З. и Г.И. А. А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. С. 33.

ния благополучия, а с точки зрения надежности их дальнейшего существования здесь, то тут Кауфман выделяет ряд нюансов. Признав, что русские крестьяне достаточно быстро усвоили особенности местного земледелия, он обратил внимание на расточительное потребление воды русскими по сравнению с туземцами, а также нежелание переселенцев участвовать в уборке и очистке арыков для подачи воды. Как правило, русские старались предоставить туземцам всю черную работу.

Ряд пашен, ранее принадлежавших киргизам-кочевникам, из-за трудности обработки был просто заброшен. Русские поселенцы, как правило, занимались хлебопашеством, хлопководству уделяли внимание лишь немногие, считая хлопок культурой трудоемкой и предоставляя это дело местным жителям. Русские крестьяне предпочитали увеличивать свою доходность хлебом путем увеличения земельных площадей. Они не могли довольствоваться даже, по местным понятиям, огромными наделами. А.А. Кауфман признавал, что «крестьянам отведено в среднем: в Ташкентском уезде по 26, в Чимкентском по 35, в Аулиеатинском по 34 десятины на наделный двор; а оседлые туземцы в Ферганской области имеют в среднем на двор по 5,1 десятины»⁴².

Истощая земли, русские крестьяне требовали все новых прирезок и прибегали к земельной аренде у киргизов. Все это Кауфман считал тревожным признаком, т.к. арендуемые земли были не беспредельны, а с их истощением начиналось массовое бегство крестьян на новые земли. Интересен вывод автора о том, что «только при большой доле ослепления можно мечтать о культурном воздействии русского переселенца на хозяйство туркестанского туземца»⁴³.

В 1905 г. был принят закон об образовании переселенческих участков на «излишних» для кочевников землях. Многочисленные злоупотребления и произвол превратили этот закон в едва прикрытую конфискацию земли. В 1907 г. были установлены нормы земельного надела для кочевого и полукочевого населения с целью определения «излишков». Местная администрация старалась договориться с кочевниками, чтобы они уступили земли либо по доброй воле, либо за вознаграждение. Однако далеко не всегда люди шли навстречу. В 1906–1910 гг. в Туркестане было произведено изъятие земель у кочевников, на которых затем было образовано пять переселенческих участков.

После конфискации земли коренное население было вынуждено выбирать оседлый образ жизни. Для них важно было закрепить родовые

⁴² Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 337.

⁴³ Там же. С. 335.

земли. При этом значительная часть местного населения совмещала земледелие с выпасом скота. От представителей Переселенческого управления скрыть это было очень сложно, и земли под выпас скота продолжали изымать, считая их излишками.

За годы переселения русских крестьян славянское население в Туркестане увеличилось, и если в 1897 г. оно составляло 200 тысяч человек, то к 1917 г. – около 750 тысяч, что составляло 10% населения края⁴⁴. В таких условиях аккультурация казалась неизбежной. В рамках этого происходило развитие экономических и торговых связей между пришлым населением и коренными жителями края, что было выгодно обеим сторонам⁴⁵. Хотя по-прежнему переселенцы не проявляли особого желания адаптироваться, изучая местный язык и традиции, что отрицательно сказывалось на их взаимоотношениях с окружающими и приводило к столкновению интересов, а в ряде мест – к конфликтам. Те переселенцы и чиновники, которые пытались адаптироваться и интегрироваться в новые условия проживания, встречали доброжелательное отношение со стороны местных жителей. В качестве примера можно привести жизнь и деятельность выдающегося востоковеда-просветителя В.П. Наливкина, который за шесть лет проживания в кишлаках Туркестана выучил местные языки, изучил быт туземцев, собрал материалы для многих своих работ⁴⁶. Кстати, к созданию русских поселков в Туркестане Наливкин относился отрицательно, так как считал, что здесь и без того испытывалась крайняя нужда в орошаемых землях.

В декабре 1910 г. правительство предоставило Переселенческому управлению право отчуждать земли кочевников под переселенческие участки. Пользуясь этим правом, переселенческие чиновники отнимали у местного населения не только пастбищные земли, но и места зимовок с обрабатываемыми землями. Жалобы туземцев и местных администраторов на Переселенческое управление ни к чему не приводили.

В среде деятелей Переселенческого управления в Туркестане часто встречались случаи лихоимства и махинаций с землей. Так, например, в июне 1908 г., во время ревизии графа К.К. Палена, были выявлены факты коррупции со стороны некоторых должностных лиц (инженера-технолога А.А. Рудинского, кандидата естественных наук В.А. Петрова, инженера путей сообщения С.Ф. Островского и дворянина Л.А. Быковского)⁴⁷. Все они

⁴⁴ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 223–224.

⁴⁵ *Перепелицына Л.А.* Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960.

⁴⁶ *Наливкин И.Б.* Имя твое – Учитель. Омск, 2001. С. 45.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 294. Л. 30 об.

дали признательные показания, после чего Ташкентская судебная палата сообщила графу К.К. Палену о заведении уголовного дела в отношении этих лиц, обвиненных в должностных преступлениях⁴⁸.

Ревизии Туркестанского края

В начале XX в. стала ощущаться необходимость упорядочивания управления новыми единицами, созданными в Туркестанском крае, в том числе и связанными с переселенческой политикой. Поэтому одна за другой организовываются комиссии и ревизии Туркестанского края, зачастую представлявшие взаимоисключающие выводы.

В правительстве серьезно обсуждался вопрос о возможной передаче Туркестанского края из подчинения Военному министерству в Министерство внутренних дел. 17 апреля 1906 г. Совет Министров даже принял такое решение. Однако оно было оспорено Кабинетом Министров, министерствами юстиции и внутренних дел, в которых считали такую передачу преждевременной в силу нестабильной политической ситуации в стране⁴⁹. Совет Министров вынужден был отменить свое распоряжение.

Таким образом, возникла необходимость исследования положения в Туркестанском крае с целью получения более точных сведений. 8 марта 1908 г. Николай II принял решение о проведении новой сенаторской ревизии края.

Граф К.К. Пален, назначенный указом императора от 18 июня 1908 г. ревизором, был одним из компетентных сенаторов. В задачу комиссии, состоявшей из двадцати ревизоров, входила инспекция всех правительственных и общественных учреждений. Ее целью являлось выяснение возможностей применения к краю общеимперских законов. Комиссия сенатора К.К. Палена должна была тщательно изучить положение Туркестана, подготовить материалы для составления нового положения по его управлению и обсудить возможные условия и порядок передачи края из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел. Сам сенатор был глубоко убежден в том, что настало время военному управлению уступить место гражданскому элементу.

Комиссия приступила к ревизии 18 июля 1908 г. Более года, несмотря на противодействие туркестанской администрации, члены комиссии

⁴⁸ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 294. Л. 65.

⁴⁹ *Махмудова Н.Б.* Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/senatorskaya-reviziya-grafa-k-k-palena-v-turkeстане-prichiny-hod-posledstviya> (Дата обращения: 03.05.2018).

тщательно исследовали все аспекты управления и экономических отношений в регионе. В ходе ревизии сенатор сам побывал во всех пяти областях Туркестанского края и посетил Бухарский эмират и Хивинское ханство. Проверяющими были выявлены серьезные злоупотребления чиновниками своим служебным положением во всех областях и практически во всех ведомствах.

Переселенческое дело К.К. Пален считал сложным явлением, по поводу которого в Российской империи существовали две точки зрения: первая имела «в виду экономические и политические интересы метрополии», «центр тяжести второй» лежал «в вопросах преуспевания и укрепления окраины, куда направляется переселенческая струя»⁵⁰. Будучи представителем «цивилизаторской миссии» России, он, конечно же, отдавал предпочтение интересам метрополии, однако выступал за более медленные темпы колонизации и предлагал отказаться от наводнения Туркестана переселенцами из малоземельных территорий. Взамен он рекомендовал привлекать в край сильных представителей – ремесленников, горнопромышленников, горнорабочих. «Но главное, – как записано во “Всепоподданнейшей записке К.К. Палена о положении переселенческого дела в Туркестанском крае”», – с государственной точки зрения – создание из края крепкого оплота империи с населением крепким, как в военном, так и в политическом отношении»⁵¹.

Пален признавал русскую колонизацию удачной, приводя в качестве примера один из самых характерных типов – самовольное переселение казачества, с чего собственно и начался ход переселенческого дела. Имело место и насильственное переселение. А вот кого действительно следовало поддержать, по мнению Палена, так это людей предприимчивых⁵². Поэтому Пален выступил против закрытия Туркестана для переселенцев.

Во «Всепоподданнейшей записке» К.К. Пален писал о несогласованности туркестанских местных властей с центральными, назвав это «прискорбным разладом». Сенатор также критиковал действия Переселенческого управления, которое, по мнению Палена, было «...озабочено только лишь одним – по возможности скоро перебросить из коренных губерний империи в Туркестан небольшое количество без всякого разбора и без соображений, усидят ли они на этих землях, подготовлены ли они к условиям азиатского хозяйства, нарушают ли они права туземного населения»⁵³.

⁵⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 295. Л. 14.

⁵¹ Там же. Л. 16 об. – 17.

⁵² Там же. Л. 18 об.

⁵³ Там же. Л. 15–15 об.

Он сетовал, что чиновники Переселенческого управления применяют к условиям Туркестана без разбору правила, изданные для сибирских инородцев, не учитывая местных условий.

Сенатор Пален отметил также, что за все время его пребывания в Туркестане к нему обращались переселенцы с жалобами на переселенческих чиновников. Кроме того, были установлены «вопиющие факты» массовых выселений коренных жителей с их насиженных мест, отобрания у них ценных оросительных сооружений, посаженных ими садов и полей, засеянных ценными культурами и окруженных глинобитными стенами. И все это производилось для того, чтобы разделить эти угодья по продовольственной норме между людьми, случайно попавшими в списки переселенцев.

Поспешная организация Переселенческого управления в Туркестане, по мнению Палена, привела к неудачному выбору почти всех главных руководителей на местах. Против многих из них были возбуждены уголовные дела (один из примеров описан выше). Однако среди переселенческих чиновников встречалось немало честных, образованных и энергичных людей, которых следовало поддерживать.

Причина неудачной переселенческой политики, по мнению сенатора, заключалась в «применении переселенческой организацией приемов и методов, заимствованных из социалистической теории социализации земли»⁵⁴, что пояснялось следующим образом. Дело в том, что после покорения Туркестана государство получило полное право на землю, что привело к насильственному выравниванию всего сельского населения русского и коренного по произвольно установленным земельным делам.

Ревизия Палена допускала отчуждение некоторой части земель в переселенческий фонд, остальные же земли должны были быть переданы местному населению на правах собственности. При этом необходимым считалось увеличение налогов местного населения.

Критикой Переселенческого управления Пален не ограничился, он предложил меры по улучшению ситуации. Самой главной задачей привлечения переселенцев в край Пален считал заботу о его безопасности как пограничного оплота России.

В выводах ревизии К.К. Палена присутствовала мысль о том, что настала пора передать власть от военных гражданским учреждениям. Для русских переселенцев, равно как и для оседлого местного населения, предлагалось создавать земские учреждения, но в то же время рекомендовалось воздерживаться от выборного начала для кочевников в силу их неготовности к такому типу взаимодействия с властью. Ревизия сенатора

⁵⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 295. Л. 21.

К.К. Палена сделала последнюю попытку перед революцией предоставить российскому правительству материалы, которые должны были дать ответ на вопрос: как модернизировать переселенческую политику в Туркестанском крае. Главную задачу государственной власти комиссия Палена видела в окончательном приобщении Туркестана к общеимперским порядкам. Идея аккультурации являлась мощным стимулом для дальнейшего объединения усилий по сращиванию колонизируемой территории с метрополией.

Еще до того, как были подведены основные итоги ревизии, в марте 1909 г. был отправлен в отставку генерал-губернатор П.И. Мищенко, не пробыв на этом посту и года. Вместо него был назначен генерал А.В. Самсонов, который сразу высказался за увеличение колонизационного фонда для русского крестьянства путем изъятия излишков земель у кочевников. Таким образом, выводы ревизии Палена им учтены не были. Кроме того, Самсонов считал необходимым расширение прав генерал-губернатора и распространение среди коренного населения русского языка, чтобы превратить Туркестан в «действительно русскую страну»⁵⁵.

В 1910 г. в Туркестанский край был командирован чиновник особых поручений при Переселенческом управлении Н.А. Гаврилов. Результатом его инспекции стал подробнейший «Отчет по служебной поездке осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н.А. Гаврилова», представленный на 463 страницах⁵⁶. Гаврилов подробно исследовал не только переселенческие поселки русских крестьян, но и места проживания местных народов, как оседлых, так и кочевых. Отчет снабжен фотографиями, значение которых трудно переоценить, т.к. они представляют живых свидетелей прошлого.

Ввиду того, что большинство переселенцев были представителями Малороссии, то на туркестанскую землю они перенесли особенности строения своего жилища. На снимках нашли отражение виды кишлаков сартов и быт кочевых народов. Из большого количества фотографий нет ни одной, где бы русские поселенцы были бы изображены вместе с представителями коренных народов. Это было, вероятно, большой редкостью.

Гаврилов со всей ответственностью отнесся к порученному ему делу. Согласно его данным, в 1906 г. в Туркестанском крае было всего 74 русских селения численностью 4800 семей. Наибольшее количество было сосредоточено в Сырдарьинской области – 58 поселков численностью

⁵⁵ Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. Ташкент, 1910. С. 3.

⁵⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803.

3500 семей⁵⁷. Количество русских «среди миллионной, загадочной в своей замкнутости и религиозном фанатизме толпы туземцев» было ничтожно мало, считал чиновник⁵⁸. В сравнении: в Самаркандской области русские составляли 1,6%: русских – около 5000, туземцев – 880000; в Ферганской области русские составляли 0,6%: русских – 8783, туземцев – 1950000. Такое численное соотношение «народа-завоевателя» к «покоренному инопородческому населению», по мнению чиновника, требовало принятия энергичных мер к усилению русского элемента. В отличие от К.К. Палена, выступавшего за медленную колонизацию, Гаврилов писал о том, что ее промедление уже вызвало непоправимые последствия.

Тем не менее, в отчете содержатся данные, свидетельствующие о влиянии, оказываемом переселенцами на местное население. Так, например, Гаврилов считал, что русские земледельцы увлекли кочевников своим примером; последние стали усиленно распахать земли, т.е. переходить к оседлости. В конце отчета в подлиннике фраза, не вошедшая в заключительную часть, о том, что русские переселенцы вполне доказали свою самостоятельность, когда в отсутствие правительственной помощи они сумели войти в контакт с кочевыми киргизами и договориться об уступке ими земли, а также приобрести земли у оседлого населения⁵⁹. Это было лишнее подтверждение тому, что простым людям, пусть даже разного вероисповедания, легче договариваться без указания свыше.

В заключение своего большого отчета, подвергнув критике деятельность туркестанской администрации и переселенческой организации, Гаврилов предлагал производить нещадное изымание излишек у казахов-кочевников для последующего распределения их под «различного рода государственного значения потребности». В отношении переселенцев чиновник предлагал следующее: «Водворять переселенцев хуторами или разбивать наделы на подворные участки»⁶⁰.

В связи с начавшейся столыпинской аграрной реформой в 1910 г. переселенцы получили право на создание хуторов, после чего был принят закон, позволявший изымать излишки у кочевого населения.

В 1912 г. в Туркестан с инспекцией был направлен главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, по мнению которого военную власть в регионе следовало сохранить, т.к. она была «понят-

⁵⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 28.

⁵⁸ Там же. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Л. 482.

⁶⁰ Там же. Л. 6–6 об.

нее и внушительнее для притихшей туземной толпы, чем гражданская»⁶¹. В своей Записке на имя императора Николая II Кривошеин большое внимание уделил традиционной туркестанской аграрной культуре – хлопководству. Чтобы расширить земли для выращивания хлопчатника, чиновник предложил не только использование старых орошенных земель, но и создание новых. Он считал, что посредством решения проблемы орошения новых земель будет решена задача усиления русского влияния в Туркестане. Предполагалось обеспечить вновь орошенными землями русское население с условием, что треть земель они отдадут под хлопок. Кривошеин считал необходимым скупать землю у коренного населения края с целью дальнейшего расширения участков для русских поселенцев.

Таким образом, тенденция по обеспечению русских поселенцев новыми землями за счет земель коренного населения в политике Российской империи возобладала. Осуществлять расширение земельных посевов предполагалось не только за счет агрономически развитых районов, но и неосвоенных участков земель, каковых было достаточно в Голодной степи. В 1913 г. чиновник особых поручений В. Тресвятский докладывал заведующему переселением в Сырдарьинском районе, что к осени 1914 г. предполагается закончить работы по орошению Северо-Восточной части Голодной степи. Считалось, что в это время должно начаться усиленное движение переселенцев в Голодную степь⁶². Однако начавшаяся вскоре Первая мировая война внесла свои коррективы и в переселенческую политику Российской империи.

Согласно данным советского историка П.Г. Галузо, который в своей книге «Туркестан – колония», написанной в 1935 г., приводит таблицу, основанную на данных «Сельскохозяйственных обзоров Туркестана за 1914 и 1915 гг.», население русских переселенческих поселков за это время увеличилось в разы. К 1 января 1916 г. число русских селений составляло 530, число дворов – 32355, а число душ обоего пола – 14401981 человек⁶³. Тем не менее, количество русских по отношению к коренному туркестанскому населению все равно оставалось «ничтожным»⁶⁴, как отмечал в своей Записке вслед за Н.А. Гавриловым Кривошеин.

⁶¹ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году (Приложение к Всеподданнейшему докладу). Полтава, 1912. С. 78–79.

⁶² РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 145. Л. 9–9 об.

⁶³ Цит. по: *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 373.

⁶⁴ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году (Приложение к Всеподданнейшему докладу). Полтава, 1912. С. 46.

В августе – сентябре 1916 г. разразилась настоящая война между коренными жителями и русскими поселенцами. Внешним проявлением явилось недовольство жителей Туркестана Высочайшим повелением императора от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Восстание 1916 г. было направлено против царских властей и проводимой ими политики переселения. В результате жертвами восставших стали переселенцы, местные рабочие, казаки, на защиту которых были направлены царские войска. Им также пришлось защищаться от расправы со стороны русских коренных жителей.

После подавления восстания генералом А.Н. Куропаткиным им было проведено тщательное расследование его причин. В рапорте генерала Николаю II указывалось, что одной из главных причин антиправительственных выступлений была массовая конфискация земель у местного населения и ошибки в переселенческой политике царской власти⁶⁵.

В следующем году после восстания наблюдалось массовое движение переселенцев обратно в Россию. Надо сказать, что за все 50 лет колонизации движение обратно не прекращалось. Это было вызвано непривычным состоянием земледелия, тяжелыми климатическими условиями, а иногда и бездействием местной администрации. Однако наибольшее число «обратных движений» наблюдалось в начале переселения, в 70–80-х гг. XIX в., и в годы войны и революций. В качестве примера можно привести «Прошение в Переселенческое управление» со стороны крестьян села Беловодское Пишпекского уезда Семиреченской области, датированное 19 августа 1917 г. В прошении, в частности, говорилось, что ввиду безработицы и ухудшения отношений с местным населением («буржуазных друг к другу отношений») жизнь в селе стала невозможной, поэтому крестьяне просят «всемиловитейше» отправить их в Терскую область на Кавказ. В конце прошения – 13 подписей с семьями⁶⁶. Из Переселенческого управления крестьянам ответили, что до издания новых законов о земле Учредительным собранием никаких наделений землей быть не может. Поэтому разумнее оставаться на тех местах, где они сейчас проживают⁶⁷.

6 сентября 1917 г. на имя Начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина от одного из чиновников особых поручений Переселенче-

⁶⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. С. 81–82.

⁶⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 728. Л. 14–15.

⁶⁷ Там же. Л. 16–16 об.

ского управления поступила докладная записка, где красноречиво описывалось массовое возвращение переселенцев из Туркестана в Россию «за свой счет, бросив имущество, бросив землю», что объяснялось плохим качеством земли, тяжелым житьем семей, «преследуемых и притесняемых киргизами». Движение обратно было вызвано надеждой получить землю в России, тоской по родине и, «действительно, невыносимым положением». Чиновник высказывал опасение о том, что «переселение может заглухнуть окончательно»⁶⁸.

После октябрьских событий 1917 г. русские переселенцы, считавшиеся кулаками, были разорены по прямому указанию новых властей.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что идея аккультурации была заключена в самом принципе переселенческой политики Российской империи в Туркестанском крае, поскольку предусматривала сращивание русского и туземного элементов. Русское правительство рассматривало Туркестанский край как национальную окраину России, следовательно, его русификация являлась делом недалекого будущего. При этом следует помнить о том, что российская власть и туркестанская администрация руководствовались «цивилизаторской миссией» России, которая заключалась в необходимости приобщения «диких народов» к европейской цивилизации. Эта идея широко распространялась и служила аргументацией для объяснения необходимости нести «блага» непросвещенному населению. Это, конечно же, накладывало отпечаток и на презрительное отношение переселенцев к представителям коренных национальностей.

Однако основания для аккультурации были, и в начале переселенческой политики ощущалась взаимосвязь русского и коренных народов, которая выражалась, прежде всего, в хозяйственной деятельности. Русские вынуждены были учиться у местных жителей специфичным формам ведения хозяйства, особенно ирригационным работам. Туземное население стало использовать более совершенные орудия труда, перенимать у поселенцев практику сенокосения, заготовления кормов на зиму и т.п. Там, где русские селились среди местного населения, взаимодействие культур ощущалось острее.

Власти при этом старались расселять русских крестьян изолированно, чтобы оградить их от коренного населения из-за опасения, что те были не всегда дружелюбно настроены по отношению к переселенцам. Возможно,

⁶⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 728. Л. 19.

это и являлось самой крупной ошибкой туркестанской администрации, так как при раздельном проживании говорить о взаимовлиянии не приходится.

Вкупе с презрительным отношением к «дикарям» русские переселенцы не могли и не хотели изучать языки местных народов. Это приводило к столкновению интересов, в ряде мест даже к конфликтам. Случаи, когда русские овладевали знаниями языков коренных народов, изучали их обычаи, были единичными. Препятствием к аккультурации, безусловно, служили межконфессиональные различия. Об этом рассуждал в своем письме туркестанскому генерал-губернатору от 1910 г. ходжентский уездный начальник, указавший на столкновение в этом регионе двух культур – «мусульманской и русской», а также на затруднения, которые встречает в мусульманском мире русская культура, в том числе в силу незнания русскими «местных туземных наречий», что делало их в глазах туземцев «неверными»⁶⁹.

Сама переселенческая политика царской администрации свидетельствовала о ее несовершенстве. Власти оказались не в состоянии помещать все возрастающим потокам переселенцев. Решение А.Б. Вревского о закрытии Туркестана от переселенческих потоков было поддержано правительством, однако отрегулировать этот процесс не удалось. К тому же в центре настаивали на том, что переселенцы должны проживать отдельно от местного населения, следовательно, для них надо было отводить свободные земли с оросительными системами. Поскольку земли не хватало, администрация прибегала к такой непопулярной среди коренного населения мере, как изымание излишек, сначала у кочевого, а затем и у оседлого населения. В конце концов, это превратилось в неприкрытую конфискацию земель.

Переселенческое управление, созданное с целью регулирования всех проблем, связанных с переселенцами, также внесло свою лепту в дело бесхозяйственного разделения земель всевозможными нарушениями и перегибами в своей политике. Орган, который должен был наладить работу переселения, по сути дела, ухудшил ситуацию. Обещание правительства всевозможных льгот переселенцам, которые могли не только рассчитывать на ссуду, но и освобождались от воинской повинности, привело к массовому притоку в Туркестан бродяжких элементов.

Последняя попытка изменить ситуацию и модернизировать переселенческую политику была предпринята графом К.К. Паленом во время его ревизии в 1908–1909 гг. Пален высказался за установление общеимперских законов на территории Туркестана и о замене военной админи-

⁶⁹ Цит. по: *Гинзбург А.И.* Русское население в Туркестане. М., 1991, С. 55.

страции гражданской. Однако новый генерал-губернатор А.В. Самсонов вместо модернизации объявил об изъятии земель у коренных жителей, расширении полномочий генерал-губернатора и распространении (по сути насильственного) русского языка среди туземцев. Главы следующих ревизий в Туркестане Н.А. Гаврилов, П.А. Харитонов, А.А. Поливанов, А.В. Кривошеин выступали за форсированную колонизацию региона. Выводы К.К. Палена были забыты. В конце концов, все недовольство местного населения действиями русской администрации и ее несправедливой переселенческой политикой вылилось в восстание 1916 г.

Можно сделать вывод о том, что аккультурация оказалась невозможной по объективным и субъективным причинам. К первым следует отнести разноконфессиональную направленность, разницу в менталитете, отдаленность территории от России, а ко вторым – неверное заключение русской власти об изоляции русскоязычного населения от местного, изымании у него земельных «излишек», перегибах в работе Переселенческого управления, члены которого часто злоупотребляли своим служебным положением.

Таким образом, переселенческая политика Российской империи в Туркестанском крае носила противоречивый характер, и наряду с положительным фактом присоединения новых территорий власть получила многочисленные проблемы, от которых страдало как коренное население, так и русские переселенцы.

© Брежнева С.Н., 2018

Рукопись поступила: 8 июня 2018 г.

Submitted: 8 June 2018

References

- Abdurahimova N., and Rustamova, G. *Kolonial'naya sistema vlasti v Turkestane vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX vv.* [The colonial system of power in Turkestan in the second half of 19th – first quarter of 20th centuries]. Tashkent: FAN Publ., 1999 (in Russian).
- Arslanov R.A., Klimashin A.L. “Periodicheskie izdaniya Rossii rubezha XIX–XX vv. o sociokul'turnoy adaptatsii russkikh pereselencev v Sredney Azii.” [Russian periodicals of the turn of 19th – 20th centuries of socio-cultural adaptation of Russian immigrants in Central Asia] *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 3 (2017): 347–364 (in Russian).
- Barteneva, I.V. “Pereselencheskaya politika Rossiyskoy imperii v Turkestane vo vtoroy polovine XIX veka.” [Resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan in

- the second half of the 19th century] *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo Universiteta* 8, no. 7. (2008): 64–69 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. “Russkie pereseleny v Turkestane: problemy vzaimootnosheniya s mestnym naseleniem.” [Russian settlers in Turkestan: problems of the relationship with the local population] *Belgorod State University Scientific Bulletin. Seriya: History. Politology* 37, no. 1 (2016): 112–118 (in Russian).
- Brusina, O.I. *Slavyane v Srednej Azii: Etnicheskie i social'nye processy: Konec XIX – konec XX veka* [Slavs in Central Asia: Ethnic and social processes: The late 19th – late 20th century]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2001 (in Russian).
- Central'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Central Asia as a part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008 (in Russian).
- Cyryapkina, Yu.N. “Osobennosti russkogo pereselencheskogo obshchestva Syrdar'inskoj oblasti v konce XIX – konce XX vv. [Features of the Russian resettlement society of Syrdarya region in the late 19th – late 20th centuries].” *Diaspory* [Diaspora], no. 1 (2012): 6–29 (in Russian).
- “Russkie pereseleny v Turkestane v konce XIX – nachale XX v.: osnovnye sociokul'turnye karakteristiki.” [Russian migrants in Turkestan in the late XIX – early XX century: main socio-cultural characteristics] *Tomsk State University Journal of History*, no. 411 (2016): 183–187 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V. “Perekhod v islam orenburgskih kazakov-nagajbakov kak krizisnoe yavlenie v imperskoj politike religioznoj akkul'turacii.” [Transition to Islam of Orenburg Cossacks-nagaibaks as a crisis phenomenon in the Imperial policy of religious acculturation] *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, no. 1 (2018): 81–89 (in Russian).
- Fomchenko, A.P. *Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v konce XIX-nachale XX v. (social'no-ehkonomicheskij aspekt)* [Russian settlements in Turkestan in the late 19th – early 20th century (socio-economic aspect)]. Tashkent: FAN Publ., 1983 (in Russian).
- Galuzo, P.G. *Vooruzhenie russkikh pereselencev v Srednej Azii (istoricheskij ocherk)* [Arma-ment of Russian immigrants in Central Asia (historical sketch)]. Tashkent: Sredne-Aziatskiy kommunisticheskij universitet imeni V.I. Lenina Press, 1926 (in Russian).
- *Turkestan-koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyucii 1917 g.)* [Turkestan-colony (Essay on the history of Turkestan from Russian conquest to the revolution of 1917)]. Moscow: Kommunisticheskij universitet trudyashchihsya Vostoka imeni I.V. Stalina Press, 1929 (in Russian).
- Gafarov, A.A., and Gafarov, A.N. “Kolonial'naya akkul'turaciya tradicionnogo uklada musul'man Rossijskoj imperii.” [Colonial acculturation of the traditional way of life of Muslims of the Russian Empire] *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* 15, no. 17 (2012): 296–302 (in Russian).
- Gejer I.I. *Krest'yanskaya kolonizaciya v Syrdar'inskoj oblasti* [Peasant colonization in the Syrdarya region]. Tashkent: S.I. Lahtin's Press, 1892 (in Russian).
- Ginzburg, A.I. *Russkoe naselenie v Turkestane* [The Russian population of Turkestan]. Moscow: Institut etnologii i antropologii AN SSSR Publ., 1991 (in Russian).
- Glushchenko, E.A. *Rossiya v Sredney Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya* [Russia in Central Asia. Conquest and transformation]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2010 (in Russian).

- Godovova E.V. “Stranicy povsednevnoy zhizni narodov Orenburgskogo kraya v nachale XIX veka v kontekste imperskoj politiki akkul'turacii.” [Pages of everyday life of the peoples of the Orenburg region in the early 19th century in the context of the Imperial policy of acculturation] In *Devyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray, kak istoriko-kul'turnyy fenomen. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii*. Mart 1–2, 2018 [Ninth Bolshakov readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. Materials of the international scientific and practical conference. Orenburg state pedagogical University, March 1–2, 2018], 322–324. Orenburg: OGPU Press., 2018 (in Russian).
- Hidoyatov, G.A. *Moya rodnaya istoriya* [My own story]. Tashkent: Ukituvchi Publ., 1990 (in Russian).
- Iskhakov, F.B. *Nacional'naya politika carizma v Turkestane (1867–1917)* [National policy of tsarism in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent: FAN Publ., 1997 (in Russian).
- Kaganovich, A. *Nekotorye problemy carskoj kolonizacii Turkestana* [Some problems of the Royal colonization of Turkestan]. <http://kungrad.com/history/st/kolon/> (in Russian).
- Kaufman, A.A. *K voprosu o russkoj kolonizacii Turkestanskogo kraya: otchet Chlena Uchenogo Komiteta M-va Z. i G.I. A. A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g.* [On the question of Russian colonization of Turkestan: report of the member of The Scientific Committee of M.Z. and G. A.A. Kaufman on a business trip in the summer of 1903]. St. Peterburg: V.F. Kirshbaum's Press, 1903 (in Russian).
- *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and colonization]. St. Peterburg: Obshchestvennaya pol'za Press, 1905 (in Russian).
- Kotyukova, T.V. “Problemy rossijskoj pereselencheskoj politiki v Turkestane v nachale XX v.” [Problems of Russian resettlement policy in Turkestan in the early 20th century] *Voенно-istoricheskij zhurnal*, no. 2 (2010): 58–64; no. 3 (2010): 54–57 (in Russian).
- Lavrent'ev, V. *Kapitalizm v Turkestane (Burzhuanaya kolonizaciya Srednej Azii)* [Capitalism in Turkestan (Bourgeois colonization of Central Asia)]. Moscow: Komm. Akademiya Press, 1930 (in Russian).
- Lur'e, S.V. “Osobennosti russkoj kolonizacii v Srednej Azii.” [Features of Russian colonization in Central Asia] *Central'naya Aziya*, no. 2 (1997): 20–24 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S.V. “Politika akkul'turacii v usloviyah razrusheniya imperii: kazus volostnogo zemstva.” [Policy of acculturation in the destruction of the Empire: the incident of the volost Zemstvo] *Tomsk State University Journal of History*, no. 50 (2017): 31–37 (in Russian).
- Mahmudova, N.B. “Senatorskaya reviziya grafa K.K. Palena v Turkestane: prichiny, hod, posledstviya.” [Senator's revision of count K.K. Palen in Turkestan: reasons, course, consequences] *Metamorphoses of History*, no. 7 (2016): 134–150 (in Russian).
- “Sostoyanie penitenciarной системы Turkestanskogo kraya v nachale XX v. (po materialam otcheta senatorskoj revizii grafa K.K. Palena.” [The state of the penitentiary system of Turkestan region in the early twentieth century (based on the report of the Senator's audit of count K.K. Palen)] *Metamorphoses of History*, no. 8 (2016): 201–210 (in Russian).

- Morrison, A.S. *Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Muriel, J. “Diamond in the rough: The state, entrepreneurs and Turkestan’s hidden resources in late imperial Russia.” *Extending the borders of Russian history*, 183–196. Budapest: CEU (Central European University) Press, 2003.
- Nalivkin, I.B. *Imya tvoe – Uchitel’* [The name of your is Teacher]. Omsk: OmGPU Publ., 2001 (in Russian).
- Perepelicyna L.A. *Vliyanie russkoj kul’tury na kul’turu narodov Srednej Azii* [The influence of Russian culture on the culture of the peoples of Central Asia]. Tashkent: SamGU Publ., 1960 (in Russian).
- Sharova, P. “Pereselencheskaya politika carizma v Srednej Azii.” [Resettlement policy of tsarism in Central Asia] *Istoricheskie zapiski*, no. 8 (1940): 3–36 (in Russian).
- Vasil’ev, D.V. “Obshchestvennoe upravlenie korennoho naseleniya Turkestanskoj oblasti v kontekste akkul’turacii (1864–1866).” [Public administration of the indigenous population of Turkestan in the context of acculturation (1864–1866)] In *Devyatye Bol’shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray, kak istoriko-kul’turnyy fenomen. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Ninth Bolshakov readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. Materials of the international scientific and practical conference. Orenburg state pedagogical University, March 1–2, 2018], 116–118. Orenburg, OmGPU Publ., 2018 (in Russian).
- Villard, Sanderlend. “Ministerstvo Aziatskoj Rossii: nikogda ne sushchestvovavshee, no imevshee dlya etogo vse shansy kolonial’noe vedomstvo.” [The Ministry of Asiatic Russia: never to have existed, but which had all the chances of the colonial office] In *Martin, Aust, Rikarda, Vul’pius, Aleksej, Miller, eds. Sbornik statey Imperium inter papas: Rol’ transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)], 104–149. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010 (in Russian).
- Vosstanie 1916 g. v Srednej Azii i Kazahstane. Sbornik dokumentov* [Uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan. Collection of documents]. Moscow: AN SSSR Publ., 1960 (in Russian).
- Voshchinin, V. *Ocherki novogo Turkestana. Svet i teni russkoj kolonizacii* [Essays on the new Turkestan. Light and shadow of Russian colonization]. St. Peterburg: Nash vek Press, 1914 (in Russian).
- Vsepoddannejšij doklad Turkestanskogo general-gubernatora o položenii Turkestanskogo kraja v 1909 g.* [The most comprehensive report of the Turkestan Governor-General on the situation of the Turkestan region in 1909]. Tashkent: [S.n.], 1910 (in Russian).
- Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustrojstvom i zemledeliiem o poezdke v Turkestanskij kraj v 1912 godu (Prilozhenie k Vsepoddannejšemu dokladu)* [Note of the chief land management officer and agriculture about the trip to Turkestan in 1912 (Annex to the all-Given report)]. Poltava: [S.n.], 1912 (in Russian).
- Zel’kina, E. *Ocherki po agrarnomu voprosu v Srednej Azii* [Essays on the agricultural issue in Central Asia]. Moscow: Kommunisticheskaya akademiya Press, 1930 (in Russian).
- Zhemchuzhnikov, N.N. *Dvizhenie na Vostok* [Movement to the East]. Moscow: Central’noe izdatel’stvo narodov SSSR Press, 1927 (in Russian).

Archives

Rossiyskiy gosudarstvenniy voenno-istoricheskiy arhiv (thereafter – RGVIA). [Russian state military-historical archive], f. 165, op. 1, d. 293.

RGVIA, f. 165, op. 1, d. 374.

Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arhiv (thereafter – RGIA) [Russian state historical archive], f. 391, op. 1, d. 295.

RGIA, f. 391, op. 1, d. 787.

RGIA, f. 391, op. 3, d. 1803.

RGIA, f. 391, op. 5, d. 145.

RGIA, f. 391, op. 5, d. 191.

RGIA, f. 391, op. 6, d. 728.

RGIA, f. 396, op. 1, d. 528.

RGIA, f. 1073, op. 1, d. 398.

RGIA, f. 1149, op. 12, d. 130.

RGIA, f. 1396, op. 1, d. 294.

Reflection of acculturation idea in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 20th century

Svetlana N. Brezhneva

Leningrad state University named after A. S. Pushkin

10 Peterburgskoe shosse, St. Petersburg, Pushkin, Russia, 196605

brezhneva_s_n_@mail.ru

Abstract: The article deals with the resettlement policy of the Russian Empire in the Turkestan region in the context of acculturation. It is noted that the resettlement of Russian peasants in Turkestan was regulated by the generally accepted Russian legislation, but it had its own local features. The peculiarity of the Russian colonization consisted in the following: firstly, in the region there lived foreign-speaking population with a different mentality and a different religion; secondly, in the most areas Turkestan was conquered by force of arms, and this fact did not add local population's confidence in the Russian authorities. Nevertheless, according to the author, the grounds for acculturation were at the beginning of the resettlement process, when there began to establish economic relations between Russian settlers and local residents. The analysis of the further resettlement policy of the Russian Empire leads to the conclusion that both objective and subjective reasons were the obstacle to further acculturation. The latter ones consisted in the incorrect decision of the Russian authorities on the isolation of the Russian-speaking population from the indigenous population, the withdrawal of "surplus" land from the local population, the excesses in the work of the Resettlement Department, whose members often abused their power. The negative role was also played by the commitment to the Russian authority,

the Turkestan administration, and even Russian settlers' adherence to the "civilizing mission of Russia", explaining the necessity of introducing "wild" peoples to the European civilization, which served as an argument for justifying the need to bear the "good" to "unenlightened peoples". The author makes the conclusion about the imperfection of the resettlement policy of the Russian administration, which consisted in the absence of the legal framework and clear plan of resettlement.

Keywords: Russian Empire, Turkestan region, resettlement policy, acculturation, Resettlement Department, audits, abuses

For citation: Brezhneva, Svetlana N. "Reflection of acculturation idea in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 20th century." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 608–638. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-639-660

Представительство мусульман в органах самоуправления российских регионов во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Вятской губернии)

А.М. Субботина

Удмуртский институт истории языка и литературы
Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426004, Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, 4
anmisu@yandex.com; annnamisu@gmail.com

Аннотация: В статье проводится анализ представительства мусульманских народов в органах волостного, земского и городского самоуправления Вятской губернии Российской империи в 1860–1916 гг. Изучение ситуации в Вятской губернии показывает, каков был правовой статус мусульман на тех российских территориях, где распространился ислам. Исследование опирается на материалы Государственного архива Кировской области и периодических изданий. Мусульманами в регионе были татары и башкиры. Их число было разным в разных районах провинции. Автор проводит сравнительный анализ участия мусульман в волости, земстве и городском самоуправлении. Исследователь утверждает, что в мусульманских районах провинции их представители участвовали в самоуправлении разного уровня, но не было прямой связи между количеством мусульманского населения и количеством мусульманских представителей в городских советах, земстве и волостных советах. Автором делается вывод о влиянии на мусульманское представительство комплекса факторов. В числе наиболее важных факторов выделены установленные законодательством правовые нормы, количество мусульман среди избирателей разных категорий, авторитет кандидатов, позиция избирательных собраний и местной администрации. В законодательных актах установлены правовые нормы для формирования представительства. Максимальная доля нехристиан определялась только в городских собраниях. На конечный результат также повлияло количество мусульман среди избирателей разных категорий, полномочия кандидатов, положение избирательных собраний и местная администрация. В большей степени состав населения отражал земское и волостное самоуправление. Очень небольшое число мусульманских граждан среди владельцев права на владение недвижимостью стало причиной их слабого участия в городской думе.

Ключевые слова: мусульмане, татары, башкиры, земство, городская дума, волостной старшина, Вятская губерния

Для цитирования: Субботина А.М. Представительство мусульман в органах самоуправления российских регионов во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Вятской губернии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 639–660. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-639-660

Введение

Реформы в России во второй половине XIX – начале XX в. способствовали введению в общественную практику демократических институтов, формировавшихся на основе выборного представительства населения соответствующих территорий. Отмена крепостного права привела к реформированию крестьянского общественного управления. На уровне губерний, уездов, городов действовали органы земского и городского самоуправления. Несмотря на то, что выборы не носили всеобщий и равный характер, земские собрания и городские думы объединили людей разных сословий, этнических и конфессиональных групп для совместного решения социально-экономических и культурных задач. Возможность участия в работе новых учреждений получили и мусульманские народы. Степень этого участия зависела от разных факторов, включая и региональные особенности. В настоящей статье на примере Вятской губернии рассматривается вопрос о представительстве татар и башкир в органах волостного, земского и городского самоуправления.

В исторической литературе последних лет получило распространение мнение, что реформы Александра II и постреформенный период способствовали изменению взаимоотношений Российской империи с ее мусульманскими подданными¹. Татары и другие нерусские народы, за исключением жителей окраин, постепенно интегрировались в государственные и местные институты. Интерес к мусульманскому представительству характерен для исследователей тех регионов России, где традиционно мусульманские народы занимали значительное место в структуре населения. В работах большинства авторов отмечается, что в учреждениях земского и городского самоуправления этих территорий тюрко-мусульманский компонент присутствовал, несмотря на существование ограничивающих факторов.

¹ *Kirmse S.B.* New Courts in Late Tsarist Russia: On Imperial Representation and Muslim Participation // *Journal of Modern European History*. 2013. Vol. 11. №. 2. P. 243–263. https://doi.org/10.17104/1611-8944_2013_2_243; *Naganawa N.* Transimperial Muslims, the Modernizing State, and Local Politics in the Late Imperial Volga-Ural Region // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18. №. 2. P. 417–436. <https://doi.org/10.1353/kri.2017.0027> и др.

Так, Г.Б. Азаматова делает вывод о заметном представительстве башкир и татар в Бирском, Стерлитамакском и Белебеевском уездных земствах Уфимской губернии до введения Положения 1890 г. По ее данным, среди мусульманских гласных земских собраний были крестьяне, помещики и татарские мурзы (Еникеевы, Терегуловы). В числе сдерживающих факторов присутствия данной категории населения в земстве исследователь называет особый порядок формирования волостных сходов у башкир, незнание русской грамоты, негативную позицию губернской администрации в отношении представительства в земстве мусульман².

На схожие проблемы в вопросе участия мусульман в земских собраниях Самарской губернии указывает в своих работах Л.М. Владимирова³. Она замечает, что, несмотря на отсутствие законодательных преград, данная категория гласных была слабо представлена в органах самоуправления региона. Малочисленность мусульманских представителей исследователь связывает с невысоким социально-правовым статусом, особенностями выборов от сельских обществ, отношением самих избирателей к земству.

А.А. Задерейчук, рассматривая Таврическое земство, указывает, что еще дореволюционный исследователь Б.Б. Веселовский отмечал значительную долю татар в крымских уездах среди гласных земских собраний как от сельских обществ, так и от дворян⁴.

Изучив подробно состав Таврического губернского земского собрания, сама А.А. Задерейчук делает вывод об увеличении в нем численности татар в начале XX в. Она объясняет этот факт ростом самосознания крымских татар, что выразилось в желании лоббировать свои интересы в земстве⁵. Нужно добавить, что изменения в составе земских собраний на-

² Азаматова Г.Б. Земское самоуправление на Южном Урале: опыт реализации и региональные особенности (1874–1917 годы) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 6. С. 59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24075310> (дата обращения: 12.02.2018).

³ Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.). Казань, 2016.; Владимирова Л.М. Участие мусульман-гласных в деятельности Самарского земства // *Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья*. Казань, 2011. Вып. 2. С. 338–346.

⁴ Задерейчук А.А. Избирательные кампании в органы земского самоуправления Таврической губернии: крымско-татарская специфика // *Электронное научное издание Альманах Пространство и время*. 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26184299> (дата обращения: 05.02.2018).

⁵ Задерейчук А.А. Участие крымских татар в Таврическом губернском земском собрании // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2013. № 35. С. 70.

чала XX в. были также связаны с вызванными Первой русской революцией послаблениями в вопросе выборов в земском законодательстве.

Что касается Казанской губернии, то в ней, по мнению Г.Р. Зигангировой, наиболее активные представители татар-мусульман стремились использовать имевшуюся у них возможность участия в работе земских собраний и городских дум для решения этноконфессиональных проблем. По ее данным, особенно выделялись в этом вопросе два уезда: Казанский и Мамадышский⁶.

Р.Р. Салихов делает вывод о том, что в Казанской городской думе татарская буржуазия образовала крепкую мусульманскую группу (в состав которой входили врач, юристы, педагоги, имамы), деятельность которой была направлена на защиту прав и развитие культуры татарского народа. В земстве требования татарской и мусульманской общественности, по мнению Р.Р. Салихова, стали заметны начиная с 1890-х гг⁷.

Рост общественной активности мусульман, в том числе и в борьбе за равное представительство в земских органах, в годы Первой мировой войны и предвоенный период отмечает С.М. Исхаков. По его мнению, мусульманское движение подпитывалось нежеланием правительства решать насущные проблемы мусульман⁸.

Понять, насколько далеко могли пойти российские законодатели в решении вопроса о мусульманском представительстве в условиях роста общественной активности этой категории населения, помогает обращение к истории Государственной думы. С.И. Алиева и Ф.М. Кулиев оценивают появление мусульманской фракции в Государственной думе как следствие активизации в годы Первой русской революции мусульманского движения и уступок со стороны правящих верхов. Рассматривая деятельность депутатов-мусульман во всех четырех Думах, данные авторы отмечают их единение в вопросах, непосредственно затрагивающих интересы своих избирателей: свобода вероисповедания, управление мусульманами, конфессиональное образование, переселенческая политика⁹.

⁶ Зигангирова Г.Р. Система органов местного самоуправления Казанской губернии в середине XIX – начале XX вв. (организация и место в общественно-политической жизни). Автореферат дисс. ... к.и.н. Казанский государственный ун-т, 2003. С. 22.

⁷ Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс. ... к.и.н. Казанский государственный ун-т, 1998. С. 17–18.

⁸ Исхаков С.М. Мировая война и мусульманская общественность в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 37.

⁹ Алиева С.И., Кулиев Ф.М. Законотворческая деятельность депутатов-мусульман в Государственной думе российской империи (1906–1917 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2017. № 3. С. 6.

Д.М. Усманова, отмечая обусловленную избирательным законом «декоративность» участия нерусского меньшинства в парламенте, на первый план выносит репрезентативную функцию. Не имея возможности реально влиять на решения Государственной думы в силу своей малочисленности, депутаты-мусульмане стремились быть в ней «гласом народа», представлять и защищать интересы своих единомышленников. Автор также считает, что значительной была роль думских депутатов в мусульманском сообществе соответствующих регионов¹⁰.

Специальное внимание позиции мусульманских депутатов в Государственной думе в этноконфессиональном контексте уделяет Р.А. Циунчук, который считает, что малочисленность национальных фракций при сильном противодействии правоцентристского думского большинства и отсутствии ответных шагов российского правительства не способствовала решению национального вопроса, что в итоге привело к распаду империи¹¹. Ю.А. Лысенко также отмечает, что мусульманским депутатам в Государственной думе не удалось добиться отмены законодательных ограничительных норм относительно политических и религиозных прав мусульман среднеазиатских окраин¹². На роль депутатов из числа башкир и татар Уфимской губернии в Государственной думе обратил внимание в своей работе М. Кутлугаллямов¹³.

Ближе других к вопросам, рассматриваемым в настоящей статье, подошел А.М. Рафиков. Исследуя татарское купечество Вятской губернии, он затрагивает и проблему участия его представителей в земских и городских органах. Опираясь на выводы Ф.Ф. Нигамедзинова и И.К. Загидуллина, А.М. Рафиков отмечает заметное влияние татарского купечества в органах самоуправления Казанской губернии. В отличие от данного региона, по мнению исследователя, в соседней Вятской губернии сложилась иная ситуация в области мусульманского представительства. Малочисленность татарских гильдейских купцов в большинстве уездов Вятской губернии, особенности менталитета не способствовали их активному участию в об-

¹⁰ Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе (1906–1917 гг.): новая политическая элита в Российской империи // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 118, 124.

¹¹ Циунчук Р.А. Национальный вопрос в Государственной думе накануне и во время Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 91–109.

¹² Лысенко Ю.А. Представители Степного края и Туркестана в российском парламенте: опыт фракционного взаимодействия в решении региональных этносоциальных проблем // Былые годы. 2017. Т. 44. № 2. С. 624. <https://doi.org/10.13187/bg.2017.2.616>

¹³ Кутлугаллямов М. Депутат от народа. У истоков парламентаризма в России // Ватандаш. Уфа. 2017. № 9. С. 3–32.

щественной жизни. Исключением были Елабужский и Малмыжский уезды Вятской губернии, где купцы-татары принимали участие и в земских собраниях, и в городских думах¹⁴. Вместе с тем, анализируя поименно деятельность мусульман-купцов в органах самоуправления, А.М. Рафиков не всегда точен относительно некоторых из них.

В имеющихся исследованиях рассматривается проблема мусульманского представительства либо в аспекте деятельности органов самоуправления (земского или городского), либо в контексте присутствия в этих учреждениях конкретных социальных групп (купцов, буржуазии, крестьян), либо как показатель общественно-политической активности мусульман. Автор настоящей статьи также затрагивал тему участия мусульманских народов в земствах Вятской губернии в предыдущих своих работах¹⁵. Новое исследование предлагает подойти к решению проблемы более широко и обратиться к сравнительному анализу присутствия татар и башкир в разных органах самоуправления края: волостных правлениях, земских собраниях и городских думах. Каждое из названных учреждений имело свои особенности с точки зрения возможностей участия в них мусульман. Выявление и изучение этих особенностей позволяет сформировать новый, более целостный взгляд на проблему мусульманского представительства в органах самоуправления в регионах проживания последователей ислама.

Статья основана на количественном и качественном анализе комплекса опубликованных и архивных источников, в число которых входят законодательные акты, делопроизводственные и статистические документы, материалы периодической печати. Для понимания правовых норм формирования мусульманского представительства в органах самоуправления важно обращение к законодательству изучаемого периода, посвященному крестьянской, земской и городской реформам. Тексты законодательных актов анализируются автором по дореволюционным изданиям, в частности, «Полному собранию законов Российской империи» (ПСЗРИ)¹⁶, «Положению о земских учреждениях со всеми относящимися к нему узаконениями,

¹⁴ Рафиков А.М. Формирование и деятельность татарского купечества в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. ... к.и.н. Ярославский государственный ун-т, 2012. С. 158–192.

¹⁵ Субботина А.М. Социально-демографическая характеристика крестьянских гласных земских собраний 1890-х гг. По материалам Государственного архива Кировской области // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 183–193. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2017-4-183-193>

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., [Б.и.]. 1863. Т. 36.; ПСЗРИ-2. СПб. 1974. Т. 45. Отд. 1; ПСЗРИ-3. СПб., 1891. Т. 9; ПСЗРИ-3. СПб., 1895. Т. 12; ПСЗРИ-3. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1.

судебными и правительственными разъяснениями», «Положению о земских учреждениях 12 июня 1890 г. со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями»¹⁷.

Статистические источники представлены прежде всего многотомными «Материалами по статистике Вятской губернии» (1886–1900), в которых содержатся подробные сведения по населенным пунктам и волостям каждого из 11 уездов губернии. Имеющиеся в издании данные позволяют определить место татар и башкир в структуре населения края, характер их занятости, уровень образования и др. Важное значение для определения численности тюрко-мусульманского населения в разных уездах и городах региона имеют данные Всероссийской переписи населения 1897 г., которые нашли отражение в «Памятной книжке о Вятской губернии на 1907 г.»¹⁸

Используемые при подготовке статьи периодические издания включают в себя, помимо упомянутых ежегодных памятных книжек Вятской губернии, газету «Вятские губернские ведомости». К исследованию привлечены опубликованные в этих изданиях списки гласных земских собраний и городских дум, членов земских и городских управ за период с 1866 по 1916 г. Отдельное внимание уделяется изучению списков земских и городских избирателей, обладавших необходимым имущественным цензом, которые также публиковались перед каждым выборами в газете «Вятские губернские ведомости». Земские выборы проходили в губернии с 1866 г. раз в три года. Первые городские выборы в крае состоялись в 1870–1871 гг. и впоследствии повторялись через каждые четыре года.

Более подробную информацию о составе органов самоуправления содержат материалы делопроизводства действовавших в Вятской губернии учреждений, которые хранятся в Государственном архиве Кировской области (ГА КО). Ценность для данного исследования представляют содержащиеся в нем документы по земским выборам 1894 г. из фонда Канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) и списки волостных старшин по Сарапульскому уезду за 1893 г. из фонда Губернского правления (Ф. 584).

Доступные автору источники позволяют раскрыть цель сравнительного исследования представительства мусульман в разных органах самоуправления Вятской губернии: волостных правлениях, земских собраниях и

¹⁷ Мыш М.И. Положение о земских учреждениях со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1883; Он же. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Изд-е 2-е. СПб., 1896.

¹⁸ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 г. Вятка, 1907. Отд. I. С. 24–29.

управах, городских думах и управах. Каждый из трех уровней самоуправления рассматривается в исследовании на основе выявления региональной специфики. Вятская губерния и входящие в нее уезды имели свои особенности, которые оказывали влияние на состав волостных, земских и городских учреждений. Вопрос об участии приверженцев ислама в том или ином органе самоуправления решается автором с учетом их территориального расселения, действовавших правовых норм, а также выборной практики.

Тюрко-мусульманское население Вятской губернии

Вятская губерния во второй половине XIX – начале XX в. представляла собой полиэтничный и поликонфессиональный регион. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., на ее территории проживало чуть более 3 миллионов человек. Из них – 77,45% русских, 12,47% удмуртов, 4,78% марийцев, 4,14% татар, 0,46% башкир, 0,7% других народов. Общее количество татар и башкир в крае насчитывалось 139423 человека¹⁹.

Разнообразной была и конфессиональная ситуация. Относительная удаленность от столицы способствовала распространению здесь старообрядчества. В среде татарского и башкирского населения отдавалось предпочтение исламу. По сведениям Всероссийской переписи 1897 г., православные в губернии составляли 92,14%, старообрядцы – 3,17%, мусульмане – 4,27%, другие конфессии – 0,42%. Среди мусульман края насчитывалось 65186 мужчин и 64342 женщины²⁰.

Тюрко-мусульманское население было неравномерно расселено по территории края. Из 11 уездов Вятской губернии наибольшее число татар проживало в Елабужском и Малмыжском, где они в несколько раз превышали губернский показатель. В том же 1897 г. в Елабужском уезде насчитывалось 16,27% татар, в Малмыжском – 18,62%. Значительно меньшим было присутствие татар в Уржумском (4,82%), Глазовском (2,14%), Слободском (2%) и Сарапульском (1,77%) уездах²¹. В остальных уездах губернии количество татар колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

В отличие от татар, башкиры проживали не во всех уездах губернии. Основная их часть приходилась на Елабужский и Сарапульский уезды, где их доля составляла соответственно 3,65% и 1,25%. Указанные уезды были также наиболее представительными по количеству мусульман. В Елабужском уезде

¹⁹ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 г. Вятка, 1907. Отд. I. С. 24, 26.

²⁰ Там же. С. 28–29.

²¹ Там же. С. 24, 26.

ислам исповедовали 17,17%, в Малмыжском – 16,56%, в Уржумском – 4,67%, в Сарапульском – 3,84%, в Слободском – 1,96% населения. В остальных уездах мусульмане составляли сотые доли процента²². Наиболее представительными по числу мусульман городами в губернии были Елабуга, Малмыж и Сарапул, в каждом из которых их количество превышало 400 человек.

Присутствие в Вятской губернии тюрко-мусульманского населения объясняется историей заселения края, близостью Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний. В сельской местности существовали не только отдельные поселения, но и целые волости локального проживания татар и башкир. Среди них можно назвать Терсинскую и Салаушскую волости Елабужского уезда, Агрызскую и Исембаевскую волости Сарапульского уезда, Янгуловскую и Кошкинскую волости Малмыжского уезда.

Локальное проживание способствовало тому, что в мусульманских деревнях сложилась своя достаточно закрытая от внешних влияний культурная среда с сильным исламским компонентом. Анализируя статистические данные, С. Нурминский указывал, что в 1871 г. в Уржумском уезде на 18 татаро-мусульманских селений приходилось 11 мечетей. Он писал: «Во всех деревнях, где есть мечеть, есть и школа, а в которой деревне две мечети, там две школы, как в Паранге и Алшайке»²³. В этом он видел одну из причин «устойчивости» местных мусульман, их приверженности своей религии, языку и культуре.

Такая закрытость приводила к нежеланию значительной части мусульманского населения края отдавать своих детей в русские школы, изучать русский язык, принимать участие в работе уездных и губернских учреждений. В свою очередь, незнание русского языка рассматривалось губернской администрацией как важное препятствие их эффективной деятельности в составе органов самоуправления. Несмотря на указанные сдерживающие факторы, как показывают имеющиеся документы, в районах проживания татар и башкир Вятской губернии мусульмане имели возможность участвовать в волостных, земских и городских выборах. Степень этого участия была разной и зависела от многих обстоятельств.

Участие мусульман в волостных органах Вятской губернии

Органы крестьянского самоуправления были представлены на уровне сельских обществ и волостей. Выборными должностями были сельский староста, волостной старшина, помощники волостного старшины, сбор-

²² Памятная книжка Вятской губернии... С. 28–29.

²³ Нурминский С. Статистические сведения по церковным приходам Уржумского уезда. (Окончание) // Вятские губернские ведомости. 1871. № 39. С. 4.

щики податей и заседатели волостных правлений. Избирались они в зависимости от уровня либо сельскими, либо волостными сходами из числа членов соответствующих сельских обществ²⁴. Поэтому состав сельских и волостных органов напрямую зависел от структуры местного населения. Если сельское общество или волость полностью были сформированы из представителей определенной конфессии, то они и занимали должности крестьянского самоуправления.

Сложнее было в волостях со смешанным населением. Г.В. Бурлова отмечает наличие законодательных ограничений по конфессиональному принципу для избрания в волостные старшины для старообрядцев, в отличие от других должностей волостных правлений²⁵. Свое влияние на состав сельских и волостных органов оказывали осуществлявшие надзор за их деятельностью мировые посредники, а потом земские начальники. Они же утверждали в должности избранных на сходах волостных старшин²⁶.

Имеющиеся данные по составу органов крестьянского самоуправления Вятской губернии подтверждают, что преобладание мусульман среди населения определенной волости обеспечивало занятие ими выборных должностей. В списке волостных старшин по Сарапульскому уезду Вятской губернии за 1893 г., на тот момент включавшему 39 волостей, только четверо не принадлежали к православной вере. Среди них указаны и два мусульманина. Это – волостной старшина Исембаевской волости (с 1892 г.) З.Н. Аминов 38-ми лет и волостной старшина Агрызской волости (с 1889 г.) Н. Гайнуллин 45-ти лет²⁷. В обеих волостях проживало преимущественно мусульманское население. Согласно «Материалам по статистике Вятской губернии», в Агрызской волости основная доля населения приходилась на татар-мусульман. В Исембаевской волости помимо татар ислам исповедовали и башкиры.

О приверженности населения волостей исламу свидетельствует тот факт, что к началу 1890-х гг. здесь не было ни одной православной церкви. И напротив, практически в каждом населенном пункте располагались мечеть и мусульманская школа. В крупных поселениях могло действовать

²⁴ ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. 36. С. 158.

²⁵ Бурлова Г.В. Правовые аспекты деятельности волостных и сельских должностных лиц крестьянского самоуправления во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8. Ч. 3. С. 49.

²⁶ ПСЗРИ-3. СПб., 1891. Т. 9. С. 510–524.

²⁷ Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 584. Оп. 4. Д. 1731. Л. 65–66, 169–170.

сразу несколько мечетей и школ. В деревне Исенбай, например, было три мечети (одна строилась), а обучение детей вели четыре муллы²⁸.

Волостной старшина был важной фигурой в крестьянском самоуправлении и в отношениях с внешним миром. На него возлагались самые разные функции, к числу которых относились созыв волостного схода, вынесение на его рассмотрение дел, исполнение приговоров, наблюдение за мирскими капиталами и имуществами, сельскими и волостными должностными лицами, исполнением государственных и других повинностей, соблюдением порядка в волости, выдача документов для получения крестьянами паспортов, позволявших им покидать место жительства, и др.²⁹ Крестьяне-мусульмане, избирая волостного старшину из своей среды, руководствовались прежде всего его хозяйственными и личностными качествами, которые обеспечивали ему уважение и влияние в обществе.

Авторитет среди крестьян волости был важной характеристикой волостного старшины и для надзорных и административных органов. В то же время знание им русской грамоты было не столь важным, как для кандидатов в земские или городские учреждения. В распоряжении волостного старшины находился писарь, ведший все делопроизводство. Даже среди русских, занимавших эту должность в своих волостях, далеко не все были грамотными.

Представительство мусульман в вятских земствах

Земская система выборов, неоднократно подвергавшаяся реформированию, предоставляла право участия в органах самоуправления налогоплательщикам соответствующих территорий в зависимости от имущественного ценза или принадлежности к сельскому обществу. Положения о земских учреждениях 1864 и 1890 г. не содержали ограничений по религиозному принципу. В этой связи мусульмане могли участвовать в выборах и по цензовым куриям, и от сельских обществ на равных условиях с христианами. В городе, волости и уезде количество мусульман, имевших право быть избранными, было значительным, их представители имели реальный шанс войти в состав земских собраний.

До 1917 г. земства существовали на уровне уездов и губерний. Административно-территориальное устройство земских губерний было таково, что правительство могло не опасаться абсолютного преобладания мусульман в земстве. Тем более что оно имело возможность регулировать состав

²⁸ Сарапульский уезд. Подворная опись // Материалы по статистике Вятской губернии: Вятка, 1892. Т. VII. Ч. 2. Прил. С. 3, 51–55.

²⁹ ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. 36. С. 153–154.

земских собраний, законодательно устанавливая количество гласных от разных избирательных курий и наделяя губернатора и другие административные органы дополнительными полномочиями. По Положению 1890 г. губернатор утверждал гласных от сельских обществ из числа избранных кандидатов, что значительно увеличивало его возможности влиять на состав земских собраний³⁰.

Первые земские собрания и управы в Вятской губернии начали свою работу в 1867 г. Имеющиеся материалы показывают, что мусульмане избирались в земские гласные в уездах, где они были преимущественно расселены, как по ценовым куриям, так и от сельских обществ. Но их количество было невелико в процентном соотношении к общему числу гласных. Наиболее представительным по числу мусульман было Елабужское уездное земское собрание, где их количество в отдельные созывы могло достигать пяти человек и 25% состава. Неслучайно, что именно Елабужское земство поставляло мусульманских представителей из числа своих гласных в Вятское губернское земское собрание. Гласные-мусульмане избирались в Елабужском уезде и по ценовым куриям, и от сельских обществ. Среди обладателей полного имущественного ценза были чаще всего землевладельцы. Мусульмане-купцы в Елабужском уездном земском собрании в единичном числе стали появляться с 1880-х гг. Можно назвать купцов М.Р. Исмагилова, Ш.З. Зайтова, М.В. Альмухаметова.

Интересы женщин-мусульманок, обладавших необходимым имущественным цензом, в земстве защищали их представители мужского пола. Это могли быть родственники, а в Вятской и некоторых других губерниях, испытывавших недостаток проживающих в них земельных собственников, и управляющие. В последнем случае конфессиональный фактор не всегда учитывался. В 1894 г., например, в Елабужское собрание как управляющий княгини З. Чингиз прошел агроном Д.С. Пащевский.

Поскольку количество избирателей-цензовиков, приходивших на выборы, было невелико, гласными на протяжении многих лет оказывались одни и те же лица. Так, землевладельцы М.Я. Юнусов и И.А. Муратов были в числе гласных с первых лет существования земства до конца 1880-х гг. Крестьяне-мусульмане избирались от тех волостей, где они локально проживали. В Елабужском уездном земском собрании это были обычно представители сельских обществ Терсинской и Салаушской волостей. В отличие от гласных, избранных по ценовым куриям, фамилии мусульман-крестьян в земстве менялись в каждом созыве. Несмотря на постоянное присутствие мусульманских гласных в Елабужском собрании, в состав уездной земской

³⁰ *Мыш М.И.* Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. С. 52.

управы они стали входить только в начале XX в. (с 1906 г. трижды членом управы избирался крестьянин А. Музафаров и один раз князь И. Чингиз). В качестве одной из причин этого можно назвать наличие более строгих требований закона к кандидатам в члены и председатели земских управ.

В Малмыжском уезде, несмотря на столь же значительное число мусульман в структуре населения, как и в Елабужском, сложилась совсем иная ситуация с их представительством в земских собраниях. Среди обладателей необходимого имущественного ценза было очень мало мусульман. Поэтому они крайне редко проходили по цензовым куриям. Можно назвать потомственного почетного гражданина Г.Ш. Утямышева, избравшегося гласным Малмыжского уездного земского собрания в 1891 и 1894 гг.

Гораздо чаще мусульмане входили в состав земских собраний уезда как крестьянские представители сельских обществ Кошкинской, Янгуловской и других волостей, где их число было значительным.

Общее количество мусульман в Малмыжском уездном земском собрании обычно колебалось от одного до двух человек. Ситуация изменилась в начале XX в., когда в 1906 г. были отменены избирательные ограничения для крестьян, что стало одним из следствий Первой русской революции³¹. В 1909 г. в состав Малмыжского земского собрания прошли четыре мусульманина (21%). Все они были крестьянами и прошли в собрание как от сельских обществ, так и по цензовой курии. Среди обладателей необходимого ценза был «яичный король» Г. Хамидуллин, происходивший из крестьян Нижнечетаевской волости, население которой наполовину состояло из татар³². Он прослужил в звании гласного в общей сложности более десяти лет в 1903–1906 и 1909–1917 гг. Его активная предпринимательская деятельность не только в уезде, но и в Малмыже позволяла ему, как будет показано далее, участвовать и в городских выборах.

Схожее положение было в Сарапульском и Уржумском уездах, где в отдельные годы крестьяне-мусульмане определенных волостей избирались в гласные земских собраний. В Сарапульское собрание они проходили в 1867, 1906, 1909 гг. и представляли Агрызскую или Исембаевскую волости. В Уржумском земском собрании до начала 1880-х гг. это были представители Турекской волости, где, по данным земской статистики, проживало более 10 тысяч татар³³.

³¹ ПСЗРИ-3. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. С. 893.

³² Рафиков А.М. Новые исследовательские подходы к изучению истории татарского купечества Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1. С. 58.

³³ Уржумский уезд // Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1887. Т. II. Ч. 2. Отд. 2. Табл. № 2. С. 80.

Данные по земским выборам 1894 г. свидетельствуют, что на крестьянское представительство в земстве оказывала влияние позиция губернатора и земских начальников. В этом году было избрано от сельских обществ губернии восемь представителей татар и башкир. Из них губернатор утвердил только двоих. Гласным Малмыжского уездного земского собрания стал прошедший военную службу, владевший русской и татарской грамотой сорокалетний И. Абдуллин, избранный крестьянами от Янгуловской волости. Председатель Малмыжского уездного съезда, представляя его губернатору, отмечал, что И. Абуллин знает русскую грамоту и будет «лучшим представителем» из числа избранных крестьянами татар. Более того, он считал желательным участие в земском собрании гласного из татар для решения связанных с ними вопросов, поскольку они составляют четверть населения уезда³⁴.

В Елабужское уездное земское собрание вошел крестьянин татарской деревни Камаевой Кураковской волости неграмотный И. Минячев, которому на момент избрания было 59 лет³⁵. До этого момента он много лет служил на выборных должностях в волостных органах, был сборщиком податей, волостным судьей, заседателем, что говорит об его авторитете среди крестьян. Можно предположить, что именно данное обстоятельство стало весомым аргументом для утверждения губернатором И. Минячева в звании земского гласного. Его избрание также интересно тем, что население Кураковской волости, в отличие от Янгуловской, было смешанным. Татары здесь составляли только половину жителей, другая половина приходилась на русских и в несколько раз уступавших им по численности удмуртов и марийцев. При этом крестьянами Турекской волости Уржумского уезда (схожей по соотношению татар с русскими и марийцами) при выборе кандидата в земские гласные предпочтение было отдано представителю другой этноконфессиональной группы, нежели в Кураковской волости. Им стал грамотный сорокапятiletний православный К.Т. Головизнин, который однако не был утвержден губернатором³⁶.

Наличие среди избирателей отдельных уездов Вятской губернии значительного количества мусульман обеспечивало их достаточно постоянное присутствие в составе соответствующих земских собраний. На количественные показатели представительства влияла совокупность факторов. Избрание по цензовым куриям требовало от кандидатов обладания необ-

³⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 122. Д. 21. Л. 146 об.

³⁵ Там же. Д. 43. Л. 102–105.

³⁶ Там же. Д. 8. Л. 26.

ходимым имущественным цензом. Выбор гласных от сельских обществ зависел не только от состава населения волости, но также от авторитета кандидатов, позиции земских начальников, губернатора и проч.

Мусульманское представительство в городском самоуправлении Вятской губернии

В отличие от земского законодательства, Городовое положение 1870 г. уже устанавливало процентное соотношение между представителями христиан и остальных конфессий. Доля последних должна была составлять не более одной трети городских управ³⁷. Вышедшее в 1892 г. новое положение ввело ограничение и для городских дум. Количество нехристиан в них не должно было превышать одной пятой. Отступление от этой нормы допускалось с разрешения министра внутренних дел в городах, где по причине малочисленности христиан было невозможно ее соблюсти³⁸.

В Вятской губернии основным сдерживающим фактором представительства мусульман в органах городского самоуправления был имущественный ценз. Выборы в городские думы носили цензовый характер. Городовое положение 1870 г. наделяло избирательными правами городских обывателей, проживших в городе не менее двух лет и плативших в пользу города налоговые сборы с недвижимых имуществ, купеческих, промысловых, приказчичьих первого разряда свидетельств и с билетов на содержание промышленных заведений. Размер ценза не был установлен, но избиратели делились по сумме уплачиваемых сборов на три собрания, от каждого из которых выбиралось равное количество городских гласных. Благодаря этому наиболее состоятельным горожанам обеспечивалось приоритетное представительство³⁹.

Городовое положение 1892 г. установило точные размеры имущественного ценза. Для того, чтобы участвовать в выборах, необходимо было не менее года владеть облагаемым в пользу города сбором недвижимым имуществом, минимальная оценочная стоимость которого в зависимости от статуса города составляла от 300 до 3 тысяч руб., либо содержать в столицах на основе приобретенного свидетельства торгово-промышленное предприятие первой гильдии, в остальных городах – первой и второй гильдии⁴⁰.

³⁷ ПСЗРИ-2. СПб., 1874. Т. 45. Отд. 1. С. 831.

³⁸ ПСЗРИ-3. СПб., 1895. Т. 12. С. 439.

³⁹ ПСЗРИ-2. СПб., 1874. Т. 45. Отд. 1. С. 825–826.

⁴⁰ ПСЗРИ-3. СПб., 1895. Т. 12. С. 437.

Среди мусульман-горожан Вятской губернии обладателей необходимого ценза было мало. Как отмечалось выше, в таких городах, как Елабуга, Малмыж, Сарапул, количество мусульман среди жителей было значительным. Несмотря на это, право быть избранными в городские думы получили очень немногие. В начале XX в. среди избирателей перечисленных городов мусульмане составляли всего от трех до семи процентов. Находясь на избирательных собраниях в абсолютном меньшинстве при достаточно большом по сравнению с земскими выборами по цензовым куриям общем количестве городских избирателей, мусульманские представители крайне редко проходили в состав местных городских дум. Так, в 1871 г. гласным Малмыжской городской думы первого созыва был избран купец второй гильдии Б.Ш. Ишмуратов.

Интересные выводы о распространении предпринимательства у мусульман Вятской губернии позволяет сделать анализ списков избирателей, которые публиковались в газете «Вятские губернские ведомости». В Елабуге и Сарапуле избиратели-мусульмане были представлены преимущественно крестьянами. В 1901 г. в Елабуге из восьми мусульман, обладавших избирательным правом, шестеро являлись крестьянами, в Сарапуле – четверо из пяти человек. И только в Малмыже на пять избирателей-мусульман приходился один крестьянин. Среди других мусульманских избирателей были купцы М.-Г. Нафиков и А.-Л. Хакимов и мещане М.К. Музафаров и У. Маннафов. Избирателей из крестьян представлял Г. Хамидуллин, который, как указывалось ранее, начиная с 1903 г., неоднократно становился земским гласным. В список городских избирателей он был включен как обладатель промыслового свидетельства второго разряда на торговое предприятие и недвижимого имущества оценочной стоимостью в 600 руб⁴¹. Как отмечает В.Г. Рафиков, свою предпринимательскую деятельность Г. Хамидуллин начинал с мелкой лавочной торговли в деревне Старый Ирюк и Малмыже. Торговля куриным яйцом позволила ему освоить не только губернский, но российский и даже зарубежные рынки⁴². При этом успешная предпринимательская деятельность давала возможность Г. Хамидуллину тратить средства на благотворительность и проявлять активность на общественном поприще, участвуя в городских и земских выборах.

⁴¹ Список лиц, имеющих право участвовать в выборах гласных Малмыжской городской думы по силе ст. 24 Городового положения 11 июня 1892 г., на четырехлетие с 1902 г. Особое приложение к № 65 «Вятских губернских ведомостей», официальной части 1901 г. // Вятские губернские ведомости. 1901. № 65. С. 1–2 [9–10].

⁴² Рафиков А.М. Новые исследовательские подходы к изучению истории татарского купечества Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1. С. 58.

Современники отмечали склонность татарских крестьян к занятию торговлей, иногда даже в ущерб земледелию. Наличие среди городских избирателей-мусульман крестьян свидетельствует о том, что предпринимательская деятельность некоторых из них была достаточно успешной и позволяла им перебираться в город, вести там торговлю, приобретать дома. Однако в большинстве своем татары Вятской губернии относились к мелким и средним предпринимателям, ориентированным на сферу торговли. Владельцев крупных промышленных предприятий и капиталов среди них было мало. Подобный уровень развития предпринимательства в рассматриваемый период сказался на незначительной численности мусульман среди обладателей необходимого имущественного ценза для избрания в городские гласные. И если в земских собраниях Елабужского, Малмыжского, Сарапульского, Уржумского уездов мусульмане присутствовали достаточно регулярно, то в соответствующих городских думах они появлялись крайне редко.

Выводы

Формирование мусульманского представительства в органах самоуправления Вятской губернии отражало как общую ситуацию, сложившуюся в Российской империи и во многом определявшуюся правовыми нормами, так и региональные особенности. Реформы второй половины XIX – начала XX в. способствовали включению мусульманских народов в число избирателей. Законодательные ограничения для участия граждан Российской империи нехристианских конфессий в выборах были отменены только в Городовом положении 1870 г.

Пример Вятской губернии показывает, что потребность в обращении к этой норме могла и не возникнуть. Городское и земское избирательное законодательство регулировало представительство от разных социальных групп с помощью установления имущественного ценза, количества гласных, способа проведения выборов, механизма утверждения отдельных категорий кандидатов и др. Все это приводило к тому, что проживание на территории мусульманских народов еще не гарантировало им равноценного участия в общественном самоуправлении разных уровней.

В Вятской губернии Елабужский и Малмыжский уезды, имея примерно равную долю мусульман в структуре населения, отличались по степени их участия в земских собраниях. Наличие в первом достаточного количества избирателей не только среди крестьян, но и среди обладателей необходимого имущественного ценза обеспечили хорошее представительство

мусульман в земстве. Малмыжский уезд смог добиться этих показателей только в начале XX в., когда были отменены ограничения избирательных прав крестьян.

Установленный Городовым положением имущественный ценз оказался высоким для основной части мусульман Вятской губернии. Численное меньшинство среди избирателей также не способствовало регулярному участию мусульманских представителей в работе городских дум края.

Но напрямую состав населения влиял только на крестьянские органы. В волостях, где количество мусульман приближалось к 100%, они занимали выборные должности. В смешанных по составу населения районах это было возможно в отношении лишь некоторых выборных должностей и при этом было обусловлено рядом дополнительных факторов (в том числе долей мусульман на волостных сходах, личными качествами и авторитетом кандидата, позицией волостных сходов, земских начальников, губернатора).

© Субботина А.М., 2018

Рукопись поступила: 11 апреля 2018 г.

Submitted: 11 April 2018

References

- Alieva, S.I., and Kuliev, F.M. “Zakonotvorcheskaya deyatel’nost’ deputatov-musul’man v Gosudarstvennoy dume rossiyskoy imperii (1906–1917 gg.)” [Legislative activity of Muslim deputies in the state Duma of the Russian Empire (1906–1917.)] *Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, no. 3 (2017): 5–8 (in Russian).
- Azamatova, G.B. “Zemskoe samoupravlenie na Yuzhnom Urale: opyt realizacii i regional’nye osobennosti (1874–1917 gody).” [Territorial self-government in the South Urals: the experience of implementation and regional characteristics (1874–1917)] *Magistra Vitae: the electronic journal for historical Sciences and archaeology*, no. 6 (2015): 57–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24075310> (in Russian).
- Bulova, G.V. “Pravovye aspekty deyatel’nosti volostnyh i sel’skih dolzhnostnyh lits krest’yanskogo samoupravleniya vo vtoroy polovine XIX v.” [Legal aspects of township and village officials and peasant self-government during the second half of the 19th century] *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 8 (2011): 47–52 (in Russian).
- Iskhakov, S.M. “Mirovaya vojna i musul’manskaya obshchestvennost’ v Rossii.” [World war I and the Muslim community in Russia] *Vestnik Tver State University. Seriya: History*, no. 4 (2014): 23–37 (in Russian).

- Kirmse, S.B. “New Courts in Late Tsarist Russia: On Imperial Representation and Muslim Participation.” *Journal of Modern European History* 11, no. 2 (2013): 243–263. https://doi.org/10.17104/1611-8944_2013_2_243 (in Russian).
- Kutlugallyamov, M. “Deputat ot naroda. U istokov parlamentarizma v Rossii.” [Deputy from people. At the origins of parliamentarism in Russia] *Vatandash* [Compatriot], no. 9 (2017): 3–32 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. “Predstaviteli Stepnogo kraia i Turkeстана v rossiyskom parlamente: opyt fraktsionnogo vzaimodeystviya v reshenii regional’nyh etnosotsial’nyh problem.” [Representatives of the Steppe region and Turkestan in the Russian Parliament: experience of fractional interaction in solving regional ethnic and social problems] *Bylye gody* 44, no. 2 (2017): 616–624. <https://doi.org/10.13187/bg.2017.2.616> (in Russian).
- Mysh, M.I. *Polozhenie o zemskih uchrezhdeniyah so vseimi odnosyashchimisya k nemu uzakonenyami, sudebnymi i pravitel’svennymi raz’yasneniyami* [Regulations on the Zemstvo institutions with all the related laws, judicial and governmental explanations]. St. Petersburg: N.A. Lebedeva’s Press, 1883 (in Russian).
- *Polozhenie o zemskih uchrezhdeniyah 12 iyunya 1890 g. so vseimi odnosyashchimisya k nemu uzakonenyami, sudebnymi i pravitel’svennymi raz’yasneniyami* [Regulations on the Zemstvo institutions with all the related laws, judicial and governmental explanations]. 2nd ed. St. Petersburg: N.A. Lebedev’s Press, 1896 (in Russian).
- Naganawa, N. “Transimperial Muslims, the Modernizing State, and Local Politics in the Late Imperial Volga-Ural Region.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 18, no. 2 (2017): 417–436. <https://doi.org/10.1353/kri.2017.0027> (in Russian).
- Nurminsky, S. “Statisticheskie svedeniya po tserkovnym prihodam Urzhumskogo uezda. (Okonchanie).” [Statistical data on Church parishes of the Urzhumsky district (End)] *Vyatskie gubernskie vedomosti*, no. 39 (1871): 4 (in Russian).
- Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii i kalendar’ na 1907 g.* [Memorial book of Vyatka province and calendar for 1907], 24–29. Vyatka: Gubernskaya tipografiya Press, 1907 (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* – 2 (thereafter – PSZRI-2) [Full collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 36. St. Petersburg: [S.n.], 1863 (in Russian).
- PSZRI-2. Vol. 36. St. Petersburg: [S.n.], 1863 (in Russian).
- PSZRI-2. Vol. 45. St. Petersburg: [S.n.], 1874 (in Russian).
- PSZRI-3. Vol. 12. St. Petersburg: [S.n.], 1895 (in Russian).
- PSZRI-3. Vol. 26. St. Petersburg: [S.n.], 1909 (in Russian).
- PSZRI-3. Vol. 9. St. Petersburg: [S.n.], 1891 (in Russian).
- Rafikov, A.M. *Formirovanie i deyatelnost’ tatarskogo kupechestva v Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Formation and activity of Tatar merchants in Vyatka province in the second half of 19th – early 20th century]. Ph.D. diss., P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2012 (in Russian).
- “Novye issledovatel’skie podhody k izucheniyu istorii tatarskogo kupechestva Vyatskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.” [New research approaches to the study of the history of the Tatar merchants of the Vyatka province in the second

- half of the 19th – early 20th century] *Herald of Vyatka State University*, no 1 (2013): 53–60 (in Russian).
- Salikhov, R.R. *Obshchestvenno-reformatorskaya deyatel'nost' tatarskoy burzhuazii Kazani (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Social-reformatory activity of the Tatar bourgeoisie of Kazan (second half of 19th – early 20th centuries)]. Ph.D. thesis, Al-Farabi Kazakh National University, 1998 (in Russian).
- Sarapul'skiy uezd. Podvornaya opis'. Materialy po statistike Vyatskoy gubernii* [Sarapulsky County. Household inventory. Materials of the statistics Vyatskaya provinces]. Vol. 7, parts 2–3, 51–55. Vyatka: [S.n.], 1892 (in Russian).
- Spisok lits, imeyushchih pravo uchastvovat' v vyborah glasnyh Malmyzhskoy gorodskoy dumy po sile st. 24 Gorodovogo polozheniya 11 iyunya 1892 g., na chetyrekhletie s 1902 g. Osoboe prilozhenie k № 65 «Vyatskih gubernskih vedomostey», ofitsial'noy chasti 1901 g.* [The list of persons entitled to participate in the elections of vowels of the Male city Council by virtue of article 24 of the City regulations of June 11, 1892, for the fourth anniversary since 1902. Special Annex to No. 65 “Vyatka provincial Gazette”, the official part of 1901] *Vyatskie gubernskie vedomosti*, no. 65 (1901): 9–10 (in Russian).
- Subbotina, A.M. “Sotsial'no-demograficheskaya karakteristika krest'yanskih glasnyh zemskih sobraniy 1890-h gg. Po materialam Gosudarstvennogo arhiva Kirovskoy oblasti.” [Socio-demographic characteristics of farm households vowels of the provincial Assembly of the 1890s According to the materials of the State archive of the Kirov region] *Herald of an archivist*, no. 4 (2017): 183–193. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2017-4-183-193> (in Russian).
- Tsiunchuk, R.A. “Natsional'nyy vopros v Gosudarstvennoy dume nakanune i vo vremya Pervoy mirovoy voyny.” [National issue in the state Duma on the eve and during the First world war] *Russian history*, no. 5 (2014): 91–109 (in Russian).
- Urzhumskiy uezd. Materialy po statistike Vyatskoy gubernii* [Urzhumsky district. Materials of the statistics Vyatskaya provinces]. Vol. 2, part 2, tables 2, 80. Vyatka: [S.n.], 1892 (in Russian).
- Usmanova, D.M. “Musul'manskie deputaty v Gosudarstvennoy dume (1906–1917 gg.): novaya politicheskaya elita v Rossiyskoy imperii.” [Muslim deputies in the state Duma (1906–1917): new political elite in the Russian Empire] *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Series: Humanities*. Vol. 115, book 3, part 1, (2013): 113–124 (in Russian).
- Vladimirova, L.M. “Uchastie musul'man-glasnyh v deyatel'nosti Samarskogo zemstva.” [Participation of Muslim vowels in the activities of the Samara Zemstvo] *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya*, 338–346. Vol. 2. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2011 (in Russian).
- *Samarskoe zemstvo i krest'yane-musul'mane gubernii (1865–1914 gg.)* [Samara Zemstvo and Muslim peasants of the province (1865–1914)]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016 (in Russian).
- Zadereychuk, A.A. “Izbitatel'nye kampanii v organy zemskogo samoupravleniya Tavricheskoy gubernii: krymsko-tatarskaya spetsifika.” [The election campaign in the bodies of territorial self-government of Tauride province: Crimean Tatar

specificity] *Prostranstvo i vremya* 12, no. 1. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26184299> (in Russian).

——— “Uchastie krymskih tatar v Tavricheskom gubernskom zemskom sobranii.” [The participation of Crimean Tatars in Tauride province Zemstvo Assembly] *Scientific works of the historical faculty of Zaporizhzhya National University*, no. 35 (2013): 69–74 (in Russian).

Zigangirova, G.R. *Sistema organov mestnogo samoupravleniya Kazanskoj gubernii v seredine XIX – nachale XX vv. (organizatsiya i mesto v obshchestvenno-politicheskoy zhizni)* [The system of local governments of Kazan province in the mid-19th – early 20th centuries (organization and place in social and political life)]. Ph.D. thesis, Al-Farabi Kazakh National University, 2003 (in Russian).

Archives

Gosudarstvennyy arhiv Kirovskoy oblasti (thereafter – GAKO) [State Archive of the Kirov Region], f. 584, op. 4, d. 1731, ll. 65–66, 169–170.

GAKO, f. 582, op. 122. d. 21, l. 146 ob. (in Russian).

GAKO, f. 582, op. 122. d. 43, ll. 102–105 (in Russian).

GAKO, f. 582, op. 122. d. 8, ll. 26, 146 ob. (in Russian).

Muslim representatives in self-government of Russian regions in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of Vyatka province)

Anna M. Subbotina

Udmurt Institute of History, Language and Literature

Udmurt Federal Research Centre

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

4, Lomonosova St., Izhevsk, Russia, 426004

anmisu@yandex.com; annnamisu@gmail.com

Abstract: The author explores the issue of the participation of Muslim representatives in the zemstvo, volost (parish) and city self-government of the Vyatka province of the Russian Empire in 1860–1916. The study of the situation in the Vyatka province shows the legal status of Muslims in those Russian territories where Islam was spread. The main materials of the study were the documents of the State archive of the Kirov Region and local periodicals. Muslims in the region were Tatars and Bashkirs. Their number varied in different districts of the province. The author makes a comparative analysis of the participation of Muslims in the volost, zemstvo and city self-government. The researcher claims that in the Muslim districts of the province their representatives participated in the self-government of different levels. However, there was no direct correlation between the number of the Muslim

population and the number of Muslim representatives in city councils, zemstvo and volost boards. Various factors influenced the election of Tatars and Bashkirs to self-government bodies. Legislative acts established legal norms for the formation of a representative office. The maximum proportion of non-Christians was only in city assemblies. The final result was also influenced by the number of Muslims among voters of different categories, the authority of candidates, the position of the electoral assemblies and the local administration. To a greater extent, the composition of the population reflected the zemstvo and volost self-government. It was a small number of Muslim citizens among owners of the property which became the reason for their weak participation in the city municipal Duma.

Keywords: Muslims, Tatars, Bashkirs, zemstvo, municipal Duma, volost headman, Vyatka province

For citation: Subbotina, Anna M. “Muslim representatives in self-government of Russian regions in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of Vyatka province).” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 639–660. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-639-660

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-661-674

Бухарское население Сибири в первое послереволюционное десятилетие

В.Г. Дацышен

Сибирский федеральный университет
660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 79
dazishen@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы жизни общины сибирских бухарцев в первое десятилетие после Революции 1917 г. В центре внимания автора – бухарцы Тарского округа Сибирского края¹, их экономическое, политическое и культурное развитие в первое послереволюционное десятилетие. Автор показывает, что бухарцы вместе со всем населением Сибири пережили трудные годы Первой мировой и Гражданской войн, а Революция 1917 г. первоначально дала им надежду на улучшение положения. Однако эти надежды не оправдались, социально-экономическое и политическое положение бухарцев в Сибири оказалось значительно хуже, чем других групп населения, что стало основной причиной желая значительной части сибирских бухарцев выехать из СССР в Турцию. В статье вводятся в научный оборот новые архивные документы, отражающие политику государства в связи с желанием бухарцев выехать из СССР. Документы из фондов Государственного архива Новосибирской области позволяют детальнее рассмотреть проблемы социально-экономического и культурного развития сибирских бухарцев к середине 1920-х гг. Особый интерес представляет разработанная в 1925 г. в Новосибирске программа улучшения экономического, политического и культурного положения бухарского населения Сибири. Автор приходит к заключению, что подобные мероприятия советской власти не смогли покончить с «переселенческими настроениями» бухарцев. Последний раз в переписи населения Сибири бухарцы были отмечены в 1926 г. Несмотря на то, что советское руководство в том же году не выдало им разрешения на выезд в Турцию, к концу 1920-х гг. все-таки часть бухарцев эмигрировала из СССР, а остальные были формально включены в состав сибирских татар. Автор считает, что одной из причин «исчезновения» бухарцев Сибири было то, что в большинстве своем они не приняли политики большевиков, заявив к середине 1920-х гг. о своем нежелании оставаться на советской территории и намерении покинуть СССР.

Ключевые слова: бухарцы, сибирские татары, бухарская волость, Тарский округ, национальный вопрос

¹ Сибирский край (с административным центром в г. Новосибирске) – административно-территориальная единица в РСФСР, существовавшая с 1925 по 1930 г. Включал в себя 16 округов, 221 район, 1 автономную область (Ойротскую), 1 губернию (Иркутскую). Тарский округ был образован в пределах Тарского уезда Омской губернии с центром в городе Тара, включал 10 районов.

Для цитирования: Дацышен В.Г. Бухарское население Сибири в первое послереволюционное десятилетие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 661–674. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-661-674

Введение

Среди народов России этно-культурная группа сибирских бухарцев занимала особое место. Относительно немногочисленная и в последние два века малозаметная в политической жизни страны, эта община сыграла выдающуюся роль в деле освоения и развития Сибири в XVII–XVIII вв. Однако дальнейшее развитие этой этнокультурной группы, особенно в начале XX в., столкнулось с серьезными препятствиями. В сибирские бухарцы они стали утрачивать «сословно-административную» самостоятельность, а установлением советской власти предприняли попытку массового выезда за пределы России. Хотя именно в 1926 г. была зафиксирована наибольшая численность сибирских бухарцев за всю историю – более 15 тыс. человек, уже во второй половине 1920-х гг. формально бухарцы были «вычеркнуты из советской семьи народов России». После переписи 1926 г. такого этноса, как бухарцы, в советских статистических данных уже не существовало. Но этно-культурная общность сибирских бухарцев не исчезла, а в постсоветскую эпоху этноним бухарцы вновь появился в официальных документах. Переписи начала XXI в. фиксируют бухарцев в составе сибирских татар, хотя численность их в последние годы неуклонно снижается. Таким образом, первые годы советской власти в Сибири стали важнейшими в истории сибирских бухарцев, критическими на пути их этнокультурного и политического развития.

История сибирских бухарцев не была обделена вниманием отечественных исследователей. Хотя специальных работ, посвященных именно этому народу, не много. В отечественных изданиях были опубликованы статьи о сибирских бухарцах Ф.Т. Валеева, А.П. Яркова и И.Б. Гарифуллина, Г.Л. Файзрахманова, В.П. Клюевой, М.Н. Тихомировой и др.² Традици-

² Валеев Ф.Т. Бухарцы сибирские // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань, 2002. С. 509; Ярков А.П., Гарифуллин И.Б. Бухарцы в Западной Сибири // Топос. Литературно-философский журнал. 2004. 06. 02. URL: <http://www.topos.ru/article/2394>; Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002; Он же. Бухарцы в Западной Сибири в XVII – начале XX веков // Вестник Башкирского университета. 2005. № 3. С. 69–71; Клюева В.П. Сибирские бухарцы Тобольской губернии (конец XVII – XIX вв.): демографический анализ // Словоцковские чтения-2001:

онно отдельные статьи о бухарцах имеются в сибириведческих словарях³. История бухарцев рассматривается в работах о сибирских татарах. Но нам не удалось найти ни одного специального монографического исследования по истории сибирских бухарцев. При этом наименее изученным периодом истории сибирских бухарцев является XX в., включая ключевое время первого десятилетия советской истории. Здесь определенный задел имеется лишь благодаря трудам омского историка Светланы Николаевны Корусенко⁴. Сегодня имеется возможность восстановить ход исторических событий и представить более детальный анализ истории бухарского населения Западной Сибири в первое послереволюционное десятилетие благодаря новым документам, в том числе выявленным в фонде Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета (Ф. Р-47) Государственного архива Новосибирской области.

Бухарцы Сибири в условиях реформ и революций

К началу XX в. сибирские бухарцы по своему образу жизни уже мало отличались от других групп местного населения. Известный исследователь С. Патканов писал: «Бухарцы, в прежние столетия составлявшие главную часть торгового сословия в крае, ныне занимаются главным образом земледелием и чернорабочим трудом, меньшая их часть, преимущественно более зажиточные также торговлей»⁵. Современные исследователи утверждают: «К концу XIX в. бухарцы мало чем отличались от сибирских татар, совершенно забыли свой язык, обычаи, ассимилировались и слились с сибирскими татарами»⁶. Правда, российские власти в Тобольской губернии в начале

тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001. С. 95–96; *Тихомирова М.Н.* Пища тарских бухарцев (уленкулевский куст) в середине XX – начале XXI веков // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11–8. С. 1835–1839; и др.

³ *Вилков О.Н., Дацьшэн В.Г.* Бухарцы // *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции в Сибири*. В 2-х тт.. А-Л. / Отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск, 2011. С. 105–107.

⁴ *Корусенко С.Н.* Сибирские бухарцы: динамика численности и расселение (XVII–XX вв.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. № 22. С. 485–491; *Она же.* Советская власть и национальные меньшинства в середине 1920-х гг. (на примере Тарского округа сибирского края) // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2014. № 4 (4). С. 91–102; *Она же.* Волость как инструмент сохранения идентичности группы (на примере сибирских бухарцев) // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2016. № 2 (10). С. 196–206.

⁵ *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. I. С. 56.

⁶ *Файзрахманов Г.Л.* Бухарцы в Западной Сибири в XVII – начале XX веков // *Вестник Башкирского университета*. 2005. № 3. С. 71.

XX в. указывали на наличие «антагонизма между отдельными племенами, как, например, между татарами и бухарцами»⁷.

Радикальные преобразования в жизни бухарской общины в Сибири наметились накануне Революции 1917 г., когда была предпринята попытка «административного разрушения» бухарской идентичности. Исследователи пишут: «Административная реформа 1910 г. была призвана окончательно сломать традиционную волостную организацию тюркоязычного населения юга Западной Сибири и сформировать волости по территориальному принципу. В волости должны были быть объединены различные группы: татары, оброчные чувальщики, бухарцы, бывшие служилые татары, относившиеся ранее к своим особым волостям»⁸.

После начала Революции 1917 г. сибирским бухарцам удалось частично восстановить свои права. Вот что писалось в одном из местных обращений к губернским властям: «Бухарская волость, бывшая ранее Ратушей, упразднена и мы, бухарцы, отчислены от нея к волостям не русским, а иноземным, к административному району которых теперь причислены якобы по близости юрт... очень тяготительно состоять в одной волости с чуждым для нас народом»⁹.

Летом 1917 г. была восстановлена бухарская волость в Тобольском уезде. В «Журнале Общего Присутствия Тобольского Губернского Управления по крестьянским делам» от 3 августа 1917 г. было записано: «...Признавая ходатайство бухарцев заслуживающим удовлетворения Общее Присутствие Тобольского Губернского Управления Определяет: разрешить образовать с 1 июля сего 1917 года из бухарцев юрт... самостоятельную волость “Бухарскую” с местопребыванием волостного правления в гор. Тобольске»¹⁰.

Таким образом, в первые годы после Революции 1917 г. в Сибири продолжали существовать две бухарские волости – Тобольская до 1924 г. и Тарская до 1926 г. Именно благодаря сохранению отдельных бухарских волостей очевидно, что бухарская идентичность сохранялась и признавалась властями на территории всей Сибири. Исследователи пишут: «До середины 20-х гг. XX столетия их относили к отдельному сословию. Почти все бухарцы одного уезда, несмотря на место проживания, были причислены в одну бухарскую волость. Жили они или в отдельных бухарских селениях (юрты

⁷ Корусенко С.Н. Волость как инструмент сохранения идентичности группы (на примере сибирских бухарцев) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 2 (10). С. 198.

⁸ Там же. С. 198.

⁹ Там же. С. 199–200.

¹⁰ Там же. С. 205.

Матъяровские и Ново-Шабабинские Тюменского уезда), или совместно с татарами, причем только в двух селениях (Ембаево, Тураево Тюменского уезда) и по численности преобладали над татарами»¹¹.

Пришедшие к власти в России большевики попытались заручиться поддержкой мусульманского населения. 20 ноября 1917 г. В.И. Ленин и И.В. Сталин подписали воззвание «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором объявили неприкосновенность их национальных и культурных учреждений и предложили устраивать свою жизнь свободно и неприкосновенно. Исследователи пишут: «Декрет о земле вдохнул надежды в безземельных – одной из первых на сибирской земле возникла коммуна “Бухарец”, показывая хорошие результаты: грамотные по-арабски и по-русски бухарцы живо осваивали новые агроприемы»¹².

Среди сибирских мусульман именно бухарцы были наиболее образованной и влиятельной группой. Однако в жестком противостоянии сибирского областничества и большевиков они не приняли активного участия. По крайней мере, документы по этой проблеме до настоящего времени в научный оборот не вводились.

С начала 1920-х гг. бухарская община, как и большинство тюрко-татарского населения Сибири, оказалась в оппозиции к большевикам. В одном из документов, датированном весной 1921 г., говорилось: «...Среди тюркских народов необходимо вести большую политическую работу, отсутствие ее привело к тому, что мусульмане нашей губернии, ранее не отличавшиеся особой воинственностью, в дни бандитизма активно участвовали в выступлениях против Советской власти»¹³.

После окончательного установления советской власти в Сибири значительная часть бухарцев осталась жить на прежних местах. В середине 1920-х гг. в Западной Сибири проживало до 15 тыс. бухарцев¹⁴. Однако к середине 1920-х гг., после ликвидации самостоятельного бухарского управления в Тюмени и Тобольске, бухарцы там «неожиданно исчезли». Исследователи указывают, что «по переписи 1926 г. почти все бухарцы отмечены именно в Тарском округе – 11517 (из них – 497 человек в г. Таре)»; в Тобольском округе данной переписью зафиксировано 3 бухарца, в Тюмен-

¹¹ *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002. С. 403.

¹² *Ярков А.П., Гарифуллин И.Б.* Бухарцы в Западной Сибири // Топос. Литературно-философский журнал. 2004. Об. 02. URL: <http://www.topos.ru/article/2394>

¹³ Там же.

¹⁴ *Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н.* Население Сибирского края. Новосибирск, 1928. С. 20.

ском – 81»¹⁵. Уменьшилась численность бухарцев и в других сибирских губерниях. Например, по официальным данным, уже в 1920 г. в Алтайской и Томской губерниях проживало всего 36 бухарцев¹⁶. По Всесоюзной переписи населения 1926 г., в составе населения в Канском, Ачинском и Хакасском округах Сибирского края бухарцев насчиталось всего 9 человек¹⁷. Сохранение большинства населения бухарцев именно в Тарском округе объясняется не только наличием в нем значительной бухарской общиной в прошлом, но и тем, что здесь сохранилась единственная в Сибири Бухарская волость.

Положение бухарского населения Тарского округа к середине 1920-х гг.

Как уже отмечалось выше, подавляющее большинство бухарцев в Сибири (более 11 тыс. человек) в переписи 1926 г. были зафиксированы по Тарскому округу. В документах Сибкрайисполкома за 1926 г. указывается следующая картина расселения сибирских бухарцев в этом округе: «Большинство бухарского населения проживает в Евгашинском районе – 1014 дворов с 4423 членами; в Усть-Ишимском и Тевризском районах – 1448 дворов с 6791 членами; в Знаменском – 709 дворов с 3630 душ населения. В остальных районах Тарского округа бухарцы проживают вкраплено незначительными группами»¹⁸.

Более детальная информация содержится в документах Тарского окрисполкома. Здесь называются «Юрты Аубатканские, Кумыслинские и Еланкульские. В Знаменском районе – Юрты Курмановские, в Тевризском районе – Юрты Байбахтинские, Юрты Аевские, Луковые, Нагорные, Красноярские, Тавинские и Утузские. В Усть-Ишимском районе – Юрты Аеванские, Тебендинские, Космаковские, Тюрметяжские и Сулашкие»¹⁹. Здесь же называются села Кошкуль, Яланкуль, Берняжка, «самый большой Татар.-Бух. район – Улянкуль»²⁰.

¹⁵ Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы: динамика численности и расселение (XVII – XX вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 490.

¹⁶ Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири 1922–1923. Национальный состав населения Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 9–10 (13–14).

¹⁷ Межэтнические связи Приенисейского региона. Красноярск, 2007. Ч. II. С. 126.

¹⁸ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 276. Л. 1 об.

²⁰ Там же.

Бухарцы Тарской области проживали, как правило, компактно. В документах Тарского окрисполкома говорилось: «Район, населенный инородцами состоит из 22 селений с общим числом хозяйств 1037, числом душ обоого пола 4547 из них мужчин 2229 и женщин 2318. Трудоспособных мужчин и женщин 2000 душ. Заселение района смешанное с преобладающим большинством инородческого населения»²¹.

Исследователи указывают: «Бухарцы, проживавшие в округе г. Тары, были расселены более компактно, в отличие от тюменской и тобольской группы. Существовало несколько кустов поселений этой группы: 1) на правом берегу Иртыша – Речапово, Атак, Киргап, Айткулово, Тимшенякова (Нерпина) и др., 2) далее, севернее – Сеитово; 3) на левом берегу Иртыша в лесостепной зоне бухарцами были основаны приозерные поселения – Уленкуль, Куйгалы, Аптрашитова, Каракуль, Черналы, Яланкуль и др.»²².

Если говорить о бухарских хозяйствах, то в Тарском округе большинство хозяйств имели одну или две лошади. Почти половина хозяйств имели пять и более коров. Пахотной земли более чем у половины обследованных хозяйств мелось около 1 десятины²³. По сравнению с русскими хозяйствами, бухарцы имели гораздо больше земли на один двор, но намного меньше сельскохозяйственной техники и засевали в несколько раз меньше.

Значительная часть сибирских бухарцев после победы советской власти уже не связывала свое будущее с Сибирью. В документах Тарского окрисполкома за подписью его председателя А. Плис отмечалось: «Они сидели здесь как на пересылке или на станции в ожидании отхода партии или поезда. Никто не препятствовал разрушению жилья, а о постройке или капитальном ремонте и не думали, мало интересовались своей землей...»²⁴. В «Протоколе Объединенного Инспекторско-Инструкторского Совещания при Тарском Отделении Селькредита от 26/VIII-1926 г.» говорилось: «Заслушав сообщение о состоянии хозяйств бухарского населения Евгашинского района, совещание констатирует резкий упадок экономической мощи крестьянских хозяйств бухарцев, произошедший с одной стороны по причине инертного отношения инородческого населения к ведению своих хозяйств... отсутствия интересов, апатии и отсталости в культурном отношении, и с другой благодаря влияния более сильных групп над слабыми,

²¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 276. Л. 11.

²² *Тихомирова М.Н.* Пища тарских бухарцев (уленкулевский куст) в середине XX – начале XXI веков // *Фундаментальные исследования*. № 11 (часть 8), 2014. С. 1835–1836.

²³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 276. Л. 11.

²⁴ Там же. Л. 3.

породивших мысль о переселении в Турцию»²⁵. В ноябрьском 1926 г. донесении Сибкрайисполкома во ВЦИК говорилось, что прежде сибирские бухарцы Тарского округа «находились в состоянии, которое можно охарактеризовать ожиданием выезда из пределов Союза»²⁶.

В середине 1920-х гг. сибирские бухарцы массово изъявили желание эмигрировать в Турцию. Эмиграционное движение бухарцев из Тарского округа Сибири, где проживало около 2/3 всего бухарского населения, в Турцию возникло в 1924 г. В сообщении Сибкрайисполкома говорилось: «По сообщению Тарского окрисполкома от 31 июля с.г. в январе и феврале этого года желавших и настаивавших на переселении в Турцию имелось 270 дворов с общим количеством около 2.000 душ»²⁷. На самом деле желание бухарцев покинуть Советский Союз стало очевидным еще до того, как об этом пришло в январе 1926 г. сообщение из Тары в Новосибирск. В докладе инструктора Тарского окружного сельского кредитного союза говорилось: «В описании обследования Улягульского края мною упущено настроение татар по отношению к современной жизни. Нужно отметить, что татары почему-то многие тяготеют к переселению в Турцию... чем вызывается такая тенденция, в короткий срок обследования выявить причину трудно, можно только полагать, что вызывается: а) патриотическим чувством (симпатии к родственной по нации Турции), б) религиозным фанатизмом (стремление углубить) и по объяснению некоторых, якобы неблагоприятным климатическим условиям Сибири (хотят подышать Турецким воздухом). Ну, может быть и есть другие причины... о которых в этом докладе я постараюсь умолчать»²⁸.

Уже в 1925 г. была разработана программа улучшения экономического, политического и культурного положения бухарского населения Сибири. В документах Сибкрайисполкома за подписью председателя райисполкома Эйхе говорилось: «Мероприятия, намеченные в конце 1925 г. Краевыми Сибирскими организациями в отношении “бухарцев”, живущих в Тарском округе, сводились в создании для них устойчивой экономической базы и сети культурных учреждений»²⁹.

В перечне этих «мероприятий» было: «а) В области землепользования – установление в порядке землеустройства достаточного землеобеспечения с передачей его в трудовое пользование бухарцев, в том числе

²⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 276. Л. 10.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Д. 75. Л. 3.

²⁸ Там же. Д. 276. Л. 12.

²⁹ Там же. Д. 75. Л. 1.

арендуемых ими госземель в с возвратом внесенной за эти земли арендной платы; командирование за государственный счет землемеров и сосредоточение землеустроительных работ в районах наибольшей земельной нужды; передача населению рыболовных озер... б) В области с/х кредита – перегруппировка или выделение дополнительных средств на расширение кредитования, создание кредитной сети в населенных бухарцами районах. в) В области кооперирования – организация сети с/х товариществ, кустарных промысловых артелей и потребительских обществ; организация участия бухарского населения в местных заготовках. г) В области сельско-хозяйственного машиностроения – усиление машиноснабжения бухарцев с предоставлением им максимальных льгот. д) в области агропомощи – обеспечение туземных районов агроработниками, знающими местный язык. е) В области школьного дела – создание дополнительной школьной сети и обеспечение ее работниками с знанием татарского языка. Вместе с тем Тарскому Окрисполкому было поручено проработать вопрос об образовании национального бухарского района»³⁰.

Для улучшения экономического положения бухарского населения были разработаны конкретные мероприятия для каждого района. Например, в числе запланированных мероприятий было следующее: «В Евагинском районе предположено приобрести для бухарцев рабочий и молочный скот; семенной материал, произвести постройку скотных дворов, для чего из целевого кредита уже отпущено 3.416 рублей... В с. Кошкуль организовано машинное товарищество, которое наряду с другими с/х инвентарем, получило в кредит трактор (один из двух, полученных на округ)»³¹.

Несмотря на намеченные мероприятия по улучшению положения бухарцев, Новосибирск вынужден был передать просьбу местного населения о разрешении на выезд из СССР руководству страны. Однако Москва не дала разрешение на выезд бухарцев. Сибкрайисполком в марте 1926 г. получил секретное предписание: «Ваше ходатайство перед ВЦИК о разрешении группе татар-бухарцев, в числе 270 семейств, проживающих в Тарском округе, переселиться в Турцию постановлением ВЦИК от 1/3-с.г. было отклонено. ВЦИК считает нецелесообразным переселение в Турцию указанной группы и поручает Крайисполкому в спешном порядке провести мероприятия по восстановлению культурно-экономического состояния бухарцев»³².

³⁰ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–1 об.

³¹ Там же. Л. 2.

³² Там же. Л. 6.

Местные власти надеялись, что принимаемые меры позволят снять проблему бухарцев. В регионе был разработан «Проект выделения национального бухарского района»³³. В документах отмечалось и большое внимание к культурному развитию бухарцев: «В 1925–26 году функционировало в Тарском округе 21 татаро-бухарских школ. Из них открыто в 1926 г. – 6 школ»³⁴. В 1926 г. в Тарском округе было открыто 6 татаро-бухарских школ, 6 пунктов ликвидации неграмотности, 3 избы-читальни. В 1926 г. в Тарский округ, «в первую очередь для обслуживания татаро-бухарского населения», был направлен один из двух передвижных кино-аппаратов³⁵.

Бухарцы старались саботировать мероприятия, направленные на улучшение их жизни. В письме из Тарского окрисполкома говорилось: «В начале Татары – Бухарцы решительно отказались проводить землеустройство даже на государственные средства»³⁶.

Советские руководители отчитывались, что им удалось переломить ситуацию. В докладах утверждалось: «Были посланы работники Нацмены для проведения разъяснительной кампании. В результате 2-х нед. работы Татары согласились провести землеустройство с условием оплаты работ по землеустройству 70% из государственных средств, а 30% кредит»³⁷. В докладе инструктора Тарского окружного сельского кредитного союза говорилось: «За последнее время в силу препятствий со стороны нашего правительства и в удовлетворении их групповых ходатайств о переселении, тенденция как будто стала изживаться»³⁸. В ноябрьском 1926 г. донесении Сибкрайисполкома во ВЦИК за подписью председателя Сибкрайисполкома Эйхе отмечалось: «По сообщению Тарского Окрисполкома от 31 июля с.г. в январе и феврале этого года желавших и настаивавших на переселении в Турцию имелось 270 дворов с общим количеством около 2.000 душ. В августе с.г. продолжающих настаивать на выезде имелось только 50 дворов с общим количеством около 600 душ... Дальнейшее проведение намеченных мероприятий приведет к полной ликвидации переселенческих настроений бухарцев»³⁹.

Как показали события, «полной ликвидации переселенческих настроений бухарцев» не произошло, а программа по улучшению положе-

³³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Д. 276. Л. 1.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 12.

³⁹ Там же. Д. 276. Л. 3–3 об.

ния бухарского населения реализована не была. Современные исследователи, опираясь на архивные документы, указывают, что во второй половине 1920-х гг. положение бухарцев не улучшилось. В документе под названием: «О работе национальных меньшинств Тарского округа по Советскому строительству в связи с решением 1-го Округного и Краевого Совещания нацменработников в июне 1927 года, по материалам Орготдела и ведомств» говорилось: «Еще в феврале месяце 1927 года в Тевризском и Евгашинском районах производились обследования экономическо-культурного состояния национальных меньшинств, в результате чего выяснилось, что в культурном и экономическом отношении они далеко отстали от основного населения, поэтому требуется напряженная работа в подтягивании их к основному населению. О результатах обследования информированы Президиумы указанных РИКов и вынесены соответствующие решения, как со стороны РИКов, так и со стороны Президиума Окрисполкома, но удовлетворительных результатов этих решений пока еще не имеется»⁴⁰.

На состоявшемся в Таре 14–18 июня 1927 г. «I-м округном совещании работников среди национальных меньшинств» уже не говорилось отдельно о бухарцах. Речь шла о татарах, но упоминались и татаро-бухарцы, при этом, не всегда четко было определено, использовалось ли это название лишь для бухарцев или речь шла о сибирских тарах, в состав которых входили и бухарцы. Например, в этих документах говорилось, что в 1927 г. в Евгашинском районе татары-бухарцы составляли 25% всего населения района. До конца советского периода около 20% татарского населения Омской области продолжали сохранять бухарское самосознание, но государство их уже никогда в качестве отдельной национальности не признавало.

Выводы

Таким образом, на территории русской Сибири сформировалась и долгое время существовала отдельная этно-социальная группа, известная как бухарцы. Сибирские бухарцы сыграли важную роль в истории Сибири и русского освоения соседних территорий. Однако в первой трети XX в., в результате государственной политики как имперской, так и советской, был уничтожен важнейший фактор сохранения бухарской идентичности –

⁴⁰ Корусенко С.Н. Советская власть и национальные меньшинства в середине 1920-х гг. (на примере Тарского округа сибирского края) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 4 (4). С. 93.

бухарские волости. Большинство бухарского населения Сибири не приняли советской власти и не связывали свое будущее с Россией. В 1924–1925 гг. было отмечена попытка сибирских бухарцев получить разрешение на выезд в Турцию. Для снижения эмиграционных настроений и привлечения бухарского населения на свою сторону сибирские власти по указанию Москвы разработали и начали внедрять меры по улучшению их социально-экономического положения и культурного обеспечения. Советскому государству удалось не допустить выезда большей части сибирских бухарцев в середине 1920-х гг. в Турцию. Однако, в силу комплекса причин и факторов, от частичной эмиграции за границу до объективных процессов этнокультурной консолидации близких общностей, сибирские бухарцы в качестве отдельно этно-социальной группы с конца 1920-х гг. формально перестали существовать.

© Дацышен В.Г., 2018

Рукопись поступила: 27 апреля 2018 г.
Submitted: 27 April 2018

References

- “Godovye itogi na hozyajstvenno-politicheskom fronte Sibiri 1922–1923.” [Annual results on the economic and political front of Siberia 1922–1923] *Zhizn’ Sibiri*. Novonikolaevsk: Sibrevkom Press, 1923 (in Russian).
- Fayzrakhmanov, G.L. “Buharcy v Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XX vekov.” [Bukharans in Western Siberia in the 17th – early 20th centuries] *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], no. 3 (2005): 69–71 (in Russian).
- Fayzrakhmanov, G.L. *Istoriya sibirskih tatar (s drevnejshih vremen do nachala XX veka)* [The history of Siberian Tatars (from ancient times to the early 20th century)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo Press, 2007 (in Russian).
- Klyueva, V.P. “Sibirskie buharcy Tobol’skoy gubernii (konec XVII – XIX vv.): demograficheskiy analiz.” [Siberian Bukharans of Tobolsk Governorate (end of the 17th – 19th centuries.): Demographic analysis] In *Slovcovskie chteniya – 2001: tezisy dokladov i soobshcheniy nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Tyumen’, 13–15 noyabrya 2001 g.* [Slovcovskiy read – 2001: theses of papers and messages of scientifically-practical conference, Tyumen, 13–15 November 2001], 95–96. Tyumen: Tyumen Press, 2001 (in Russian).
- Korusenko, S.N. “Sovetskaya vlast’ i nacional’nye men’shinstva v seredine 1920-h gg. (na primere Tarskogo okruga sibirskogo kraja).” [Soviet power and national minorities in the mid-1920s. (on the example of the Tarsky District of the Siberian

- Territory)] *Herald of Omsk University. Series: Historical Sciences*, no. 4 (2014): 91–102 (in Russian).
- “Volost’ kak instrument sohraneniya identichnosti gruppy (na primere sibirskih buharcev).” [Volost as an instrument of preserving the identity of the group (on the example of Siberian Bukharans)] *Herald of Omsk University. Series: Historical Sciences*, no. 2 (2016): 196–206 (in Russian).
- “Sibirskie buharcy: dinamika chislennosti i rasselenie (XVII–XX vv.).” [Siberian Bukharans: the dynamics of numbers and resettlement (17th – 20th centuries)] *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 22 (2008): 485–491 (in Russian).
- Minina, S.A., ed. *Mezhehtnicheskie svyazi Prienisejskogo regiona* [Interethnic relations of the Enisey region], 1917–1992. Vol. 2. Krasnoyarsk: Arhivnoe agentstvo administracii Krasnoyarskogo kraja Press, 2007 (in Russian).
- Patkanov, S. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodcev* [Statistical data showing the composition of the tribal population of Siberia, language and clans of indigenous dweller]. Vol. 1. St. Petersburg; SH. Bussel Press, 1912 (in Russian).
- Shneyder, A.R., and Dobrova-Yadrintseva, L.N. *Naselenie Sibirskogo kraja* [The population of the Siberian region]. Novosibirsk: SIBKRAYIZDAT Publ., 1928 (in Russian).
- Tikhomirova, M.N. “Pishcha tarskih buharcev (ulenkulevskij kust) v seredine XX – nachale XXI vekov.” [Food of Tara Bukharans (Ulenkulov bush) in the mid-20th – early 21st centuries] *Fundamental’nye issledovaniya* [Fundamental research] 8, no. 11 (2014): 1835–1839 (in Russian).
- Valeev, F.T. “Buharcy sibirskie.” [Bukharans Siberian] *Tatarskaya enciklopediya* [Tatar Encyclopedia], 509. Kazan: Institute of the Tatar Encyclopedia Publ., 2002 (in Russian).
- Vilkov, O.N., and Datsyshen, V.G. “Buharcy.” [Bukharans] In *Enciklopedicheskiy slovar’ po istorii kupechestva i kommercii v Sibiri* [Encyclopaedic dictionary on the history of merchants and commerce in Siberia], 105–107. 2 vols. Novosibirsk: Academic Publishing House “Geo”, 2011 (in Russian).
- Yarkov A.P., and Garifullin I. B. “Buharcy v Zapadnoj Sibiri.” [Bukharans in Western Siberia] *Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal* [Topos. Literary and philosophical journal], 2004. <http://www.topos.ru/article/2394> (in Russian).

Archives

- Gosudarstvennyy arhiv Novosibirskoy oblasti (thereafter – GANO) [State Archives of the Novosibirsk Region], f. P-47, op. 1, d. 276.
- GANO, f. P-47, op. 1, d. 75.

Siberian bukharans in the first post-revolutionary decade

Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal University

79, *Svobodny Psopect*, Krasnoyarsk, 660041, Russia

dazishen@mail.ru

Abstract: The article deals with the problems of the Siberian Bukharans' community in the first decade after the Russian Revolution of 1917. The Bukharans played an important role in the history of Western Siberia for several centuries. But the significance of the Bukhara community in the economic life of Siberia decreased steadily; there took place rapprochement in the form of assimilation with Siberian Tatars. In the early twentieth century, the reforms, revolutionary changes and war became an ordeal for Siberian Bukharans. As a result of the state policy, both imperial and Soviet, the most important factor in preserving the Bukhara identity – the Bukhara volost – was destroyed. After the end of the civil war in Siberia, the Bukharans in the bulk were in opposition to the Soviet power. In many areas of Siberia in the early twentieth century there was a drop in the population of Bukharans. The largest and most organized community of the Siberian Bukharans in Soviet Russia was preserved in the Tarsky district of the Siberian territory – more than 11 thousand people. In the focus of the research there are problems of the economic, political and cultural development of the Bukharans in the Tarsky district in the mid-1920s. The documents found by the author indicate the degradation of the Siberian Bukharans' economy. It was caused by the fact that after the victory of the Soviet government, a significant part of them did not connect their future with Siberia anymore, the Bukharans expected permission to leave the USSR, mainly to Turkey. The article introduces new scientific archival documents which reflect the policy of the state in connection with the desire of the Bukharans to leave the USSR. The central Soviet government did not allow this, but ordered to improve the work with this group of the population. Despite the fact that the Soviet leaders in Siberia tried to improve the economic and cultural situation of the Bukharans, they failed to completely eliminate the “resettlement sentiments”. From 1927, the Soviet government ceased to recognize the Bukharans as a separate ethno-social group, including them in the number of Siberian Tatars or for some time using the name “Tatar-Bukharans”.

Keywords: Siberian Bukharians, Siberian Tatars, Bukhara volost, Tarsky district, Soviet policy and the national issue

For citation: Datsyshen, Vladimir G. “Siberian bukharans in the first post-revolutionary decade.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 661–674. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-661-674

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-675-695

Социально-экономическая характеристика землевладельческого дворянства Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX в.

В.И. Петров

Кубанский государственный университет
350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
history1380@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу социально-экономического развития земледельческого дворянства Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в., которое пополнялось за счет высокой рождаемости в семьях потомственного дворянства. Отмечается, что динамика личного дворянства Среднего Поволжья с 1867 по 1897 г. заметно отставала от показателей роста численности потомственного дворянства, более 80% которого проживало в городах. Правительство нуждалось в укреплении своей социальной опоры во всех структурах российского общества при явной попытке ограничить доступ в дворянское сословие. Основным процесс в сфере землевладения дворян Среднего Поволжья в рассматриваемый период заключался в мобилизации дворянского землевладения региона, то есть в сокращении землевладения дворян-помещиков и концентрации земли в руках купечества, делового крестьянства и других представителей сельской буржуазии. В течение всего пореформенного периода помещики сохранили за собой положение основных продавцов, а также крупнейших покупателей земельных участков. Перераспределение земель в среде дворянского сословия проходило под влиянием рыночного развития аграрных отношений в целом и помещичьего производства в частности. Автор приходит к выводу, что переход участков в руки капитализирующихся помещиков способствовал развитию их хозяйств. В первое двадцатилетие после отмены крепостного права частное землевладение в Среднем Поволжье составляло уже четверть всех аграрных площадей. Исходя из обеспеченности дворян региона землей, автор заключает, что во второй половине XIX в. экономическое положение помещиков было весьма стабильным и это послужило основой положительной динамики роста численности дворянского сословия трех изучаемых губерний Среднего Поволжья (с 1867 по 1897 г. – на 106,7%).

Ключевые слова: потомственные и личные дворяне, чиновники, дворянское землевладение, заложенные в банк имения, Среднее Поволжье

Для цитирования: Петров В.И. Социально-экономическая характеристика землевладельческого дворянства Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 675–695. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-675-695

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена современными проблемами в регулировании земельных отношений в России. Нынешним экономистам, аграриям, историкам, юристам необходим взгляд на механизм зарождения рыночных отношений в землевладении в России. Чтобы понять, как соотносится землепользование с владением и распоряжением землями сельскохозяйственного назначения, лесными угодьями, сегодня надо увидеть, что отсутствие налоговых платежей с дворян за землю и было главным условием сохранения дворянского землевладения на многие годы после реформы.

Научное значение исследования заключается в доказательстве того, что помещичье-дворянское сословие Среднего Поволжья в период отмены крепостного права и до конца века стремилось сохранить свои земельные владения, что крупные и средние дворяне-владельцы пытались встроиться в процесс рынка земель и в капиталистические перемены в аграрной сфере. Во второй половине XIX в. практически началось противоборство за главенство в буржуазно-аграрной перестройке деревни между помещиком и крестьянином, что в целом можно назвать борьбой двух направлений – «прусского» и «американского».

Судьбоносные изменения в российской деревне второй половины XIX – начала XX в. привлекали внимание как советских, так и современных историков. Задачу специального изучения земельных отношений средневожского региона пореформенного периода впервые в своих исследованиях поставили советские ученые, такие, как В.И. Канатов¹, К.Я. Наякшин², Ю.И. Смыков³. В это время в научный оборот был введен значительный массив источников, особенно уставных грамот. Но в большей степени исследователи останавливались на изучении изменений крестьянского землевладения, а помещичье-дворянское рассматривалось лишь в контексте взаимодействия с новыми владельцами через процесс отторжения земель. В 1960-е гг. вопрос о дворянском землевладении оказался одним из дискуссионных, но победила «ленинская концепция» о капиталистическом характере аграрных отношений пореформенной России. При этом отдельно помещичье землевладение в Среднем Поволжье с точки зрения изменения характера производства, рыночных причин купли-продажи пахотных, луговых или промышленно-лесных участков в рассматриваемый период в советской историографии не анализировалось.

¹ *Канатов В.И.* Осуществление реформы 1861 года в Симбирской губернии. По материалам уставных грамот, дарственных и выкупных сделок. М., 1970.

² *Наякшин К.Я.* Очерки из истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955.

³ *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е гг. XIX в. Казань, 1973; *Он же.* И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). М., 1984.

Эти проблемы стали подниматься позже в работах А.М. Анфимова⁴, Н.Л. Клейна⁵, П.С. Кабытова⁶, П.И. Савельева⁷, С.И. Даишева⁸; в постсоветской историографии – в трудах Г.А. Николаева⁹, А.П. Кавелина¹⁰, где в разной степени авторы показывали процесс продажи и залога земель представителями дворянского сословия в регионе. По мнению современных авторов П.П. Марчени и С.Ю. Разина, к периоду столыпинской реформы земельная аристократия утратила в глазах крестьян моральное право владения землей, поскольку пренебрегала своими морально-экономическими обязанностями, что и стало горячим материалом революционных событий¹¹. В работах Р.В. Федосеева¹², А.Е. Ульянова¹³, О.Е. Шевниной¹⁴ существенное внимание уделяется вопросам государственно-правового регулирования покупок помещичьей земли.

Характеристика дворянского сословия как группы населения Среднего Поволжья второй половины XIX в.

Для более правильного понимания процессов, происходивших в сфере дворянского землевладения Среднего Поволжья изучаемого периода, необходимо вспомнить базовые сведения по сословию, то есть привести небольшую историческую справку по правам сословия на 1762 г. Ключевы-

⁴ *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1894 гг. М., 1980.

⁵ *Клейн Н.Л.* Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в. (Самарская, Саратовская, Симбирская губернии). Л., 1982.

⁶ *Кабытов П.С., Савельев П.И.* Аграрные отношения в Поволжье эпохи капитализма. Куйбышев, 1984.

⁷ *Савельев П.И.* Аграрные отношения и классовая борьба в Среднем Поволжье в период капитализма (1861–1905 гг.). Куйбышев, 1987.

⁸ *Даишев С.И., Смыков Ю.И.* Миграционное движение в Среднем Поволжье в период капитализма (60–90-е годы XIX в.). Саранск, 1989.

⁹ *Николаев Г.А.* Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья в XIX–XX вв. Чебоксары, 1996.

¹⁰ *Кавелин А.П.* Россия сельская на рубеже XIX–XX вв. Россия в начале XX века. М., 2002.

¹¹ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // *Российская история.* 2012. № 5. С. 217–219.

¹² *Федосеев Р.В.* От поместья к экономии. Дворянское хозяйство Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Саранск, 2013.

¹³ *Ульянов А.Е.* Покупка помещичьей земли Крестьянским поземельным банком в губерниях Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2011. № 3.

¹⁴ *Шевнина О.Е.* Провинциальное дворянство как объект государственно-правового регулирования (вторая половина XIX в.) // *Вестник Пензенского государственного университета.* 2013. № 1. С. 40–41.

ми правами дворян были: право на землевладения, населенными крестьянами, освобождение от обязательной военной службы, право на покупку фабрик и заводов, на владение недрами. Грамота императрицы Екатерины II закрепляла за помещиком преимущества в государственной и военной службах, освобождала от уплаты личных податей, от воинского постоя в принадлежавших дворянам усадьбах. Это высшее сословие делилось на потомственных и личных дворян. Дворянство потомственное подразделялось на 6 категорий: жалованное (действительное); по чину (на гражданской службе); дворянство военное; иностранные роды; титульные роды¹⁵. Принадлежать к личному дворянству можно было после достижения на действительной службе чина обер-офицера, на гражданской службе – чина девятого класса, в казачьих войсках – произведенные в чин хорунжего (при условии, если войска находились в соответствии с регулярными), в казачьих войсках, без соответствия линейным войскам, – достигшие чина зауряд есаула, а помимо этого и представители купеческого сословия, получившие чин 9 класса¹⁶.

Дворянство Среднего Поволжья историки делят на три разряда: дворяне-землевладельцы, личные дворяне губерний, дворяне и лица, пользовавшиеся правами дворянства и почетного гражданства и находившиеся на службе по назначению правительства или по выборам¹⁷.

Дворяне-землевладельцы имели первостепенный административно-хозяйственный вес в губерниях изучаемого региона, как по правам самостоятельного сословного управления, так и по влиянию на ключевые отрасли управления посредством выборов. Главное значение имел, безусловно, размер собственности, влиявший на наличие голоса на выборах в земское самоуправление, в уездное и губернское Дворянские собрания, в предводители губернского и уездного дворянства, на избрание мировыми судьями. К этим разрядам дворянства надо отнести еще и дворян, занимавшихся торговлей и дворян-рантье.

На 1867 г. доля дворянства в составе населения Среднего Поволжья была более, чем в два раза ниже, чем на Южном Урале. Процент дворян потомственных и личных с чиновниками Южного Урала составлял 0,85%, а в Среднем Поволжье – 0,35%. Это также было ниже средне российского по-

¹⁵ Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ). СПб., 1857. Т. 9. С. 15,16.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ *Скрябин М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, Сибирская губерния. СПб., 1868. Ч. I. С. 256.

казателя, который на 1870 г. составлял 1,2 %¹⁸. Число дворян потомственных в регионе превосходило численность личных дворян и чиновников во второй половине XIX в. (см. таблицу 1).

С 1867–1897 гг. в регионе произошел заметный рост численности лиц дворянского сословия. В губерниях Среднего Поволжья прирост численности потомственного и личного дворянства составил 119,8% (см. таблицу 2).

**Таблица 1. Личное дворянство и чиновники
в составе населения Среднего Поволжья во второй половине XIX в.**

**Table 1. Personal nobility and officials
in the population of the Middle Volga region in the second half of the 19th century**

Губернии	1867 г.			1897 г.			Динамика роста всего населения, в %	Динамика роста численности дворян и чиновников, в %
	Все население губернии	Дворяне и чиновники	% дворян и чиновников в составе населения	Все население губернии	Дворяне и чиновники	% дворян и чиновников в составе населения		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Казанская	1670337	2560	0,15	2170665	5237	0,24	29,9	104,5
Симбирская	1192510	2756	0,23	1527848	5118	0,33	28,1	85,7
Самарская	1743422	1922	0,11	2751336	6344	0,23	57,8	230,0
Итого	4606269	7238	0,16	6449849	16699	0,26	38,6	106,7

Источники: Статистический временник Российской империи за 1867 г., СПб., 1871. С. 9–10; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1904. Т. 14. С. 258, 259; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т. 28. С. 26, 27; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Самарская губерния. СПб., 1904. Т. 36. С. 34, 35; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Симбирская губерния. СПб., 1904. Т. 39. С. 32, 33; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Уфимская губерния. СПб., 1904. Т. 45. С. 182–184. Группировка материала и подсчет процентных соотношений сделаны автором.

¹⁸ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905; Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. 276–277.

Таблица 2. Потомственное дворянство в составе населения Среднего Поволжья во второй половине XIX в.

Table 2. The hereditary nobility in the population of the Middle Volga region in the second half of the 19th century

Губернии	1867 г.			1897 г.			Динамика роста населения в %	Динамика роста численности потомственных дворян, в %
	Все население губернии	Потомственные дворяне	% потомственных дворян в составе населения	Все население губернии	Потомственные дворяне	% потомственных дворян в составе населения		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Казанская	1670337	3182	0,19	2170665	10453	0,48	29,9	228,5
Симбирская	1192510	3108	0,26	1527848	3923	0,26	28,1	26,2
Самарская	1743422	2210	0,13	2751336	5391	0,20	57,8	143,9
Итого	4606269	8500	0,19	6449849	19767	0,31	38,6	132,2

Источники: Статистический временник Российской империи за 1867 г. СПб., 1871. С. 9–10; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1904. Т. 14. С. 258, 259; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Симбирская губерния. СПб., 1904. Т. 39. С. 32, 33; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Самарская губерния. СПб., 1904. Т. 36. С. 34, 35; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т. 28. С. 27; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Уфимская губерния. СПб., 1904. Т. 45. С. 182–184. Группировка материала и подсчет процентных соотношений сделаны автором.

Размещение представителей дворянского сословия в губерниях Среднего Поволжья складывалось в пользу городов. Из 5118 личных дворян и чиновников Симбирской губернии в городах проживало 4198 человек, или 82%¹⁹, в Самарской губернии соответственно 4347 человек, или 68,5%²⁰, в Казанской губернии – 4544 человека, или 86,9%²¹. Проживая в городах Поволжья, дворяне активно занимались управлением своими землями через приказчиков и доверенных лиц.

¹⁹ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Симбирская губерния. СПб., 1904. Т. 39. С. 32, 33.

²⁰ Там же. Самарская губерния. СПб., 1904. Т. 36. С. 34, 35.

²¹ Там же. Казанская губерния. СПб., 1904. Т. 14. С. 258.

По уездам численность дворян распределилась следующим образом: в Казанской губернии из более чем 15 тыс. дворян всех категорий основная часть – почти 12 тыс. (11913) проживали в Казанском уезде (76%) (в губернском городе – 11485 дворян), в Чистопольском уезде числилось 590 дворян, опять в основном в г. Чистополе (372 чел.). В Лаишевском уезде насчитывалось 529 потомственных и личных дворян. Меньше всего их находилось в Ядринском уезде губернии – 194 человека, из них в самом Ядринске – 142 человека²². Такая же ситуация наблюдалась в Симбирской²³ и в Самарской губерниях²⁴.

Таким образом, в губерниях Среднего Поволжья большая часть дворянства в конце XIX в. проживала вне городов – в уездах. Дворянское сословие региона имело заметный рост своей численности. Надо отметить, что эти показатели не отставали от показателей по всей Европейской России на 1897 г.²⁵.

Сословие пополнялось за счет высокой рождаемости в семьях потомственного дворянства. Рост численности представителей личного дворянства Среднего Поволжья за период до 1897 г. существенно отставал от роста числа потомственных дворян (таблицы 1, 2). Основная часть (80%) потомственных дворян края проживала в городах²⁶.

Перераспределение земель в среде дворянского сословия в Среднем Поволжье и процесс утери землевладения дворянами региона

Несмотря на желание и попытки правительства ограничить доступ в дворянское сословие²⁷, на самом деле было доказано, что дворянство в российском обществе лишь укреплялось. Однако сразу после реформы 1861 г. в целом по России происходило сокращение дворянского землевладения²⁸

²² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1904. Т. 14. С. 2.

²³ Там же. Симбирская губерния... С. 32, 33.

²⁴ Там же. Самарская губерния... С. 182.

²⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1283. Оп. 1. Д. 218. Л. 32–33.

²⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Симбирская губерния... С. 32, 33; Там же. Самарская губерния. СПб., 1904. Т. 36. С. 34, 35; Там же. Казанская губерния. СПб., 1904. Т. 14. С. 2, 258.

²⁷ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). II. Т. 20. Отд. 1. № 19086; ПСЗ. II. Т. 31. № 31236.

²⁸ Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения. Ч. 1. СПб., 1903. С. 302–307.

(Среднее Поволжье в этом плане почти исключение), что заставляло помещиков заниматься поиском дополнительных источников существования. Одним из них было успешное использование денег, полученных от выкупных платежей. Представители сословия по возможности размещали полученные от реформы капиталы в производство, в транспорт и т.д. Это стало причиной переезда помещиков в города. До реформы помещики, имевшие менее 21 души, считались бедными; от 21 до 100 душ – «достаточными», но не имели прямого права голоса на выборах. Беднейшие помещики (имевшие на 1861 г. менее 21 крестьянина) проживали в деревнях и не участвовали в общественной жизни²⁹.

Необходимо обратить внимание на то, что и после отмены крепостного права положение дворян продолжало зависеть от дореформенных земельных владений, так как теперь земля сдавалась в аренду всё тем же крестьянам, которые после получения своих уменьшенных наделов нуждались в земле (в использовании отрезанных частей своего же бывшего надела). Дворяне пытались сохранить свои пашенные земли в обрабатываемом и ухоженном состоянии как залог хоть какой-то стабильности и гарантии. Обработка помещичьей земли за счет найма батраков (по данным на 1900–1901 гг. и согласно материалам комиссии благосостояния сельского населения за 1861–1900 гг.) возросла³⁰. Доля помещичьей запашки увеличивалась в Самарской губернии с нарастающими показателями: с 15% в 1867 г. и до 31 % на 1901 г.³¹.

Наиболее частыми приобретателями земель оказывались мелкие и средние помещики, реже – крупные. Но крупные землевладельцы-помещики если приобретали участок, то весьма внушительный по размеру. Часто приобретенное имение находилось отдельно от прежнего владения помещика, из-за чего купленная земля обычно сдавалась в аренду.

Величина земельной покупки из расчета среднегодовых показателей среди мелких и средних помещиков Среднего Поволжья составляла 250,8 десятин. Дворяне покупали землю чаще в целях применения ее как дополнения к уже имевшейся пашне, чем для использования в качестве отдельной хозяйственной единицы. Таким образом, старое (главное) хозяйство подкреплялось дополнительными доходами. Перераспределение

²⁹ Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения. Ч. 1. СПб., 1903. С. 257.

³⁰ Там же. С. 302–307.

³¹ Развитие капитализма в Самарской губернии. Реализация буржуазных реформ 60-х гг. XIX века. Самара, 1997. С. 148.

земель в среде дворянского сословия проходило под влиянием рыночного развития аграрных отношений в целом и помещичьего производства, в частности. В то же время переход участков в руки капитализирующихся помещиков способствовал развитию их хозяйств с долей механизации и интенсификации сельскохозяйственного производства.

Главный смысл мобилизации дворянского землевладения изучаемого региона заключался в сокращении землевладения дворян-помещиков и концентрации земли в руках купечества, делового крестьянства и представителей сельской буржуазии. В течение всего пореформенного периода помещики сохранили за собой положение основных продавцов, а также крупнейших покупателей земельных участков.

Несмотря на достаточную активность дворян на земельном рынке, за все время реформы дворяне Среднего Поволжья потеряли большие сельскохозяйственные земельные площади. Для примера можно взять Самарскую губернию, так как она находилась в центре Средней Волги и по всем характеристикам являлась «золотой серединой» в показателях по развитию помещичьего хозяйства. Так, в губернии за 1861–1881 гг. дворяне потеряли 1 204 002 дес. земли³². Сокращение коснулось прежде всего крупного землевладения, процент которого в общем сокращении помещичьей земли составил 98,8%. Опережающими темпами дворянская земельная собственность убывала в южных уездах, и это происходило при значительных правительственных пожалованиях земель дворянам. Впереди всех по размерам утерянной дворянами земли оказался Николаевский уезд – 464110 дес., почти такое же количество десятин потеряли помещики Бузулукского (226 023 дес.) и Новоузенского (226 183 дес.) уездов³³. Этот факт был связан с особенностями аграрного развития южных уездов, конкуренцией быстро развивающегося крестьянского хозяйства.

Другая ситуация была на севере Самарской губернии. Сокращение помещичьей земельной собственности здесь было существенно менее заметно. Правда, в Самарском уезде сокращение крупного землевладения было еще более заметным – 93 566 дес. Большая часть имений в этой категории находилась на юге Самарского уезда. Поэтому сокращение земель в северной части уезда было намного меньше или даже перекрывалась новыми пожалованиями. Гораздо меньше земли потеряли помещики Ставропольского и, главным образом, Бугульминского уездов. Это объясняется

³² *Короленко А.С.* Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1892. С. 45–46, 62.

³³ *Савельев П.И.* Аграрные отношения и классовая борьба в Среднем Поволжье в период капитализма (1861–1905 гг.). Куйбышев, 1987. С. 7, 8.

тем, что помещичье землевладение тут по большей части сложилось в до-реформенную эпоху в виде плотно заселенных имений. В 1860–1870-е гг. помещики имели по соседству бывших своих крепостных крестьян, зажатых временно-обязанным состоянием, неподъемностью выкупных платежей, сословным ущемлением в правах и т.д. В совокупности с земельной теснотой это сводило к минимуму конкурентоспособность крестьянских хозяйств. В итоге развитие аграрного капитализма здесь базировалось на фоне медленной перестройки помещичьего хозяйства, а в помещичьем владении проявилось в основном в эволюции его двоякой структуры.

Начиная с 1860-х гг. число продаж участков в губерниях Среднего Поволжья значительно преобладало над покупками. На первое пореформенное десятилетие приходится 34% сделок и примерно 39% сокращения дворянской земли³⁴.

Но следует заметить, что темпы убыли помещичьего сектора земельной собственности оказались неравномерными. В 1860-е и частично в 1870-е гг. продавали земли те помещики, которые не могли приспособиться к новым требованиям времени. В связи с этим в первые же годы после отмены крепостного права сокращение помещичьего землевладения приняло достаточно широкий размах. Запасы же роста земельного рынка вплоть до начала 1880-х гг. ограничивались временнообязанным состоянием крестьян. Вплоть до завершения временнообязанных отношений дворянин (помещик) не мог продавать свои земли в руки представителей купечества, духовенства, зажиточного мещанства, ремесленников.

За период 1870-х гг. отторжение по купчим земли у дворян Среднего Поволжья выросло, но существенно возросли и приобретения. Большая часть поступавшей в продажу дворянской земли была перераспределена внутри сословия. Сокращение в 1873–1877 гг. составило всего 3,79%. На рынке средневожских губерний обращались имения тех помещиков, которые перевели своих крестьян на выкуп или на дарственный надел.

К началу 1880-х гг. многие помещики уже не видели выгоды сохранения временнообязанных отношений, особенно там, где крестьяне не были привязаны к издельной повинности. Дворяне начали требовать от правительства предоставить им право переводить крестьян на выкуп без их, крестьянского, согласия³⁵. Зачастую помещики просто начали осуществлять принуди-

³⁴ *Савельев П.И.* Аграрные отношения и классовая борьба в Среднем Поволжье в период капитализма (1861–1905 гг.). Куйбышев, 1987. С. 7, 8.

³⁵ Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России. СПб., 1893. С. 11.

тельный перевод. В связи с этим сокращение помещичьего землевладения ускорило, чему особенно способствовала произошедшая в 1883 г. отмена временнообязанного состояния. Такое же сокращение землевладения изучаемого сословия с 1883–1892 гг. отмечалось и по всей Европейской России³⁶.

Ускорение распродажи и залога дворянских земель в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX в.

После некоторого спада в начале 1890-х гг. мобилизация помещичьего землевладения вновь усилилась. За 1893–1897 гг. убыль только по Самарской губернии составила 65,8 тыс., а за 1897–1901 гг. – 218 тыс. дес., в 1902–1905 гг. – 105 тыс. дес.³⁷ Как и прежде, наибольшие площади земель потеряли помещики южных уездов Симбирской, Самарской губерний (особенно Николаевского и Бузулукского уездов). Такое же положение было в соседних губерниях – Саратовской и Уфимской, где убыль дворянской земли также была достаточно существенной. Среднестатистический размер сокращения на одну губернию по Европейской России в 1898–1902 гг. составлял 23,6 тыс. дес., 1903 г. – 15,5 тыс. дес., за 1904 г. – 13,9 тыс. дес.³⁸ Симбирская, Самарская, Казанская губернии входили в число рекорсменов по убыли площадей помещичьей земельной собственности (выше среднего по России).

На основании проведенных подсчетов чиновниками департамента окладных сборов Самарской губернии был сделан следующий вывод: «За последние 8 лет распродажа дворянских земель сосредоточилась, главным образом, в черноземной полосе. Из черноземных районов наиболее значительная распродажа дворянских земель прежде всего началась в степных районах, сначала в Новороссийском, а потом в Заволжском»³⁹. Из пяти приволжских губерний Самарская занимала второе место по темпам сокращения земель изучаемого сословия. На первом месте была Саратовская губерния, которая за 1903–1905 гг. заметно увеличила разрыв. Из южноу-

³⁶ Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России. СПб., 1893. С. 11.

³⁷ Доклад Высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложение У I. Ч. I. СПб., 1873. С. 16.

³⁸ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки (далее – РО ГПБ). Ф. 226. Оп. I. Д. 27. Л. 24–26.

³⁹ Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. II. Крестьянские внеадельные аренды / Под ред. Н. Карышева. М., 1892. С. 221.

ральских губерний, с которыми Самарская соседствовала на востоке, похожие темпы сокращения наблюдались в Уфимской губернии. На 1905 г. Самарская губерния по убыли дворянских земель была на шестом месте по Европейской России и на первом месте в Среднем Поволжье. Губерния вошла в состав 18 российских губерний, в которых убыль помещичьей земли была выше средней (12,6 тыс. дес.).

На смену прежних причин распродажи земли дворянами в конце XIX в. – начале XX в., добавились новые. Главные среди них – это рост цен за десятину земли и растущие долги сословия различным кредитным учреждениям и отдельным кредиторам. Неуклонное повышение цены продажи на землю имел для губерний изучаемого региона Поволжья особое значение.

Надо отметить, что здесь рост цен на участки земли был в это время даже немногим ниже, чем в других поволжских губерниях. Самыми дорогими были черноземы помещиков Ставропольского уезда – 104 руб. 14 коп. Весьма высокими были цены в Самарском (78,64 руб.) и в Бугурусланском (78,90 руб.) уездах⁴⁰. Ближе к Оренбургской губернии цены на пахотные и луговые земли были на 18–20 % ниже, но для земель хорошего качества тоже достаточно высокими – от 63,55 до 76,12 руб. за одну десятину. Помимо этого помещичьи земли оценивались (в процессе прямых переговоров сторон) дороже в зависимости от качества почв, удобного географического месторасположения, сочетания береговых, заливных, лесостепных земель с «голой» степью. На юге Среднего Поволжья наплыв переселенцев повышал спрос на пахотный клин. В связи с этим та часть помещиков, которая получала землю как пожалование, не проживала тут постоянно и не была связана с губернией в плане родного края, считала продажу земли весьма прибыльным событием на данный момент. К таким дворянам следует добавить еще и тех помещиков, которые имели усадьбы в других губерниях и управляли вновь приобретенными своими именьями заочно. Таких землевладельцев было много, особенно в Казанской и Самарской губерниях. Так, в Николаевском уезде Самарской губернии из 195 помещиков 136, в том числе 89 крупных (с владениями более 500 десятин)⁴¹ не находились в своих именьях, а проживали в столице или в соседних губерниях.

⁴⁰ *Савельев П.И.* Аграрные отношения и классовая борьба в Среднем Поволжье в период капитализма (1861–1905 гг.). Куйбышев, 1987. С. 10.

⁴¹ *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978. С. 138–139.

Характеристика взаимоотношений дворян региона с банковским капиталом

Кредиторская задолженность дворян-землевладельцев была другой серьезной причиной уменьшения дворянской доли собственности на земли региона. По итогам выкупных операций старые долги помещиков обычно погашались. Спустя уже пять лет у дворян Среднего Поволжья долги опять появились. В результате в 1866 г. открылось Общество взаимного поземельного кредита, в 1872 г. возникли акционерные поземельные банки. Все объемы кредитования этих банков уместались исключительно в губерниях и не выходили за рамки региона, причем в одной и той же губернии могли действовать одновременно лишь два банка. Помимо этих кредитных учреждений, кредиты на покупку земель выдавались еще и городскими общественными банками, правда, только в рамках той губернии, где такой банк функционировал. В частности, в Самарской губернии функционировали Нижегородско-Самарский (созданный в 1872 г. и считавшийся более крупным) и Донской банки.

Необходимо отметить, что кроме указанных частных учреждений долгосрочного кредита в Поволжье действовали и другие коммерческие банки, выдававшие краткосрочные займы, обеспеченные сельскохозяйственными землями. Среди них – Волжско-Камский банк, который открыл свое отделение в Самаре в 1871 г., а к 1873 г. распространил влияние уже на весь регион Волги и Камы⁴². В начале XX в. все крупные операции в Среднем Поволжье совершались Азовско-Донским коммерческим банком. Учреждение выдавало кредиты под соло-векселя заемщиков «сроком до 12 месяцев, обеспеченные залогом: а) сельскохозяйственных имений; б) сельскохозяйственного инвентаря; в) сельскохозяйственными продуктами...»⁴³.

Наличие и благополучность заложенного имущества банк проверял ежегодно согласно договору кредитования. Но, несмотря на это, судя по протоколу заседания ревизионной комиссии банка за 1906 г., планомерной проверкой банк себя почти не утруждал, доверяясь клиентам-дворянам. Весьма активно Азовско-Донской коммерческий банк интересовался экспортом хлеба, который приносил банку дополнительные доходы от перекупки с территорий Заволжья (Южного Приуралья). «В последние годы заволжские хлеба занимают выдающееся положение в экспортной торговле Ростова-на-Дону и Новороссийска, – сообщал председатель правления

⁴² Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Самарский уезд. Самара, 1883. Вып. I. С. 14.

⁴³ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг... С. 139.

банка, – количество хлеба, поступающего с волжских пристаней по реке Дону, в Ростове определяется в 10 млн. пудов. Совет банка признал необходимым открыть отделение банка в Самаре, как центральном пункте хлебной торговли на Волге»⁴⁴.

Еще до создания Дворянского земельного банка в Среднем Поволжье функционировал Саратовско-Симбирский земельный банк, который в результате хищений едва не обанкротился. Дворянский земельный банк взял на себя обязательство перед Правительством России провести процедуру ликвидации своего конкурента. Доля заложенных участков во всей массе частновладельческих земель постепенно увеличивалась. Дворяне попрекали банки тем, что вся их деятельность была направлена лишь на приумножение банковских доходов⁴⁵.

До открытия Дворянского земельного банка наибольшая часть заложенных помещиками Поволжья земель сосредоточилась в Обществе взаимного поземельного кредита, а также в частных банках. Последние к концу XIX в. сохранили большое влияние в Поволжье. В Самарской губернии в 1890 г. два ипотечных банка – Нижегородско-Самарский и Донской – выдали займы под залог 167 имений площадью 339612 дес.⁴⁶

Из 307 участков общей площадью 616 048 дес., записанных в залог в Дворянском банке, 41 имение было обременено долгами, сделанными под вторые закладные. Из них к крупным имениям относились 34 участка общей площадью 73 673 дес. и 7 средних площадью 2400 дес.⁴⁷ Производственный процесс в этих имениях шел к упадку. Местные предводители дворянства (и уездные и губернские) пришли к выводу, что «...большую часть их придется считать в ближайшем будущем исключенными из общего числа дворянских земель»⁴⁸.

В губерниях Среднего Поволжья наибольшая часть помещичьих земель была заложена с выдачей займа из 30–70% и выше от оценки имения. Долги помещиков в указанные банки достигли в 1892 г. 14,9 млн. руб. Рост числа залогов и кредитной задолженности показывал, что ранее других появившиеся кредитные учреждения, такие как Общество Взаимного поземельного кредита, Саратовско-Симбирский земельный банк, уступали

⁴⁴ Казанцев Н. Хозяйственное состояние Бугульминского уезда Самарской губернии // Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1879. Т. I. Вып. I. С. 72–73.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Доклад Высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб, 1873. Приложение I. С. 58.

⁴⁷ РО ГПБ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 27. Л. 36 об. – 37 об., 48.

⁴⁸ Доклад Высочайше утвержденной комиссии... С. 51.

место новым сословно-правительственным учреждениям – Дворянскому и Крестьянскому банкам. Общество взаимного поземельного кредита стало Особым отделом Дворянского банка. Объем кредитов и задолженности по ним в Дворянском банке возросли в 3 раза и достигли более 6 млн 165 тыс. руб. По размерам просроченных долгов землевладельцы Самарской губернии опережали Казанскую на 1,8 млн руб., Уфимскую – на 6,4 млн руб., Оренбургскую – на 10,1 млн руб., но при этом отставали от Симбирской губернии на 6,9 млн. руб. и от Саратовской – на 25 млн. руб.⁴⁹

Необходимо отметить, что помещичий «клин» собственной землей в самой богатой землями Самарской губернии превзошел все крестьянское землевладение в 2 раза⁵⁰.

Выводы

В первое двадцатилетие после отмены крепостного права частное землевладение в Среднем Поволжье составляло четверть всех аграрных площадей. В Самарской губернии на 1879 г. из общего массива земель (12 617 775 дес.) частным хозяевам принадлежало 3 309 802 дес., то есть 26,2%. Вся остальная земля принадлежала крестьянам в виде наделов – 6 668 020 дес. (53%), а также государству и церкви – 2 639 863 дес. (20,8%)⁵¹. Дворяне Среднего Поволжья на 1904 г. владели 26,5% от всех удобных земель: в Казанской губернии дворяне-землевладельцы имели 16,1% всех собственных и заарендованных земель губернии; в Симбирской – 33,2%, в Самарской – 30,2%⁵². То есть, с конца 70-х гг. XIX в. размер помещичьего землевладения в регионе вплоть до 1904 г. даже увеличился (с 26,2 % на 1879 г. до 26,5 в 1904 г.). В среднем по Европейской России дворянское землевладение составляло 36,2%. В абсолютном значении дворянству Среднего Поволжья к 1905 г. принадлежало 4629,4 тысячи десятин земли (в Казанской губернии – 633,7 тыс. дес., в Симбирской – 907,0 тыс. дес., в Самарской – 3088,7 тыс. дес.). Причем крупное помещичье землевладение численно господствовало:

⁴⁹ Доклад Высочайше утвержденной комиссии... С. 51.

⁵⁰ Николаев Г.А. Земельные отношения в Среднем Поволжье в начале XX века: некоторые особенности. Сборник научных работ, посвященный 90-летию И.Д. Кузнецова. Чебоксары, 1996. С. 42.

⁵¹ Воскресенская Т.А. Сельское хозяйство Поволжья в конце второй половины XIX – начала XX в. // Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М., 1959. С. 119.

⁵² Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11–15, 48, 54, 76, 78.

помещичье владение свыше 500 десятин в общей площади частновладельческих земель размером более 50 десятин в Казанской губернии составляли 78,3%, в Симбирской – 76,7%, в Самарской – 89,6%⁵³. В 1905 г. купечеству принадлежало 29,5% частной земельной собственности, что составляло 926 041 десятин.

Таким образом, в период всех послереформенных десятилетий удельный вес помещичьего землевладения был весьма значительным, а с учетом привилегированного положения дворянства оно оказывало большое воздействие на экономику деревни в целом.

В результате можно сделать вывод, что в конце 1860-х – 1870-е гг. дворянское сословие занимало главенствующее положение в частном землевладении. Оно превосходило купцов и почетных граждан по площади собственных земель более чем в три раза. По площадям пашни и по числу владений помещичьи земли уступали только лишь крестьянским. В начале XX в. помещики уже уступали первенство по площадям землевладений купцам.

После манифеста 19 февраля 1861 г. запустился процесс перепродажи помещичьей земли. Причина этого крылась в экономических переменах, связанных с капиталистическими рыночными новшествами в ведении аграрного хозяйства. Главным вопросом было, в чьи руки переходит земля. Отчасти пашня и угодья перераспределялись внутри дворянского сословия, и административно-экономический смысл этого перераспределения имел два вектора. Смысл перераспределения зависел от того, какая система хозяйства преобладала у нового хозяина – отработочная или капиталистическая. Большая часть оказавшейся на рынке помещичьей земли переходила от дворянства к купечеству, к крестьянам, мещанам. Барщинная система помещичьего хозяйства оказалась подорвана. Дальнейшее ведение аграрного производства на свой страх и риск в условиях неустойчивой рыночной системы в губерниях пугало помещиков своей непредсказуемостью. Часть дворянских семей даже не пыталась перестроить свое хозяйство, приспособившись к новым обстоятельствам спроса, и решила освободиться от обременительного землевладения, планируя прожить благодаря поступлению на государственную службу. Такие помещики и стали основными продавцами земли в первые десятилетия после реформы.

Процесс продажи помещичьих земель в Среднем Поволжье активизировался в 1898–1902 гг., в частности, в Симбирской губернии – на 85%, в Самарской – на 164%. Но продавали земли, главным образом, крупные землевладельцы, а мелкие и средние собственники из дворян Поволжья после

⁵³ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11–15, 48, 54, 76, 78.

1902 г., напротив, активизировали приобретение земель и удобных угодий. Делая вывод по вопросу об обеспеченности дворян региона землей, можно сказать, что во второй половине XIX в. экономическое положение помещиков было весьма стабильным, что послужило основой высокой положительной динамики численности дворянского сословия трех изучаемых губерний. Об этом свидетельствовал рост численности в 1867–1897 гг. в губерниях Среднего Поволжья личного дворянства и чиновников (106,7%) и потомственного дворянства (132,9%).

© Петров В.И. 2018

Рукопись поступила: 27 апреля 2018 г.

Submitted: 27 April 2018

References

- Anfimov, A.M. *Krestyanskoe khozyaystvo Evropeyskoy Rossii 1881–1894 gg.* [Peasant economy of European Russia 1881–1894]. Moscow: Nauka Publishing house, 1980 (in Russian).
- Daishev, S.I., and Smykov, Yu.I. *Migracionnoe dvizhenie v Srednem Povolzhe v period kapitalizma (60–90-e gody XIX v.)* [Migration movement in The middle Volga region during the period of capitalism (60–90-ies of 19th century)]. Saransk: N.P. Ogarev Mordovia State University Press, 1989 (in Russian).
- Doklad Vy`sochajshe utverzhdennoy komissii dlya issledovaniya ny`neshnego polozheniya sel`skogo khozyajstva i sel`skoj proizvoditel`nosti v Rossii* [Report of the most Highly approved Commission for the study of the current state of agriculture and rural productivity in Russia]. Application 4, part 1. St. Peterburg: Obshhestvennaya pol`za Press, 1873 (in Russian).
- Druzhinin, N.M. *Russkaya derevnya na perelome 1861–1880 gg.* [Russian village at the turn of the 1861–1880]. Moscow: Nauka Publishing house, 1978 (in Russian).
- Fedoseev, R.V. *Ot pomestiya k ekonomii. Dvoryanskoe khozyaystvo Penzenskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [From the estate to economy. Noble economy of Penza province in the second half of 19th – early 20th century]. Saransk: N.P. Ogarev Mordovia State University Press, 2013 (in Russian).
- Kabytov, P.S., and Savelev, P.I. *Agrarnye otnosheniya v Povolzh'e epohi kapitalizma* [Agricultural relations in the Volga region of the capitalist era]. Kuibyshev: Kuibyshev state University Press, 1984 (in Russian).
- Kanatov, V.I. *Osushhestvlenie reformy 1861 goda v Simbirskoy gubernii. Po materialam ustavnyh gramot, darstvennyh i vykupnyh sdelok* [Implementation of the reform of 1861 in Simbirsk province. On materials of charters, gift and redemption transactions]. Ph.D. thesis, Lomonosov Moscow State University, 1970 (in Russian).

- Kavelin, A.P. *Rossiia sel'skaya na rubezhe XIX – XX vv. Rossiia v nachale XX veka* [Rural Russia at the turn of 19th – 20th centuries. Russia in the early 20th century]. Moscow: Novyy hronograf Publ., 2002 (in Russian).
- Kazancev, N. “Hozyaystvennoe sostoyanie Bugul'minskogo uezda Samarskoy gubernii.” [Economic condition of Bugulma district of Samara province] In *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Free economic society], 16–19. Vol. 1. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1879 (in Russian).
- Kleyn, N.L. *Ekonomicheskoe razvitie Povolzhya v konce XIX – nachale XX v. (Samarskaya, Saratovskaya, Simbirskaya gubernii)* [Economic development of the Volga region in the late 19th – early 20th century. (Samara, Saratov, Simbirsk province)]. Saratov: Saratov State University Press, 1982 (in Russian).
- Korolenko, A.S. *Selskoxozyajstvennye i statisticheskie svedeniya po materialam, poluchenny'm ot hozyaev* [Agricultural and statistical data on the materials obtained from the owners]. St. Peterburg: V. Kirshbaum Press, 1892 (in Russian).
- Krestyanskie vnenadelnye arendy* [Peasant non-owned lease]. Vol. 2 of *Itogi e'konomicheskogo issledovaniya Rossii po dannym zemskoy statistiki* [The results of economic research in Russia according to the Zemstvo statistics]. Moscow: A.I. Mamontova & K^o Press, 1892 (in Russian).
- Lipinskiy, and Skryabin, M. *Materialy` dlya geografii i statistiki Rossii, sobranny'e oficerami General'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya*. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General staff, Simbirsk province]. Vol 20, part 1. Moscow: Voennaya tipografiya Press, 1868 (in Russian).
- Marchenya, P.P., and Razin, S.Yu. “Agrarnyy vopros i russkaya revolyuciya: pervoe zasiedanie teoreticheskogo seminarara Krest'yanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii.” [Agrarian question and the Russian revolution: the first meeting of the theoretical seminar Peasant question in Russian and world history] *Russian History*, no. 5 (2012): 217–219 (in Russian).
- Materialy dlya izucheniya sovremennogo polozheniya zemlevladieniya i sel'skoxozyajstvennoy promy'shlennosti v Rossii, sobranny'e po rasporyazheniyu ministra gosudarstvennyh imushhestv* [Materials for the study of the current state of land ownership and agricultural industry in Russia, collected by order of the Minister of state property]. Vol. 1. St. Petersburg: Trenke i Fyusno Publ., 1893 (in Russian).
- Materialy Vysochayshe utverzhdennoy 6 noyabrya 1901 g. Komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya* [Materials of the Commission on the study of the question of movement from 1861 to 1900 of the welfare of the rural population approved on November 16, 1901]. Part 1. St. Peterburg: Soykin Press Publ., 1903 (in Russian).
- Nayakshin, K.Ya. *Ocherki iz istorii Srednego Povolzhya* [Essays from the history of the middle Volga region]. Kuybyshev: Knigoizdat Publ., 1955 (in Russian).
- Nikolaev, G.A. “Zemelnye otnosheniya v Srednem Povolzhe v nachale XX veka: nekotorye osobennosti.” [Land relations in The middle Volga region at the beginning of

- the 20th century: some features] In *Sbornik nauchnyh rabot, posvyashchennyh 90-letiyu I.D. Kuznetsova* [Collection of scientific works dedicated to the 90th anniversary of I.D. Kuznetsov], 77–84. Cheboksary: ChIGN Publishing House, 1996 (in Russian).
- Nikolaev, G.A. *Iz istorii agrarnykh otnosheniy Chuvashii i Srednego Povolzh'ya v XIX–XX vv.* [From the history of agricultural relations of Chuvashia and The middle Volga region in the 19th – 20th centuries]. Cheboksary: CHIGN Publishing House, 1996 (in Russian).
- Obshhiysvod po imperii rezul'tatov razrabotki dannyh pervoy vseobshhey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda* [General set on the Empire of the results of the development data of the first General census of the population, made on 28 January 1897]. St. Peterburg: Centralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennix del Publ., 1905 (in Russian).
- Pervaya vseobshhaya perepis naseleniya Rossiyskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya* [The first General census of the population of the Russian Empire in 1897 Kazan province]. Vol 14. St. Peterburg: Centralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennix del Publ., 1904 (in Russian).
- Pervaya vseobshhaya perepis naseleniya Rossiyskoj imperii 1897 g. Orenburgskaya guberniya* [The first General census of the population of the Russian Empire in 1897. Orenburg province]. Vol. 28. St. Peterburg: Centralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennix del Publ., 1904 (in Russian).
- Pervaya vseobshhaya perepis naseleniya Rossiyskoj imperii 1897 g. Simbirskaya guberniya. Samarskaya guberniya* [The first General census of the Russian Empire in 1897 Simbirsk province. Samara province]. Vol 36. St. Peterburg: Centralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennix del Publ., 1904 (in Russian).
- Pervaya vseobshhaya perepis naseleniya Rossiyskoj imperii 1897 g. Simbirskaya guberniya* [The first General census of the Russian Empire in 1897 Simbirsk province]. Vol 39. St. Peterburg: Centralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennix del Publ., 1904 (in Russian).
- Pervaya vseobshhaya perepis naseleniya Rossiyskoj imperii 1897 g. Ufinskaya guberniya* [The first General census of the population of the Russian Empire in 1897 Ufa province]. Vol. 45. St. Peterburg: Centralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennix del Publ., 1904 (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonodatelstva Rossiyskoj Imperii (PSZ RI). Zakony o sostoyaniyah* [Full collection of legislation of the Russian Empire (PSZ RI). Laws of the States], 15–16. Vol. 9. St. Peterburg: II Otdelenie Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii Press, 1857 (in Russian).
- PSZ RI* Vol. 22, no. 16187. St. Peterburg: II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii Press, 1907 (in Russian).
- PSZ RI-2*. Vol. 31, no. 31236. St. Peterburg: II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii Press, 1907 (in Russian).
- Savel'ev, P.I. *Agrarnye otnosheniya i klassovaya bor'ba v Srednem Povolzh'e v period kapitalizma (1861–1905 gg.)* [Agrarian relations and the class struggle in the middle

- Volga region in the period of capitalism (1861–1905). Kuibyshev: Kuibyshev State University Press, 1987 (in Russian).
- Sbornik statisticheskikh svedeniy po Samarskoy gubernii. Otdel hozyajstvennoy statistiki. SamarSKIY uezd* [The collection of statistical information in the Samara province. Department of economic statistics. Samara region]. Vol. 1. Samara: Izdatelstvo zemstva Press, 1883 (in Russian).
- Shevnina, O.E. “Provincial’noe dvoryanstvo kak ob`ekt gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya (vtoraya polovina XIX v.)” [Provincial nobility as an object of state-legal regulation (second half of 19th century)] *Vestnik of Penza state university*, no. 1 (2013): 40–45 (in Russian).
- Smykov, Yu.I. *Krestyane Srednego Povolzhya v borbe za zemlyu i volyu. 60–90-e gg. XIX v.* [Peasants of The middle Volga region in the struggle for land and will. 60–90-s of 19th century]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1973 (in Russian).
- *Krest`yane Srednego Povolzh`ya v period kapitalizma. Socialno-ekonomicheskoe issledovanie* [Peasants of The middle Volga region during the period of capitalism. Socio-economic research]. Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- Statisticheskie tablicy Rossijskoy imperii. Nalichnoe naselenie imperii za 1858 god* [Statistical tables of the Russian Empire. Present population of the Empire in 1858]. Vol. 2. St. Peterburg: K. Wolf’s Press, 1863 (in Russian).
- Statisticheskij vremennik Rossijskoy imperii za 1867 g.* [Statistical time of the Russian Empire for 1867]. St. Peterburg: B. Bezobrazova & K^o Publ., 1871 (in Russian).
- Statistika zemlevladieniya 1905 g. Svod danny`h po 50 guberniyam Evropejskoy Rossii* [The statistics of landownership in 1905 the compilation of data for 50 provinces of European Russia]. St. Peterburg: CSK MVD Publ., 1907 (in Russian).
- Ul’yanov, A.E. “Pokupka pomeshchich`ej zemli Krest`yanskim pozemel’ny`m bankom v guberniyax Srednego Povolzh`ya v konce XIX – nachale XX v.” [Purchase of landed estates of the peasant land bank in the provinces of the Middle Volga in the late 19th – early 20th century] *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University* 57, no. 3 (2011): 111–115 (in Russian).
- Voskresenskaya, T.A. “Sel’skoe hozyaystvo Povolzh`ya v konce vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.” [Agriculture of the Volga region at the end of the second half of the XIX – early XX century] In *Socialisticheskie preobrazovaniya v SSSR i ih ekonomicheskie predposylki* [Socialist transformations in the USSR and their economic prerequisites], 54–61. Moscow: [S.n.], 1959 (in Russian).

Archives

- Otdel rukopisey Rossijskoy Gosudarstvennoy biblioteki [Department of manuscripts of the Russian State Library], f. 226, op. 1, d. 27.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv (RGIA) [Russian state historical archive], f. 1283, op.1, d. 218.

Socio-economic characteristics of landed nobility of the Middle Volga region in the second half of 19th – early 20th centuries

Vladimir I. Petrov

Kuban State University

149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russia

history1380@mail.ru

Abstract: The article deals with the analysis of the socio-economic development of the landed nobility of the Middle Volga region. They grew in number due to the high birth rate in the families of the nobility by birth. In 1867–1897 the increase in the number of the personal nobility of the Middle Volga region considerably lagged behind the growth in the number of the nobility by birth. It should be noted that more than 80% of the nobility by birth of the region lived in cities. The government needed to strengthen its social support throughout all tiers of Russian society, with a clear attempt to restrict access to the nobility. The main process in the sphere of landowning among the noblemen of the Middle Volga region in the second half of the 19th and early 20th centuries was to mobilize the nobility landowning of the region under study, that is, to reduce the landownership of the gentry and to concentrate land in the hands of the merchantry, the business peasantry and other representatives of the rural bourgeoisie. Throughout the post-Reform period, the landlords retained the position of the main sellers, as well as the largest buyers of land. The redistribution of land among the nobility was influenced by the market development of agrarian relations in general and landlord production, in particular. At the same time, the transfer of land into the hands of capitalized landlords facilitated the development of their farms. In the first twenty years after the abolition of serfdom, the private landownership in the Middle Volga region accounted for a quarter of all agrarian areas. Judging by the wealth of the nobility in the region, it can be stated that in the second half of the 19th century the economic situation of the landowners was very stable, which served as the basis for the high positive dynamics of the growth of the gentry class in the three governorates under study. Therefore, in 1867–1897 the increase in the number of personal nobility and government officials in the Middle Volga region amounted to 106.7%.

Keywords: nobility by birth, personal noblemen and officials, land redistribution among the nobility, reduction of aristocratic land ownership, estates pledged to the bank, the Middle Volga

For citation: Petrov, Vladimir I. “Socio-economic characteristics of landed nobility of the Middle Volga region in the second half of 19th – early 20th centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 675–695. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-675-695

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-696-717

Создание системы стационарной офтальмологической помощи в Уфе в начале XX в.

Ю.Ш. Галимова

Башкирский государственный университет
450076, Россия, Уфа, ул. З. Валиди, 32
yula347@gmail.com

Аннотация: В дореволюционный период попечение инвалидов и других страждущих, не имевших необходимой материальной поддержки, осуществлялось при поддержке императорской семьи и участия общественности. Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых являлось единственной в своем роде организацией, осуществляющей поддержку слепых людей. Созданное в 1886 г. Уфимское отделение попечительства взяло на себя вопросы попечения, обучения и трудоустройства малоимущего населения губернии с заболеваниями зрения. С этой целью был открыт приют для взрослых инвалидов по зрению, впоследствии реорганизованное в Уфимское училище для малолетних слепцов. В 1901 г. училище стало основой для первой бесплатной глазной лечебницы в г. Уфе. Лечебница взяла на себя вопрос лечения всего населения губернии, до того момента не имевшего медицинского обеспечения в области офтальмологии. Несмотря на ограниченную поддержку властей губернии и города, глазная лечебница добилась расширения сферы своей деятельности, подняв оказание лечебной помощи на достойный уровень, и стала основой для создания профильного научно-исследовательского института, продолжающего оказывать офтальмологическую помощь населению по сей день¹. До настоящего времени не было целостного исследования, посвященного теме развития офтальмологической службы на территории Уфимской губернии. Основу работы составляют архивные документы из Российского государственного исторического архива, Национального архива Республики Башкортостан, государственного архива Республики Крым, Центрального государственного архива г. Москвы, государственного архива Томской области, государственного архива Саратовской области, государственного архива кантона Берн (Швейцария), благодаря которым удалось восстановить историю создания и деятельности Уфимской глазной лечебницы, биографию ее руководителей, судьба которых была тесно связана с историей страны.

Ключевые слова: Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых, Уфимское отделение попечительства о слепых, офтальмологическая помощь, Уфимское отделение попечительства слепых

¹ 15 ноября 1926 г. Уфимская глазная лечебница была реорганизована в Уфимский научно-исследовательский институт глазных болезней.

Для цитирования: Галимова Ю.Ш. Создание системы стационарной офтальмологической помощи в Уфе в начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 3. С. 696–717. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-696-717

Введение

Основой для становления системы стационарной офтальмологической помощи в Уфимской губернии стала деятельность Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, предусматривавшая комплекс мероприятий по попечению инвалидов по зрению, а также оказание офтальмологической помощи малоимущему населению. Попечительство имело право открывать свои отделения и комитеты по всей территории Российской империи. Уфимское отделение попечительства Марии Александровны о слепых (далее – отделение) начало свою деятельность 31 августа 1886 г.², получив здание с прилегающей к нему территорией, на которой 15 мая 1888 г. было открыто Уфимское ремесленное убежище для взрослых слепых, а в 1891 г. – училище для малолетних слепцов³. 11 августа в 1901 г. училище было реорганизовано в первую бесплатную глазную лечебницу с 4-стационарными койками, которая размещалась по адресу ул. Уфимская, д. 91⁴.

В данной статье предполагается рассмотрение вопросов становления и развития Уфимской глазной лечебницы как первого в губернии учреждения, оказывающего бесплатную стационарную офтальмологическую помощь населению. До открытия лечебницы население с заболеванием глаз, в большинстве своем малоимущее, неграмотное и не имеющее представление о медицине, было представлено само себе. Специализирующиеся на глазных болезнях губернские врачи: земские и ведущие частный прием на дому, не имели «...зачастую возможности помогать всем без исключения»⁵. С этой точки зрения, лечебница хоть и не могла охватить всю губернию в оказании медицинской помощи, но «...тем не менее, удовлетворила посильно законную нужду значительного числа страждущих глазами, до сих пор остававшихся без всякой помощи»⁶. Таким образом, открытая

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 764. Оп. 1. Д. 37 а. Л. 7.

³ Там же. Л. 200.

⁴ Там же. Д. 315. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 40 об.

⁶ *Бельский А.А.* Обзор деятельности Уфимской глазной лечебницы Попечительства о слепых за 1 год. Киев, 1903. С. 10.

с большим трудом глазная лечебница, несмотря на недостаточное финансирование, с одним врачом и немногочисленным персоналом возглавила офтальмологическую службу губернии и впоследствии стала фундаментом для профильного научно-исследовательского института⁷.

За четверть века существования Уфимской глазной лечебницы ею последовательно заведовали врачи А.А. Бельский, В.И. Сушкин, А.А. Мейер, Ф.А. Киркевич, В.Ф. Кашменский.

Задачей исследования является анализ истории развития офтальмологической службы в Уфимской губернии в начале XX в., влияние на этот процесс социальной и политической обстановки в стране.

К истории Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых обращались многие ученые, которые давали оценку работы Попечительства в Российской империи и его филиалов в отдельных губерниях. Т.Б. Кононова провела обзор развития сети обществ и комитетов Попечительства о слепых⁸. А.А. Хитров⁹, Г.Н. Ульянова¹⁰ проанализировали финансовые составляющие благотворительных организаций в империи. А.А. Хитров в заключении отмечает, что «...Попечительство о слепых, как и другие благотворительные ведомства и учреждения, не могло полностью заменить государство в сфере социальной политики и здравоохранения». Г.Н. Ульянова в своих работах указывает, что религиозный компонент и чувство гражданского патриотизма были важнейшими мотивами благотворителей на внесение пожертвований¹¹. Д.И. Герасимова в своей диссертационной работе дает анализ деятельности губернских и уездных органов власти в их реализации проблем социальной защиты¹². В работе С.Д. Галиуллиной, Д.И. Герасимовой, Е.А. Сафиной рассматривается организационно-управленческая структура существовавших в Уфимской губернии

⁷ Уфимский научно-исследовательский институт глазных болезней.

⁸ Кононова Т.Б. Из истории деятельности Попечительства о слепых в России // Социальная политика и социология. М., 2009. С. 304–311.

⁹ Хитров А.А. Благотворительная социальная и медицинская помощь слепым в России под покровительством императорской фамилии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. СПб., 2008. Вып. 4. Ч. I. С. 54–60.

¹⁰ Ульянова Г.Н. Целевые фонды в финансировании благотворительности: «Приступить к учреждению ... заведений тогда только, когда к содержанию их назначены будут достаточные средства» // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). М., 2013. № 23. С. 215–218.

¹¹ Galina Ulianova. Not for Wealth but for God» (On Moscow Merchants' Motives for Charity) in: *Russian Studies in History*. 2000. Vol. 39. № 2. P. 28–51.

¹² Герасимова Д.И. Становление и развитие системы социальной защиты населения в 1865–1917 гг. (на материалах Уфимской губернии): дисс. ... к.и.н. Уфа, 2016. С. 191.

отделений и комитетов попечительств¹³. В исследованной нами литературе не были обнаружены работы по Уфимскому отделению попечительства о слепых и, соответственно, по Уфимской глазной лечебнице.

Источниками работы стали документы из архивов России и зарубежья, методом исследования – их анализ. Основу составляют отчеты по Уфимской глазной лечебнице, составляемые врачами ежегодно и хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. В Национальном архиве Республики Башкортостан сохранилась переписка Уфимского отделения Попечительства с Уфимской городской думой, земством. Подшивки газет, хранящиеся в архивах республики, стали источниками, отражающими дух того времени. Биографии врачей восстановлены путем направления запросов в архивы медицинских университетов городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Томска и др.) и зарубежья.

Бюджет Уфимской глазной лечебницы

В марте 1900 г. Уфимское отделение Попечительства о слепых подняло вопрос об открытии глазной лечебницы на месте существовавшего тогда училища для малолетних слепцов. С данным прошением отделение обратилось в Уфимскую городскую думу, со своей стороны предоставляя помещение для амбулатории и ежегодного содержания в размере 1200 руб. Отделение указывало, что это намерение осуществимо лишь при оказании денежной помощи со стороны Уфимского городского управления в виде 800 руб. ежегодно. На тот момент Дума не смогла выделить указанную сумму в связи с утвержденной сметой расходов на текущий год, отложив этот вопрос на следующий год¹⁴. Чрезвычайное собрание членов Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых также отказало отделению в данном начинании¹⁵.

29 ноября 1900 г. Уфимская городская дума вновь собралась на обсуждение вопроса по открытию глазной лечебницы, в результате которого ходатайство Уфимского отделения попечительства было одобрено¹⁶. Заручившись поддержкой губернских властей, 3 декабря 1900 г. Совет отделения обратился с повторным докладом в Попечительство императрицы

¹³ Галиуллина С.Д., Герасимова Д.И., Сафина Е.А. Организационно-управленческая структура Попечительства в Уфимской губернии // *Вестник УГАЭС.Уфа*, 2013. № 3 (5). С. 81–87.

¹⁴ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-311. Оп. 1. Д. 2. Л. 14 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 7 об.

¹⁶ НА РБ. Ф. И-311. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

Марии Александровны о слепых, где указывает, что земства и городские управления губернии поддерживают идею открытия лечебницы и готовы выделить для этой цели 1710 руб. в год¹⁷. В дополнение к письму 5 декабря 1900 г. отделение отправило в адрес Попечительства о слепых смету на 1901 г.¹⁸ В письме указывается, что смета составлена с учетом возможного открытия Уфимской глазной лечебницы.

Согласно смете сумма доходов должна была составить 2826 рублей, 60% из которых (1710 руб.) составляла сумма возможной выдачи городскими властями. Немалый доход должны были принести церковно-кружечный сбор – 665 руб., частные пожертвования – 564 руб., кружечный сбор в казенных винных складах – 462 руб. Здесь нужно указать, что данные суммы были лишь предполагаемыми и подсчитывались с помощью вычисления средней суммы от пожертвований и сборов за последние 3 года. К примеру, кружечный сбор в казенных винных складах к началу декабря 1900 г. составил 250 руб., но составители сметы, вычислив среднюю сумму от доходов за 1897–1899 гг., ожидали получить 462 руб. Членские взносы исчислялись лишь 80 руб. Как и все благотворительные организации XIX – начала XX вв., Уфимское отделение Попечительства о слепых имело неприкосновенный капитал в виде билета государственного банка и свидетельств временного поземельного банка, проценты от которых составили только 118 руб. (4,2% от общей суммы доходов).

Таким образом, функционирование глазной лечебницы по большей части зависело от поддержки властей губернии (60% от общей суммы), а также от общественных пожертвований (40%). Расходы же планировались быть таковыми: выплата жалованья сотрудникам, содержание здания лечебницы (отопление, освещение, вода и т.д.), выделение медикаментов и перевязочных материалов для бесплатного лечения пациентов, организация их питания и проживания в лечебнице. К примеру, на питание пациентов планировалось потратить 350 руб., что составило 12,4% от общей суммы. Самый большой расход планировался в виде выплаты жалований сотрудникам – 65%, 18% – содержание здания и территории лечебницы, 17% – медикаменты, перевязочные средства, заготовка одежды больным и стирка белья. Каждый рубль в бюджете лечебницы имел свое назначение, и появление непредвиденных расходов могло поставить руководство учреждения в безвыходное положение. К тому же Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых не выделяло денежных ассигно-

¹⁷ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 8.

¹⁸ Там же. Л. 1–5 а.

ваний для лечебницы. По имеющимся документам, в 1907 г. Совет отделения был вынужден обратиться за единовременной финансовой помощью в Попечительство в сумме 1000 руб. в связи с упадком пожертвований, но Попечительство смогло выделить лишь половину суммы. Таким образом, функционирование глазной лечебницы зависело от инвестиций губернских властей и общественного сочувствия. И первого, и второго, к сожалению, было недостаточно.

Организация работы в Уфимской глазной лечебнице. Деятельность первого директора А.А. Бельского

Открытие первой глазной лечебницы в Уфимской губернии знаменует вступление региональной офтальмологии в новую фазу своего развития. С этого времени видно стремление обеспечить реальную помощь слепым и слабовидящим для их включения в полноценную жизнь. Это начинание имело успех, прежде всего, благодаря врачам лечебницы, которые отвечали за медицинскую, организационную и административную деятельность учреждения. Врач – он же директор лечебницы – был в ответе за решение финансовых вопросов учреждения. В подчинении директора были одна либо две сестры милосердия, сиделка и надзиратель. Последний, согласно Уставу, занимался ведением хозяйственной деятельности в лечебнице¹⁹. Иногда при сложных операциях врач обращался за помощью к другим уфимским хирургам.

Первым врачом и директором Уфимской глазной лечебницы был Арсений Александрович Бельский, 1875 года рождения, уроженец г. Твери, сын мелкого служащего²⁰. В 1899 г. он окончил медицинский факультет Московского университета, после чего в течение трех лет работал ординатором глазной клиники. В этот период им было сделано несколько докладов на научных заседаниях Общества глазных врачей в Москве. В летнее время А.А. Бельский работал в выездных отрядах по оказанию офтальмологической помощи населению. По рекомендации профессоров Л.Г. Беллярминова и А.А. Крюкова²¹ А.А. Бельский в 1901 г. прибыл в Уфу для заведования

¹⁹ Устав глазной лечебницы Уфимского отделения Попечительства императрицы Марии Федоровны о слепых. Уфа, 1912. С. 6.

²⁰ Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-26. Оп. 5. Д. 158. Л. 3.

²¹ Беллярминов Л.Г. (1859–1930) – выдающийся советский офтальмолог, председатель Санкт-Петербургского офтальмологического общества (1898–1930), организатор работы глазных отрядов при Попечительстве; Крюков А.А. (1849–1908) – офтальмолог,

глазной лечебницей и был определен на свою должность с правами государственной службы согласно приказу Министерства внутренних дел²².

Приступив к своим функциональным обязанностям, А.А. Бельский активно включился в работу по оказанию медицинской помощи населению. Об объемах выполненной им работы можно судить по данным ежегодного отчета лечебницы, предоставляемого Уфимским отделением в вышестоящее Попечительство.

Специально разработанная форма отчета состояла из одиннадцати таблиц, которые охватывали все аспекты лечебной деятельности учреждения: информацию о лечебнице, район обслуживания, количество принятых больных с разделением их по полу, сословию, возрасту, расстоянию, которое им пришлось преодолеть от места проживания до лечебницы, число посещений, виды болезней пациентов, список операций и т.д. Так, в 1902 г. лечебницу посетили 14317 человек за 330 рабочих дней²³. Таким образом, ежедневный прием А.А. Бельского составлял 43 пациента. Общее количество операций составило 2061, т.е. в среднем проводилось шесть операций в день. А.А. Бельский проводил различные оперативные вмешательства, результаты которых были высокими: из 65-ти оперированных по поводу катаракты зрение менее 0,1 было в трех случаях из-за «...обнаружившихся изменений на дне (2) и втяжения зрачка в рубец (1), от 22-х зрение с двояковыпуклыми стеклами получилось 0,2–0,3 и у остальных явившихся (32 глаза) зрение оказалось выше 0,3»²⁴. Результаты хирургического лечения катаракты А.А. Бельского по тому времени были достаточно эффективными, хотя не хватало качественных инструментов, шовного материала.

В «Особом отчете» директор подробно описывал состояние дел в лечебнице. Тут прослеживается ответственное отношение А.А. Бельского к своей работе, его переживания, связанные с отсутствием возможности помочь всем страждущим: «...Больница постоянно видит, что потребности, которым она должна удовлетворять, растут гораздо быстрее, чем ее силы и средства: и в самом деле сколько больных, которым могла бы быть оказана рациональная помощь, если бы они могли пробыть хотя бы несколько дней при глазной лечебнице, сколько таких больных не могут быть приняты за

профессор Московского университета (с 1895). Организатор Московского офтальмологического общества (1878).

²² РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 20.

²³ Там же. Л. 44.

²⁴ *Бельский А.А.* Обзор деятельности Уфимской глазной лечебницы Попечительства о слепых за 1 год врача А.А. Бельского. Киев, 1903. С. 8.

недостатком места. Далее он отмечал: «...На основании этих и подобных им соображений становится понятной, особенное очевидное на месте потребность и нужда Уфимского населения в бесплатной глазной лечебнице, особенно для инородцев и большей части крестьян и мещан. Естественно и понятно по сему стремление местного Отделения Попечительства о слепых завести бесплатную лечебницу, несмотря на малые наличные средства, ибо лучше малая часть населения будет пользоваться необходимой и рациональной помощью, чем никто»²⁵.

Цифры отчетов за 1901–1902 г. свидетельствуют об огромном объеме работы, проведенной А.А. Бельским: за небольшой срок ему удалось обустроить помещение, оснастить его необходимым хирургическим оборудованием и инструментами при минимальном штате сотрудников и ограниченных средствах финансирования; обеспечить организацию приема и последующего хирургического лечения большого количества пациентов²⁶.

Несмотря на отсутствие нареканий по работе директора лечебницы, 3 октября 1903 г., как сообщал вице-председатель Уфимского отделения попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых В.Н. Матвеев, Бельский был «...арестован и административным порядком выслан из гор. Уфы»²⁷.

Поиски информации о дальнейшей судьбе первого директора лечебницы привели в Крым, где А.А. Бельский провел свои последние годы жизни. В автобиографии, написанной в 1940 г., он подробно описывает свою жизнедеятельность. Согласно ей А.А. Бельский «...в 1903 г. был арестован и выслан из Уфы за знакомство с ссыльными и помощь революционным организациям»²⁸.

Симпатия к революционным течениям принесла немало затруднений в его дальнейшей профессиональной работе: после первого ареста его дважды заключали под стражу, он получил «метку» о неблагонадежности, что стало проблемой при дальнейшем трудоустройстве в Москве. В период с 1903 по 1927 г. А.А. Бельский сменил ни одно место жительства и работу. Так, он заведовал холерными бараками в г. Вятка, служил ординатором в Московской глазной больнице, повышал квалификацию по лечению глазных болезней в Швейцарии, Франции и Италии, руководил рабочей больницей и глазными районными пунктами в Киевском уезде. В 1914–1917 гг. Бельский был мобилизован в армию, после чего заведовал глазным отде-

²⁵ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 39–41.

²⁶ Бикбов М.М., Галимова Ю.Ш. Грани света. М., 2016. С. 80.

²⁷ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 55.

²⁸ Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-26. Оп. 5. Д. 158. Л. 3.

лением в больнице г. Бежица. В 1926–1927 гг. А.А. Бельский переехал в Крым, где в Севастополе руководил глазным отделением Первой Советской больницы. В 1927 г. его назначили заведующим глазным отделением Института имени И.М. Сеченова (г. Севастополь).

Фото 1. Профессор А.А. Бельский с сотрудниками кафедры глазных болезней Крымского медицинского института
Photo 1. Professor A.A. Belskiy with the staff of the Department of Eye Diseases of the Crimean Medical Institute

Источник: Медицинская академия имени С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского». URL: <http://ma.cfuv.ru/site/page/show/docid/5500>.

В 1935 г. Бельский возглавил кафедру глазных болезней Крымского медицинского института (рис.1). В эти годы А.А. Бельский вел активную общественную жизнь: был депутатом городского и районного Советов, ответственным секретарем научной ассоциации врачей Севастополя, состоял председателем секции «Всекрымского общества глазных врачей», членом секции научных работников и т.д. В 1936 г. А.А. Бельский получил ученую степень доктора медицинских наук. В 1939 г. он был удостоен награды Наркомздрава СССР – значка «Отличник здравоохранения»²⁹.

²⁹ Годы профессиональной деятельности А.А. Бельского характеризуются высокими показателями в его научной и организационной сферах. Он снискал любовь и уважение своих коллег, учеников, которые ходатайствовали в 1940 г. о присвоении ему звания «Герой труда». Его современники указывают, что в Севастополе А.А. Бельский проделал большую работу по организации клиники и через полтора–два года превратил глазное отделение

Новый этап деятельности Уфимской глазной лечебницы (1903–1926)

В 1903 г., после ареста директора Уфимской глазной лечебницы, возникла проблема поиска нового врача на эту должность. Ситуация усугублялась тем, что наплыв амбулаторных больных не прекращался. При этом, по свидетельству из официальных источников, «...вольнопрактикующие в городе Уфе врачи Каплан и Гинсбург отказались от заведования глазной лечебницей, а член Совета, врач С.П. Знаменский³⁰ изъявил согласие лишь на окончание лечения наличных коечных больных. По рекомендации профессора А.А. Крюкова г. Уфу прибыл врач В.И. Сушкин, служивший до того в Воронежской Александро-Мариинской глазной лечебнице в должности второго врача»³¹.

Владимир Иванович Сушкин (рис. 2) родился 1 октября 1875 г. в «Москве Харитоновской, в Огородниках» в семье «Личного почетного гражданина» И.П. Сушкина³². Начальное образование он получил в московской 1-й прогимназии и в московской 4-й гимназии. Далее В.И. Сушкин становится студентом медицинского факультета императорского Московского университета (1894–1901 гг.), после окончания которого он получил диплом со «степенью лекаря с отличием, со всеми правами и преимуществами»³³. После окончания учебы В.И. Сушкин остался при университетской клинике, но в 1903 г. за проявление солидарности с учащимися во время студенческих волнений был отчислен из университета и получил административный запрет на проживание в столице. Впоследствии В.И. Сушкин начал работать в Воронежской Александро-Мариинской глазной лечебнице, откуда прибыл в г. Уфу.

Городской больницы в специализированное учреждение с хорошим оборудованием. А.А. Бельский был консультантом Наркомздрава Крыма и возглавил дело борьбы с трахомой в регионе: организовал работу четырех специализированных отрядов, в составе которых лично выезжал для обследования населения, проводил лекции и консультации для районных врачей.

До сентября 1941 г., вплоть до оккупации Крыма немцами, А.А. Бельский продолжал руководить кафедрой глазных болезней при Крымском медицинском институте им. И.В. Сталина. К этому времени он имел звание профессора и являлся автором более 50 научных работ.

³⁰ Знаменский С.П. – штатный врач (без чина), член Совета Уфимского отделения Попечительства, входил в личный состав Уфимского учительского института.

³¹ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 56.

³² Центральный государственный архив (далее – ЦГА г. Москвы). Ф. 418. Оп. 308. Д. 958. Л. 4.

³³ Там же. Л. 14.

Фото 2. В.И. Сушкин
Photo 2. V.I. Sushkin

Источник: Личное дело В.И. Сушкина // Государственный архив Томской области. Ф. 418. Оп. 308. Д. 958. Л. 8.

В.И. Сушкин активно включился в работу лечебницы. В составленном особом отчете за 1903 г. в адрес Попечительства он указал: «Персонал лечебницы оставался прежний, т.е. врач-директор, смотрительница, служитель и сиделка. Как и в прежние годы, в стационарное отделение /5–6 коек/ принимались больные исключительно с катарактами, глаукомой и некоторые больные для сложных операций, при которых по-прежнему помогал доктор С.П. Знаменский. Амбулаторный прием производился ежедневно, не исключая и праздничных дней – с 9 до 12 часов. Всего зарегистрировано больных 15026 человек, из них 3045 посетило больницу вновь»³⁴.

В.И. Сушкиным было произведено 1561 операций. Несмотря на увеличение количества операций, В.И. Сушкин, как и А.А. Бельский, в своих отчетах остро ставит вопрос о расширении числа коек, необходимости увеличения выдаваемых лекарств и перевязочных материалов в связи с возрастанием потока больных из беднейших слоев населения, в том числе больных трахомой, особенно «инородцев».

В конце 1904 г. В.И. Сушкин был призван на военную службу, в связи с чем лечебница осталась без врача и некоторое время не функционировала. После окончания военной службы в 1905 г. В.И. Сушкин отправился врачом в Вятскую губернию³⁵. В 1906 г. он переехал в г. Ека-

³⁴ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 83.

³⁵ Шумилов Е.Ф. Вавож. Утоли моя печали. Ижевск, 1999. С. 74.

теринбург, где устроился в глазную лечебницу им. А.А. Миславского³⁶. В 1911 г. вместе с семьей обосновался в г. Иваново-Вознесенск, где получил место врача в Городской больнице им. Куваевых³⁷. В этой больнице, впоследствии ставшей подразделением областной больницы, под началом В.И. Сушкина было открыто глазное отделение. Он проработал заведующим вплоть до выхода на пенсию в 1933 г., после чего был назначен консультантом отделения.

Отчет о деятельности Уфимской бесплатной глазной лечебницы за 1904 г. был подписан новым врачом и заведующей А.А. Мейер. Согласно отчету количество посещений больных лечебницы за год составило 19 494 человека (3 месяца лечебница не функционировала). Количество коек возросло до шести. Продолжала функционировать палата на четыре койки для трахоматозных больных, где впоследствии также размещались раненые солдаты, вернувшиеся с русско-японской войны. Общее количество операций составило 1423. В отчете А.А. Мейер по-прежнему отмечается нехватка мест для пациентов: «...Вышеприведенные цифры сами за себя говорят: число больных, обращающихся в глазную лечебницу, растет с каждым годом. Отсюда явная потребность в расширении стационарного отделения. Так как стационарное отделение, помещающееся в отдельном бараке, предоставлено для помещения потерявших зрение воинских чинов, а в то же время констатировано, что в 1904 г. отделение это вернуло к труду более 60-ти человек преимущественно молодого возраста, то весьма желательным и своевременным было бы приспособить холодное помещение, имеющееся во дворе лечебницы, для стационарных трахоматозных больных, требующих продолжительного лечения под постоянным наблюдением врача»³⁸.

Анна Андреевна Мейер родилась в 1865 г. в г. Соликамске Пермского края. В 1892 г. она поступила на медицинский факультет Бернского университета (фото 3), где 28 февраля 1900 г. защитила диссертацию по теме: «Статистический отчет по эпидемиологии коклюша» («Statistischer Beitrag zur Epidemiologie des Keuchhustens»)³⁹ на получение степени «доктора медицины»⁴⁰.

³⁶ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1909 г. Пермь, 1908. С. 89.

³⁷ Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1914 г. Владимир, 1913. С. 232.

³⁸ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 121–122.

³⁹ Мейер А.А. Статистический отчет по эпидемиологии коклюша («Statistischer Beitrag zur Epidemiologie des Keuchhustens»). Дисс. ... д. мед. н. Берн, Швейцария. 1900.

⁴⁰ Государственный архив кантона Берн. ВВ 05.10.34.

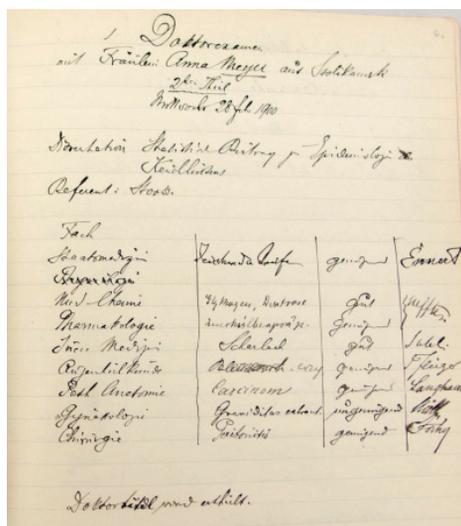

Фото 3. Протокол докторского экзамена А.А. Мейер
 Photo 3. Protocol of the doctoral examination of A.A. Meyer

Источник: Из личного дела А.А. Мейер // Государственный архив кантона Берн. ВВ 05.10.34.

В Уфу А.А. Мейер попала по рекомендации О.Г. Аксаковой⁴¹, благодаря которой она получила хорошую практику и оказывала офтальмологическую помощь уфимскому населению, в том числе и губернатору. А.А. Мейер превзошла всех своих предшественников по продолжительности работы в лечебнице. В должности заведующего она проработала до середины 1910 г. При сложных операциях А.А. Мейер помогала врач Н.Ф. Метелкина-Пальчиковская⁴².

На тот момент Уфимское отделение Попечительства столкнулось с острой нехваткой средств, необходимых для содержания лечебницы. Проблему пытались решить с помощью благотворительных акций в пользу учреждения. С этой целью ставились спектакли и маскарады, сборы с которых передавались для обеспечения функционирования глазной лечебницы⁴³. Однако эти мероприятия не могли существенно улучшить обеспечение больницы, и в 1907 г. возникла угроза приостановки приема больных.

⁴¹ Аксакова О.Г. — внучка писателя С.Т. Аксакова. Основательница кумысолечебницы вблизи г. Белебея (ныне санаторий им. С.Т. Аксакова).

⁴² Метелкина-Пальчиковская Н.Ф. — врач, заведующая Пастеровской станцией Уфимского губернского земства (1905–1906).

⁴³ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 38.

Уфимское отделение обратилось в Совет Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых с ходатайством об отпуске ему единовременного пособия из Центральной кассы Попечительства в размере 1 тысячи рублей на содержание лечебницы. В ответ Совет Попечительства принял решение о выделении 500 руб.⁴⁴

В дополнение к финансовым затруднениям А.А. Мейер столкнулась с непрекращавшимся потоком больных. Согласно отчетам за 1906 и 1907 гг. было зарегистрировано 4539 чел.⁴⁵ и 3871 чел. больных соответственно⁴⁶, которыми было произведено 24911 и 23803 посещения больницы. В 1905 г. было проконсультировано 3184 человека при 20036 посещениях амбулатории⁴⁷. Таким образом, средняя цифра посещений составляла 90–100 человек в день. Вопрос о выделении второго врача для лечебницы, который был поднят на одном из заседаний Совета отделения, не получил поддержки, о чем А.А. Мейер получила официальное уведомление⁴⁸. Все последующие годы А.А. Мейер проживала в Уфе. С началом Первой мировой войны она работала в одном из лазаретов Уфы, по совместительству консультировала в больнице при Самаро-Златоустовской железной дороге, имела частную практику по лечению глазных болезней по месту жительства⁴⁹.

После ухода А.А. Мейер в 1910 г. по ходатайству Уфимского отделения Совета Попечительства директором Уфимской глазной лечебницы был утвержден врач-окулист Ф.А. Киркевич (фото 4)⁵⁰.

Федор Акимович Киркевич родился 9 февраля 1870 г. в с. Доброславовка Минской губернии, был «сыном священника, вероисповедания православного»⁵¹. Обучение получил в Пинском духовном училище, после окончания которого в августе 1885 г. поступил в Минскую духовную семинарию. Далее Ф.А. Киркевич поступил в Томский университет на медицинский факультет, где был удостоен степени лекаря. В качестве специализации по медицине Ф.А. Киркевич выбрал офтальмологию: с 10 октября 1897 г. он был зачислен ординатором офтальмологической факультетской клиники Томского университета⁵².

⁴⁴ Уфимские губернские ведомости. 26 февраля 1906.

⁴⁵ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 145.

⁴⁶ Там же. Л. 136.

⁴⁷ Там же. Л. 159.

⁴⁸ Там же. Л. 130.

⁴⁹ Уфимский вестник. 9 ноября 1914. № 250.

⁵⁰ Протоколы Общества врачей Уфимской губернии за 1910 г. Уфа, 1912. С. 37.

⁵¹ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 192.

⁵² Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО). Ф. 102. Оп. 2. Д. 2380 а. Л. 27 об.

Фото 4. Ф.А. Киркевич
Photo 4. F.A. Kirkevich

Источник: Личное дело Ф.А. Киркевича // Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 29. Д. 1999. Л. 43.

После истечения трехлетнего срока службы в ординатуре 16 августа 1900 г. Ф.А. Киркевич написал прошение об освобождении его со службы в офтальмологической клинике Томского университета из-за «расстроенного здоровья»⁵³. В 1902 г. Киркевич Ф.А. был назначен врачом Томской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. В русско-японскую войну Киркевич был мобилизован на службу в должности старшего врача 22-й пешей дружины Государственного ополчения Сибирского военного округа. В память об участии в войне Ф.А. Киркевич 18 мая 1906 г. был удостоен медали Красного Креста. После службы в армии он продолжил свою работу в Томской общине сестер милосердия. 10 сентября 1910 г. Ф.А. Киркевич написал заявление об увольнении в связи с назначением его директором Уфимской глазной лечебницы⁵⁴.

В письме Совета Уфимского отделения Попечительства в Совет Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых от 10 но-

⁵³ Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО). Ф. 102. Оп. 2. Д. 2380 а. Л. 11.

⁵⁴ Там же. Л. 25.

ября 1910 г. указывается, что Ф.А. Киркевич также состоял окулистом губернской гимназии (Томская губерния), в Александровском реальном училище, Мариинской женской гимназии и Коммерческом училище в Томской губернии⁵⁵.

По итогам работы за 1910 г. Ф.А. Киркевич подписал отчет Уфимской бесплатной глазной лечебницы⁵⁶, согласно которому, за этот год было принято 3687 больных, число коечных больных составило 93, которые провели 1456 дней в лечебнице. В 1912 г. персонал лечебницы принял уже 5264 больных, число стационарных пациентов составило 147 человек, которые провели 1634 дня в лечебнице⁵⁷. Ф.А. Киркевич проработал в больнице до августа 1914 г. После освобождения со службы он не покинул Уфу и до 1915 г. осуществлял частные приемы у себя на дому, о чем сообщалось в объявлениях на страницах периодической печати⁵⁸.

В конце октября 1914 г. для заведования лечебницей прибыл новый врач Владимир Федорович Кашменский, о чем сообщалось в объявлении на страницах «Уфимского вестника»⁵⁹.

В.Ф. Кашменский (фото 5) родился 1 января 1884 г. После окончания медицинского факультета Юрьевского университета, 24 апреля 1912 г., он был утвержден в степени лекаря с отличием⁶⁰. Постановлением Правления университета от 12 мая 1912 г. он получил должность сверхштатного ассистента офтальмологической клиники того же университета. 21 января 1913 г. Кашменский был приглашен на должность ординатора кафедры офтальмологии в клинике Саратовского университета⁶¹.

1 сентября 1914 г. профессор К.А. Юдин⁶² обратился к ректору вышеуказанного университета с заявлением, что В.Ф. Кашменский, «...пользовавшийся отпуском на летнее каникулярное время, до сих пор к исполнению своих обязанностей не явился и никаких сведений о себе не сообщил»⁶³. 10 сентября 1914 г. В.Ф. Кашменский написал заявление на имя ректора университета с прошением об увольнении в связи с семейными

⁵⁵ РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 315. Л. 192.

⁵⁶ Там же. Л. 202.

⁵⁷ Обзор Уфимской губернии за 1912 г. Уфа, 1914. С. 83, 92.

⁵⁸ Уфимский край. 1 мая 1916. № 94.

⁵⁹ Уфимский вестник. 9 ноября 1914. № 250.

⁶⁰ Государственный архив Саратовской области (далее – ГА СО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 839. Л. 1 об.

⁶¹ Там же.

⁶² К.А. Юдин – доктор медицины, экстраординарный профессор и заведующий кафедрой глазных болезней при Глазной больнице Попечительства о слепых в г. Саратове.

⁶³ ГА СО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 269. Л. 22.

обстоятельствами. Прошение было удовлетворено, и В.Ф. Кашменский был освобожден от занимаемой должности. 20 октября 2014 г. он обратился к заведующему канцелярией Саратовского университета с просьбой направить его документы в адрес Уфимской глазной лечебницы, где и был назначен директором⁶⁴.

В Протоколе заседания Президиума губернского комитета общественных организаций от 1 сентября 1917 г., составленном согласно проведенной ревизии лечебницы, приведен подробный анализ деятельности Лечебницы за 1916 г. во главе с директором В.Ф. Кашменским⁶⁵. Максимальное число больных в стационаре достигало 25 человек. Среднее ежедневное обслуживание больных за 1916 г. составило 14 человек, а их общее число за год – 382 человека. Для сравнения можно указать деятельность лечебницы в период заведования доктором Ф.А. Киркевичем в 1913 г., когда среднее количество стационарных пациентов составило 8 человек, а в год – 210 человек. В Протоколе заседания Президиума губернского комитета общественных организаций отмечалось, что амбулаторный прием «...при докторе В.Ф. Кашменском в 1916 году показывает некоторое уменьшение ея по сравнению с 1913 годом, когда лечебницей заведовал доктор Киркевич; так, за 9 месяцев 1913 г. число амбулаторных посещений было 22 732, тогда как за весь 1916 г. число их достигло 19 740»⁶⁶. В то же время по сравнению с 1914 г. число амбулаторных пациентов увеличилось на 6568 человек (в 1914 г. их число составило 13172). В 1916 г. доктором В.Ф. Кашменским было проведено 1235 «...больших и малых операций», тогда как прежним директором Ф.А. Киркевичем за девять месяцев 1913 г. было прооперировано 1799 пациентов.

Из года в год оставался неизменным вопрос финансирования лечебницы и, вероятнее всего, именно эта проблема, когда жалование, бывшее весьма скудным, никак не перекрывало тех физических и моральных нагрузок, возлагаемых на плечи докторов, стала основной причиной отказа от занимаемой должности директоров лечебницы А.А. Мейер и Ф.А. Киркевича. Финансовые затруднения заставляли директоров лечебницы братья за частные платные приемы, которые осуществлялись на квартире врача в здании лечебницы, что не возбранялось отделением Попечительства.

С лета 1918 г. Уфа и губерния в целом были охвачены гражданской войной, которая длилась вплоть до июня 1919 г. С завершением боевых

⁶⁴ ГА СО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 349. Л. 201.

⁶⁵ Там же. Д. 839. Л. 5.

⁶⁶ НА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Ед. 7. Л. 277.

действий мирная жизнь постепенно входила в нормальное русло. 14 мая 1919 г. газета «Уфимская жизнь» на своих страницах разместила отчет по глазной лечебнице за апрель 1919 г.: «За месяц было принято 114 первичных больных, 511 – повторных, 19 находились на стационарном лечении. Было проведено 9 глазных операций и 61 мелких оперативных вмешательств. Кроме того, была оказана помощь для трахоматозных пациентов в количестве 39 человек»⁶⁷.

В 1920 г. на должность заведующей лечебницы была вновь приглашена А.А. Мейер. Согласно «Списку личного состава» Уфимской глазной лечебницы, которая к тому времени перешла в ведение Уфимского губернского отдела здравоохранения, в лечебнице на 1 января 1921 г. числилось два врача, вместо положенных по штату трех, четыре фельдшерицы, шесть сиделок, один завхоз, один экономист, две кухарки, один дворник, по одному истопнику, коневоду и бельевщице⁶⁸. Вторым врачом-ординатором была Серафима Владимировна Еленевская. Всего за 1921 г. в лечебнице была проведена 271 операция⁶⁹. А.А. Мейер заведовала лечебницей до 1924 г. К тому времени лечебница располагала 50 койками. В ней работали ординаторы Г.Ф. Лужинский, С.А. Алексеев и И.А. Агарев⁷⁰, впоследствии продолжившие свою деятельность в Башкирском научно-исследовательском трахоматозном институте.

Уфимская глазная лечебница, организованная в 1901 г. на 4-х койках, к 1926 г. была преобразована в больницу на 70 коек. За четверть века существования персонал глазной лечебницы принял более 150 тыс. пациентов, которыми в совокупности было произведено 610 тыс. посещений, были прооперированы около 40 тыс. пациентов.

Выводы

Уфимское отделение попечительства императрицы Марии Александровны о слепых взяло на себя вопросы социальной поддержки слепцов и слабовидящих в Уфимской губернии. Несмотря на тяжелые условия труда в Уфимской глазной лечебнице, постоянный недостаток ее финансирования со стороны губернских властей, работа в учреждении была поставлена на должном уровне. Ежедневно коллектив лечебницы, состоявший из одного

⁶⁷ Уфимская жизнь. 14 мая 1919.

⁶⁸ НА РБ. Ф. Р-443. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

⁶⁹ Там же. Ф. 4348. Оп. 2. Д. 25. Л. 80.

⁷⁰ Адресно-справочная и телефонная книга «Вся Башкирия» на 1925 г. Уфа, 1925. С. 221, 244.

врача-директора и немногочисленного вспомогательного персонала, на безвозмездной основе оказывал офтальмологическую помощь социально незащищенным слоям населения губернии. Во многом благодаря директорам Уфимской глазной лечебницы – А.А. Бельскому, В.И. Сушкину, А.А. Мейер, Ф.А. Киркевичу, В.Ф. Кашменскому, их самоотверженному труду глазная лечебница смогла выстоять в сложные для страны времена. Благодаря деятельности Уфимской глазной лечебницы были заложены основы создания в 1925 г. Башкирского научно-исследовательского трахоматозного института, который впоследствии был реорганизован в Уфимский научно-исследовательский институт глазных болезней, который до сегодняшнего дня оказывает офтальмологическую помощь населению Республики Башкортостан.

© Галимова Ю.Ш., 2018

Рукопись поступила: 8 февраля 2018 г.

Submitted: 8 February 2018

References

- “40 let na slavnom postu. K yubileyu prof. A.A. Bel’skogo.” [40 years at a glorious post. To the Jubilee of Professor A.A. Belskiy] *Vestnik oftal’mologii*. Moscow: Research Institute of eye diseases Publ., 1940. 62 (6): 543–544 (in Russian).
- Adres-kalendar’ i spravochnaya knizhka Permskoy gubernii na 1910 god* [The address-calendar and the help book of the Perm province in 1910]. Perm: Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya Press, 1909 (in Russian).
- Adresno-spravochnaya i telefonnaya kniga “Vsya Bashkiriya” na 1925 g.* [Address and reference and phone book “all Bashkiriya” in 1925]. Ufa: [S.n.], 1925 (in Russian).
- Belskiy, A.A. *Obzor deyatel’nosti Ufimskoy glaznoy lechebnicy Popечitel’stva o slepyh za 1 god* [Overview of the activities of the Ufa Eye Clinic of the Patronage for the blind for 1 year]. Kiev: Tipo-Litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko Press, 1903 (in Russian).
- Bikbov, M.M.; Galimova, Yu.Sh. *Grani sveta* [Facets of light]. Moscow: April, 2016 (in Russian).
- Galiullina, S.D.; Gerasimova, D.I.; Safina, E.A. “Organizacionno-upravlencheskaya struktura Popечitel’stva v Ufimskoy gubernii.” [Organizational and management structure of the Patronage in Ufa province] *Vestnik UGAEHS*, no. 3 (2013): 81–87 (in Russian).
- Gerasimova, D.I. *Stanovlenie i razvitie sistemy social’noj zashchity naseleniya v 1865–1917 gg. (na materialah Ufimskoy gubernii)* [Formation and development of the social protection system of the population in 1865–1917 (on the materials of the Ufa province)]. Ph.D. diss., Bashkir State University, 2016 (in Russian).

- Hitrov, A.A. “Blagotvoritel’naya social’naya i medicinskaya pomoshch’ slepym v Rossii pod pokrovitel’stvom imperatorskoj familii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)” [Charitable social and medical assistance to the blind in Russia under the auspices of the Imperial Family (the second half of the 19th – early 20th centuries)] *Vestnik of Saint Petersburg University. Seriya 2* 4, no. 1 (2008): 54–60 (in Russian).
- Kononova, T.B. “Iz istorii deyatel’nosti Popечitel’stva o slepyh v Rossii.” [From the history of the activity of the Patronage for the blind in Russia]. *Social’naya politika i sociologiya*, no. 10 (2009): 304–311 (in Russian).
- Meyer A.A. *Statisticheskiy otchet po epidemiologii koklyusha* [Statistischer Beitrag zur Epidemiologie des Keuchhustens]. Ph.D. diss. Bern, 1900 (in Swiss).
- Obzor Ufimskoy gubernii za 1912 g.* [The review of the Ufa province for 1912]. Ufa: Ufimskiy statisticheskiy komitet, 1914 (in Russian).
- Protokoly Obshchestva vrachey Ufimskoy gubernii za 1910 g.* [Protocols Of the society of doctors of Ufa province for 1910]. Ufa: Gubernskaya elektronnyaya tipografiya Press, 1912 (in Russian).
- Shumilov, E.F. *Vavozh. Utoli moya pechali* [Vavozh. Assuage my sorrows]. Izhevsk. 1999 (in Russian).
- Ustav glaznoy lechebnicy Ufimskogo otdeleniya Popечitel’stva imperatricy Marii Fedorovny o slepyh* [Statute eye clinic of the Ufa branch of the Guardianship of the Empress Maria Feodorovna on the blind]. Ufa: Tipo-Lit. T-va O.G. Solov’eva i K^o Publ., 1912 (in Russian).
- Ufimskaya zhizn’* [Ufa life]. May 14, 1919 (in Russian).
- Ufimskie gubernskie vedomosti* [Ufa provincial sheets]. February, 26, 1906 (in Russian).
- Ufimskiy vestnik* [Ufa Herald], no. 250. November 9, 1914 (in Russian).
- Ufimskiy kray* [Ufa region], no. 94. May 1, 1916 (in Russian).
- Ulyanova, G.N. “Celevye fondy v finansirovanii blagotvoritel’nosti: “Pristupat’ k uchrezhdeniyu ... zavedeniy togda tol’ko, kogda k sodержaniyu ih naznacheny budut dostatochnye sredstva”.” [Earmark funds in the charity financing: “Starting to establish ... institutions only when sufficient funds are assigned to their content”] In Vorobev, V., ed. *Ezhгодnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual theological conference of St. Tikhon’s Orthodox humanitarian University], 215–218. Moscow: Pravoslavniy Svyato-Tihonovskiy gumanitarny universitet Publ., 2013 (in Russian).
- “«Not for Wealth but for God»: On Moscow Merchants’ Motives for Charity.” In *Russian Studies in History* 39, no. 2 (2000): 28–51.

Archives

- Staats archiv des Kantons Bern. BB 05.10.34.
- Gosudarstvenniy arhiv Respubliki Krym [State Archive of the Republic of Crimea], f. R-26, op. 5, d.158.
- Gosudarstvenniy arhiv Saratovskoy oblasti (thereafter – GA SO) [State Archive of the Saratov region], f. 393, op. 1, d. 839.
- GA SO, f. 393, op. 1, d. 349.

- Gosudarstvennyi arhiv Tomskoy oblasti (thereafter – GA TO) [State Archives of the Tomsk Region], f.102, op. 29, d. 1999.
GA TO, f. 102, op. 99, d. 265.
GA TO, f. 102, op. 2, d. 2380.
Nacional'niy Arhiv Respubliki Bashkortostan (thereafter – NA RB) [National Archives of the Republic of Bashkortostan], f. I-311, op. 1, d. 2.
NA RB, f. 4348, op. 2, d. 25.
NA RB, f. R-3, op. 1, d. 7.
NA RB, f. R-443, op. 1, d. 80.
Rossiiskiy gosudarstvenny istoricheskiy arhiv (thereafter – RGIA) [Russian State Historical Archive], f. 764, op.1., d. 315.
RGIA, f. 764, op.1, d. 37 a.
Tsentral'nyi gosudarstvenny arkhiv Moskvyy [Central State Archive of Moscow], f. 418, op. 308, d. 958.

Creation of inpatient ophthalmological care system in Ufa in the early 20th century

Yuliya Sh. Galimova
Bashkir State University
32, Z. Validi St., Ufa, 450076, Russia
yula347@gmail.com

Abstract: In the pre-revolutionary period, the care of disabled and other suffering people who did not have the necessary material support was carried out in the Russian Empire with the support of the imperial family and public participation. The guardianship of Empress Maria Alexandrovna of the blind was the only organization supporting blind people. Established in 1886, the Ufa department of guardianship charged itself with the care, education and employment of the poor with eyesight diseases in the province. To accomplish this task, there was opened an asylum for sight-disabled people, where the training of adult blind was conducted, which was later reorganized into the Ufa specialized school for blind children. From 1901, this institution became the basis for the first free eye clinic in Ufa. The significance of this project is that the clinic took up the issue of treating the provincial population that had suffered from eye diseases and had had no access to health care in the field of ophthalmology before. Despite the limited support of the provincial and town authorities, for 25 years of its existence the Ufa eye clinic broadened the scope of its activities, providing adequate medical care. As a result, it became the basis for creating the specialized research institute which continues to provide ophthalmological care to the population till the present day. The Department also headed the ophthalmological care service in the Ufa province, opening the first Ufa free eye clinic. To date, there has been no holistic study on the development of

the ophthalmological care service in Ufa province. The basis of the work is archival documents from the Russian State Historical Archives, the National Archives of the Republic of Bashkortostan, the State Archives of the Republic of Crimea, the Moscow Central State Archives, the State Archives of the Tomsk oblast, the State Archives of the Saratov oblast, and the State Archives of the canton of Bern (Switzerland): statistical materials, legislative acts, documents of management and record keeping, etc. of the period under review, thanks to which it was possible to restore the chronology of the work of the Ufa Eye Clinic, the biography of the directors of the clinic, whose fates were closely linked with the history of the country.

Keywords: Department of the Patronage for the blind of Empress Maria Alexandrovna, shelter for the blind, school for blind people, Ufa Eye Clinic

For citation: Galimova, Yuliya Sh. "Creation of inpatient ophthalmological care system in Ufa in the early 20th century." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 696–717. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-696-717

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-718-734

Russian-Egyptian relations in terms of intercivilizational interaction

Galina O. Lukyanova^a, Elena A. Paymakova^a

^a RUDN University

6 Mikluho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

lukyanova_go@rudn.university

Abstract: The article is devoted to the development of Russian-Egyptian relations in terms of intercivilizational dialogue; there are analyzed the dynamics of their development in various historical epochs as well as the factors that have had decisive influence on the nature of the bilateral interaction. The globalization processes in which the modern world lives are shaking all the models of national and cultural identity that have developed over many centuries. These processes jeopardize the existence of the peoples, nations and cultures in their present form. In these conditions the inter-ethnic cultural dialogue acquires special significance. This article is devoted to the consideration of a similar dialogue between Russian and Egyptian cultures in which political, economic, cultural, scientific and spiritual ties played and continue to play a special role. The ideas of Leo Tolstoy, M. Gorky and other Russian writers got in Egypt a special popularity and had a significant impact on progressive minds of the Egyptian intelligentsia as well as on the Egyptian literature. Although Arab, in particular Egyptian historians and public figures for a long time considered Russia as part of the West, after the October revolution of 1917 in Russia the Soviet state began to be perceived as a force that opposes the materialistic West. From the fifties of the 20th century, the military-technical and economic cooperation with the USSR, subsequently with Russia is of great importance for Egypt. At the same time, the article analyzes the influence of Egyptian culture and art on the spiritual and intellectual life of Russia.

Keywords: Russian-Egyptian relations, intercivilizational interaction, cultures of the East and West, architecture, literature, art, science, education, political situation

For citation: Lukyanova, Galina O., Paymakova, Elena A. “Russian-egyptian relations in terms of intercivilizational interaction.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 718–734. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-718-734

Introduction

Despite the considerable distance between Russia and Egypt, great differences in culture and way of life throughout centuries, they have had close relations. It is interaction and certain mutual influence of cultures which are

the key factors in these relations. Due to the historical reasons, the bilateral cooperation began with the religious sphere, subsequently covering other spheres of the material and spiritual culture. Throughout the history of the development of Russian-Egyptian relations in general, there has been mutual sympathy of the peoples, manifested in a great interest in each other's culture as well as the desire to get acquainted with it. Mutual attraction, rapprochement and enrichment were facilitated by a certain commonality of historical destinies and civilizational mission of the two countries, the geographical position of which made them links between the cultures of the East and the West.

In his book "World after September 11" E.M. Primakov notes: "The uniqueness of Russia's geographical position is that the huge country is a kind of bridge between Europe and Asia. It increases the geopolitical role of Russia, taking into account the difficult process of rapprochement of different civilizations"¹. In the book "Egypt and Egyptians" A.M. Vasilyev quotes P. Newbury from his work "Egypt as a field of anthropological research": "Egypt is parchment: the Koran was written on it over the Bible, the Bible over Herodotus, and through all the layers there can be seen ancient Egyptian hieroglyphs"².

In addition, Russia and Egypt are among the key countries in the system of international relations, acting as poles of influence in the world.

In the context of the restructuring of the system of international relations due to the growing role of Russia in the world, as well as the processes taking place today in the Arab countries, when the region is in the focus of attention not only of specialists, scientists, researchers, but also ordinary people, there is a greater urgency of studying the historical context and prospects for the development of Russia's relations with the Arab countries on the basis of respect for national interests. In this regard, it is the study of Russia's relations with Egypt, one of the key actors in the Arab region, which is of particular importance.

In this paper, the bilateral relations are studied in the aspect of the intercivilizational interaction between the two countries on the basis of various historical sources and scientific literature: documents, archival materials, memoirs and travel notes of Russian scientists and travellers, scientific articles of Russian and Egyptian scholars and researchers.

This work aims to show various aspects of interaction between the two countries in different historical periods, the prerequisites, causes and results of this interaction.

¹ E.M. Primakov, *Mir posle 11 sentyabrya* (Moscow: Mysl Publ., 2002), 183–184.

² A.M. Vasilyev, *Yegipet i yegyptyane* (Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2008), 225.

The research methods included the theoretical analysis of the documents on this issue, the study, analysis and synthesis of scientific materials, their systematization and description obtained as a result of the data research.

Spiritual ties between Russia and Egypt in the 14th–18th centuries

After the fall of the Byzantine Empire, Moscow positioned itself as the “third Rome”, seeing its mission in preserving and protecting the Orthodox faith. Russian pilgrims rushed to the holy places, including those located on the territory of the Egyptian Sinai peninsula. Wishing to render the necessary support to coreligionists, the Russian tsars regularly transferred huge money to the Patriarch of Alexandria and the Archbishop of Sinai. The well-known Russian traveller Alexander Yeliseyev wrote: “From time immemorial, the places of worship of Russian pilgrims have been Mount Athos, Sinai and the holy places of Palestine”³. It is mentioned in the surviving sources that the first pilgrimage of Russians to Sinai took place around 1370. However, already at that time, the ties between the Russian and Sinai Orthodox churches were quite regular. In 1376, Bishop Mark visited Moscow to receive donations for the monastery of St. Catherine. In 1390, the Sinai monks brought to Moscow a stone with the image of the Burning Bush, which was placed in the Annunciation Cathedral of the Kremlin.

The Russian merchants and pilgrims who had visited Sinai left interesting descriptions of their visits, which at that time were the only source of information about Egypt. They enjoyed great popularity among Russian people. The popularity of these works testified to the considerable interest of enlightened Russians in the holy places located on the territory of Egypt.

Russia traditionally had the closest relations with St. Catherine’s Monastery of Mount Sinai, founded in the 6th century under the Byzantine emperor Justinian around the Burning Bush, which is associated with the great popularity of St. Catherine in Russia. Interestingly, the first women’s order, established by Peter the Great in 1714, was the Order of Liberation in the name of Great Martyr St. Catherine. The Treasury (Museum) of the monastery has the most valuable icons, among which there are Russian icons.

Under the reign of Peter the Great, in Russia there came a new stage in the study of the countries of the East, which was dictated by the needs of Russia’s

³ V.V. Belyakov, *Yegipet vdol i poperyok. Istoricheskiy gid* (Moscow: Vetche Publ., 2005), 264.

active foreign policy. In 1700, Peter the Great issued a decree on the study of the Oriental languages by Russians, and in Russian educational institutions there was introduced a new discipline – Oriental studies. The study of the East, above all in the Academy of Sciences of St. Petersburg, was dynamically developing under the reign of Catherine II as well, when Russia became the largest empire and a significant force on the world stage, being in the focus of attention of many peoples, including Egyptians. As the Egyptian researcher Mohammad Sabri ad-Daly notes, there was a mass interest of the Egyptians towards Russia after it dealt the first crushing blow to the Ottoman Empire, at that time Egypt was a part of it; Russia annexed large territories including those inhabited by Muslims and intensified links with the holy places on the territory of Egypt⁴.

As already noted above, it was the Christian community of the Sinai monks which was particularly honoured in Russia: the Russian princes and princesses presented to the monastery a gold lid for the tomb of St. Catherine, two silver reliquaries for her relics, nine cast-iron bells. With the donations of the Russian Orthodox Church, there was built a bell tower of the monastery; in addition, it was granted lands in the Odessa province, the proceeds from which went to its needs. It was the head of the Russian spiritual mission in Jerusalem, the creator of the Imperial Orthodox Palestine Society Archimandrite Antonin (Andrei Ivanovich Kapustin), who worked quite actively. In particular, he was engaged in systematizing the Greek manuscripts stored in the monastery library as well as in compiling their catalogue. In the course of his work he found 38 texts in the Old Slavonic language.

Cultural and scientific relations between Russia and Egypt in the 18th–19th centuries

In the first half of the 19th century, under the reign of Egyptian pasha-reformer Muhammad Ali, who admired Peter the Great and Catherine the Great, Egyptian delegations visited Russia in order to get education and scientific knowledge. N.A. Ivanov notes: “Brought into power by the anti-Mamluk part of the feudal lords, with the support of the large merchant class, Muhammad Ali sought to turn Egypt into a strong centralized state which served the interests of these social classes ... The performing of these tasks required a number of reforms”. It was at that time when in Egypt there appeared the first works on the history of Russia. These were the translations of Voltaire’s works into Arabic,

⁴ Ad-Dali Mohammed Sabri, *Contemporary Russia in the Egyptian historical texts* (Cairo: Supreme Council for Culture Publ., 2008), 379.

done on the instructions of Muhammad Ali by Sheikh al-Tantawi, who for many years worked in Russia and subsequently wrote a book about Russia called “Gift to the Smart with Reports on Russia” (1850).

It was during Muhammad Ali’s epoch that Russian travellers and orientalists rushed to Egypt, who, according to the Egyptian researcher Ashraf Mohammed Abdel Rahman Munis, “wrote valuable works and books about Egypt, which are considered important historical sources”⁵. For example, A.S. Norov studied in detail the life of the country and the policies of Muhammad Ali. In his book “Journey through Egypt and Nubia in 1834–1835” he described the decisive battle between Muhammad Ali and the Mamluks, noting his deep secrecy, steadfastness and brilliant mind⁶.

At the beginning of the 19th century, in the Russian universities there began the systematic teaching of Oriental languages and Oriental studies: the Oriental languages departments were opened in St. Petersburg, Moscow and Kazan universities. In 1815, in Moscow there was founded the Lazarev Institute of Oriental Languages. In 1854, Nicholas I signed a decree on the opening of the Faculty of Oriental Languages at St. Petersburg University. Prominent Russian orientalists of the 19th century made a great contribution to the establishment and development of the main directions and schools of research in the field of Oriental studies, in particular, Arabic studies (works by O.I. Senkovsky) and Egyptology (V.R. Rozen, V.S. Golenishchev, B.V. Turaev). In 1840, in order to teach the Arabic language at the Foreign Ministry’s educational department, there was invited a graduate of Al-Azhar (Egypt), the largest theological university of the Muslim world, the above-mentioned Sheikh Mohammed Ayyad al-Tantawi, who also worked at St. Petersburg University. In the course of the work, he amassed a magnificent collection of Oriental manuscripts, which are now stored in the library of the Oriental Faculty of St. Petersburg University. From 1846, he worked as a professor, and subsequently he headed the department of the Arabic language and literature, succeeding O.I. Senkovsky in this post. Al-Tantawi conducted classes in grammar, translation from Russian into Arabic, Egyptian spoken language, Oriental calligraphy and reading of manuscripts; he lectured on the history of the Arab Caliphate. There are 35 works of al-Tantawi, the most famous among them being the “Textbook of Conversational Arabic Language” (in French, 1848) and “Gift to the Smart with Reports on Russia” (1850).

⁵ Ashraf Mohammed Abdel Rahman, *Russian Travellers and Orientalists and their Vision of Egypt of the Times of Muhammad Ali* (Cairo: Adab Publ., 2015), 99.

⁶ A.S. Norov, *Puteshestviye po Yegiptu I Nubii v 1834–1835 gg* (Sankt-Peterburg, 1840), 98–99.

The fascination with ancient Egyptian attributes (such as clothing, sculpture, architecture, writing, literature, decor, etc.) in Russia can be considered as one of the manifestations of fashion trends of that time. The phenomenon, called “Egyptology”, was a special form of Europe’s reaction to the discovery of the treasures of ancient Egyptian civilization. The famous French archaeologist Champollion’s deciphering the Rosetta Stone (1822) was a significant event in the history of mankind, which gave rise to the Neo-Egyptian style in art. This style was vividly embodied in the architecture of a number of Mediterranean countries (Spain, Italy, France) as well as St. Petersburg, the capital of the Russian Empire.

In general, Egyptian motives began to manifest themselves in the Russian art long before this discovery. For example, the Pyramid fountain in Peterhof appeared in the era of Peter the Great on the initiative of the emperor himself. Obviously, its shape largely resembles the Versailles fountain “Obelisk”. In 1826, in St. Petersburg there was opened the so-called Egyptian bridge, in 1829 in Tsarskoe Selo there was erected the Egyptian gate, decorated with hieroglyphs.

In the 19th century, in Russia there was gradually being established the scientific school of Egyptology; in St. Petersburg there appeared the Egyptian collection of original works, therefore at the Academy of Sciences there was opened the “Egyptian Museum”, which was on the first floor of the Kunstkamera.

It should be noted that the active development of the bilateral cooperation was greatly facilitated by the activity of the Russian Steam Navigation and Trading Company, founded in 1856, which had two lines of urgent communication with Egypt, owning the railway, ships, etc. Russian scientists, researchers, experts who travelled to Egypt via the Russian Geographical Society, often wrote memoirs of their travels, which were very popular among the intellectuals of pre-revolutionary Russia. Among the most popular ones were the notes of the Russian physician Alexander Yeliseyev, who was very fond of the East and sensitive to its culture and specifics, “Around the Whole World. Essays and pictures from Dr. A.V. Yeliseyev’s travels in three parts of the Old World”. They were published in St. Petersburg in 1894–1896 in three volumes with the illustrations of 11 famous artists. The author wrote: “The developed habit of dealing with the orientals, the temptation of objects to be observed and a great deal of interesting material which occurs at every step there – all this began to attract me to the East whenever there was an opportunity and there was extra money in my pocket ...”⁷. Such good feeling of the Russian intelligentsia representatives for the Egyptians aroused a response: according to A.V. Yeliseyev, during the bombing of Alexandria by the British,

⁷ O.G. Gerasimov, *Vostotchnyye uzory* (Moscow: Nauka Publ., 1993), 257–258.

Egyptians beat Europeans in the streets, seeing them as cruel colonialists, but they left Russians alone. In addition, the attitude towards Russians improved after the Russian-Turkish war of 1977–1978, when hundreds of thousands of captive Muslims saw the cordiality and hospitality of Russians.

All this aroused a great interest in Egypt in the literary and artistic circles of Russia, as evidenced by the appearance of Egyptian motives in the works of Russian classics A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov, I.A. Bunin, a number of architects, sculptors, painters.

Leo Tolstoy took a great interest in the Arab world and Islam, which was largely caused by his education at the Faculty of Oriental Literature at Kazan University, where he tried to learn Arabic. Subsequently, Leo Tolstoy corresponded with the Egyptian imam-educator, innovator, prominent public figure, Egypt's Grand Mufti Muhammad Abdo (1849–1905), and they discussed the issues of morality, ethics, and man's spiritual development. Muhammad Abdo largely shared Leo Tolstoy's philosophical views, recognized his great influence on all progressive, enlightened people of that era. It should be pointed out that Leo Tolstoy was perceived by the Egyptian intelligentsia not only as an outstanding writer and philosopher, but also as a prophet, whose departure from Yasnaya Polyana became a challenge to social injustice and insignificance of the material world. Many of his stories were translated into Arabic already during his lifetime at the turn of the 20th century, but this was an indirect translation from English or French, done by Egyptian émigrés living in England and France. In the 1950s, "Anna Karenina", "Resurrection", "War and Peace" in abridged form were published in Egypt during the educational project "Kitabi" of publisher Helmi Murad. The novel "War and Peace" was translated in its entirety from French by the Egyptian writer and translator Edward Harrat. Numerous reprints indicate Egyptian readers' great interest in the novel.

Leo Tolstoy's novels "Anna Karenina" and "Resurrection" were filmed in Egypt, but the most popular film was "Nahr al-Hubb" ("River of Love"), which was shot in the 1960s based on the novel "Anna Karenina". Famous Egyptian actors Omar Sharif and Faten Hamama starred in the roles of Vronsky and Anna Karenina. The plot of the novel was adapted to the Egyptian reality: the action takes place at the present time, the characters have Arab names.

According to M.A. Rodionov, in general the ideas of Leo Tolstoy, A.M. Gorky and other Russian writers which penetrated to the Middle East in translations "gave hope that to Arabs the Russian culture is closer than the West European one". Thus, the Egyptian prose writer Taufik al-Hakim (1898–1999) in the autobiographical novel "Bird from the East" (1938) reflects on the fate of the East and Europe, making the following statement through the mouth

of Russian Ivan: “Europe, like a child walking on the surface of the hidden knowledge which opened the true meaning of human existence to the civilizations of Asia and Africa long ago”⁸. Many “Silver Age” writers visited Egypt and made a pilgrimage to the holy places. Among them was famous Russian writer, Nobel Prize winner for literature Ivan Bunin, who visited Alexandria, Cairo, Port Said, Aswan, etc. His vivid impressions of the travels around the country of the pyramids as well as the treatment in the sanatorium in Helwan inspired him to create a number of works which became significant milestones in his work. These are “Delta” – a story about Alexandria, “Light of the Zodiac” – an essay about Cairo, verses “Cairo”, “Alexander in Egypt”, “Flight into Egypt”, etc.

Well-known Russian Egyptologist Vladimir S. Golenishchev, a rich man who had been fond of ancient Egypt since his childhood and knew the ancient Egyptian language, made annual trips to Egypt, during which he amassed a collection of Egyptian antiquities. Subsequently, he went bankrupt and had to sell to the state the collection containing more than 6 thousand exhibits. Before the 1917 revolution, he had been the curator of the collection of Egyptian antiquities in the Hermitage. He did more than 50 translations of ancient Egyptian texts and comments to them into Russian. It is important to note that it was he who founded the Department of Egyptology at Cairo University. The Egyptian Hall of the Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow is almost 100% filled with his personal collection. He bequeathed his archive to Garneau, the Frenchman who took it to Paris, where it became the foundation of the scientific institute-centre of V.S. Golenishchev.

In 1869, delegations from many European countries arrived in Egypt for the opening of the Suez Canal. Russia sent a steamer; on its board as part of the Russian delegation, there arrived the famous maritime painter Ivan Aivazovsky, who had been commissioned to sketch the opening of the Suez Canal. He was fascinated by the greatness of the desert, the pyramids, the sphinxes, and on his return he painted a number of pictures on Egyptian subjects: “The caravan in an oasis. Egypt” (1871), “Pyramids” (1895), “Scenes from Cairo Life” (1881).

In the era of decadence, at the turn of the 20th century, in Russia there was a new surge of interest in Egypt, which was largely due to the search for a new world view, accompanied by an appeal to mysticism, as we see in the works by V. Solovyov, V. Rozanov, A. Benois. In 1908, there was staged A. Arensky’s ballet “Egyptian Nights”. In 1916, V. Bryusov published a stylized continuation of

⁸ M.A. Rodionov, “Rossiya kak inokulturniy areal v arabskoy traditsii,” in *Vsmatrivayas drug v druga. Rossiya i arabskiy mir; vzaimnoye vospriyatiye. Sbornik statey* (Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2013): 23–31.

Pushkin's poem "Egyptian Nights". In late 1909, Balmont visited Egypt and wrote a series of essays, which later became part of the book "The Edge of Osiris" (1914).

Main vectors in the development of bilateral cooperation in the 20th–21st centuries

In the early 20th century, it was the October Revolution of 1917 in Russia which had a significant impact on the progressive part of Egyptian society. Although at first the communist movement in Egypt was weak and fragmented, the communist groups united hundreds of people at best, mainly from the progressive intellectuals; in 1922 the Socialist Party of Egypt was recognized as a member of the Comintern (Communist International) and became known as the Communist Party of Egypt⁹.

The socialist ideas, which at that time gained wide popularity in various countries of the world, proved to be not alien to Islamic organizations: many Muslim theologians proclaimed the kinship of the original Islam with socialism; they even preached "Islamic socialism", which had many adherents in the Arab countries, including Egypt¹⁰.

In the Soviet era, there radically changed the ideological tasks of the art the main goal of which was the glorification of the revolution, its heroes and leaders. The revolution was an event of a worldwide scale, which inevitably brought to the forefront monumentality as a stylistic dominant. This primarily affected the image of Moscow. In these conditions, the relevance of the obelisk and the pyramid was especially evident against the background of the search for a new symbolism different from the forbidden Christian one. The obelisk became one of the main forms of revolutionary monuments (for example, the "Obelisk of Freedom", 1918), which was widely spread due to the simplicity, laconicism and expressiveness of its image. The monument-obelisk in the Alexander Garden, erected originally to the 300th anniversary of the House of Romanovs, was converted into a monument in honour of the heroes of the revolution. It is no coincidence that during the construction of the Lenin Mausoleum, architect A. Shchusev used the theme of the pyramid symbolizing the greatness of the deceased man.

It should be noted that at the end of World War II, in Egypt interest in the USSR was great, and the attitude of the Egyptians to Soviet people was

⁹ E.M. Primakov, *Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami* (Moscow: Rossiyskaya gazeta Publ., 2006), 71.

¹⁰ *Ibid.*, 16.

sincerely sympathetic. On May 15, 1944 with the showing of the documentary “Stalingrad” in the Cairo cinema “Opera”, there was launched a campaign to raise funds to help the civilian population of the USSR. The whole Egyptian political elite headed by King Farouk were present at the screening¹¹

It was during the presidency of Gamal Abdel Nasser that the Russian-Egyptian relations experienced an unprecedented heyday. However, as E.M. Primakov notes, when the “Free Officers” came to power in Egypt, at first the attitude towards them in Moscow was rather skeptical. The main evaluation criterion at that time was the distance that separated them from local communists. In Egypt this distance was very significant¹². After the 1952 revolution, Nasser began to implement socialist-oriented reforms, directing Egypt’s foreign policy towards close cooperation with the USSR. During that period (1955–1975), there was unprecedentedly large-scale bilateral cooperation in the military sphere. According to the former Soviet ambassador to Egypt A. Belonogov, in those 20 years the USSR delivered weapons, ammunition and various military equipment to Egypt for more than 5 billion roubles (at that time the rouble rate was higher than the dollar) on favourable terms (50% of the cost). In that period, about 8000 Egyptian soldiers were trained in the USSR¹³. In Egypt, there were opened representative offices of Aeroflot, Intourist, Vneshtorgbank, Sovexportfilm, International Book, Marine Ministry, Fisheries Ministry, Novosti news agency, which proves the development of the bilateral contacts in a wide variety of spheres. The apogee of that cooperation was the construction of the Aswan High Dam in Egypt with the help of Soviet specialists; the Aswan High Dam is the energy base of the Egyptian economy. After the completion of the construction in honour of the Soviet-Egyptian friendship, there was erected a 76-meter monument in the shape of a blossoming lotus.

It is obvious that the necessary prerequisite for the development of the national economy of a particular country is the creation of an energy base in it. It was with this that the economic cooperation of the USSR with Egypt was launched. The Aswan hydropower complex became the largest facility, the construction of which was provided with economic and technical assistance¹⁴.

¹¹ *Afrika vo vtoroy mirovoy voyne* (Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 2005), 35.

¹² E.M. Primakov, *Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami* (Moscow: Rossiyskaya gazeta Publ., 2006), 71.

¹³ A.M. Belonogov, *Posol v strane pyramid* (Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2008), 113.

¹⁴ *Afrika v sovremennom mire i rossiysko-afrikanskiye otnosheniya* (Moscow: Institut Afriki Publ., 2000), 56.

In addition, the metallurgical plant built with the technical assistance of the USSR in Nag Hammadi still produces 240.000 tons of aluminum per year.

Amidst these changes, in Egyptian literature there started to dominate the socialist trend, taking as its basis the artistic principles of Russian and Western European realistic classical literature of the late 19th and early 20th centuries. It is the analysis of the development of individual and society which began to occupy the central place in literary works. The generation of Egyptian innovative writers proclaimed as their main task the creation of their national literature. Renouncing the attempts to revive the genre forms of the classical medieval literature, but not interrupting the connection with the tradition, the “new realists” of the 1950s were guided by Chekhov’s stories and Italian neo-realism. There were created epic novels like “War and Peace” by Leo Tolstoy, completing the formation of a new genre system of Egyptian prose. Under the great influence of F.M. Dostoevsky (along with the works of Sartre, Camus, Hemingway), whose collected works were published in Egypt in the late 1950s, one sees in Egyptian prose not the previous integral vision (rua) of the surrounding world by the author, but the depiction of this world in the individual subjective perception of the characters. Of great popularity were the works by A.M. Gorky, which (in particular, the play “The Lower Depths”) in 1956 inspired the Egyptian writer Noaman Ashur to write the play “People who are at the bottom”. The play was a great event in the theatrical life of Egypt, laying the foundations of the author theatre. Many researchers noted A.P. Chekhov’s great influence on the work of one of the most talented Arab writers of the 20th century, Youssef Idris: for example, his stories “In Assiut”, “Not to blame”, “After the walk”, etc. The common motives of the early stories of the two writers are indeed obvious; however this is not a borrowing and imitation, but a result of the similarity of attitude and understanding of the human personality, which is partly explained by the commonality of the profession and medical practice. Thus, by the middle of the 20th century, the experience of Western European and Russian realistic prose had been assimilated and revised by Egyptian writers, and it became a natural part of their artistic consciousness¹⁵.

At the same time, in Egypt there was forming the system of musical education, where a significant role was played by Soviet musicians invited to Egypt to work. On the other hand, many Egyptian musicians studied at music educational institutions in the USSR. Along with that, in Russia the Arab music school has been known for a long time to a wide audience, in particular, through the adaptation in the works of Russian composers A.P. Borodin, M.A. Balakirev,

¹⁵ V.N. Kirpichenko, V.V. Safronov, *Istoriya egipetskoj literatury 19–20 vekov*. Vol. 2 (Moscow: Vostochnaya literature RAN Publ., 2003), 269.

N.A. Rimsky-Korsakov. As A.Z. Yegorin states, “There is no doubt that the long-standing and established connections of writers and thinkers, artists and poets of Egypt and Russia mutually enriched and still enrich Russian and Arab cultures”¹⁶.

In the 1950s there were opened specialized scientific institutions the main task of which was “to study history, economy, language and literature of the peoples of Africa”, including Egypt, concentrating this “mainly at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences”¹⁷.

Subsequently, the political situation played a decisive role in the development of the bilateral relations: during the presidency of Anwar Sadat, who reoriented to the West, the spheres of the development of Soviet-Egyptian relations considerably narrowed, in particular, at most facilities (98) the cooperation ended; Soviet specialists continued to work only at 13 facilities, where they mainly engaged in modernization (Helwan metallurgical plant, cement plant in Assiut, at-Tabin refractory plant, etc.). The Soviet propaganda mainly portrayed Egypt in the negative light, emphasizing the American presence. The Egyptian propaganda responded in the same way, criticizing the socialist ideas and the Soviet leadership. It was only with pragmatic politician Hosni Mubarak’s coming to power that there began gradual normalization of the relations and their return to the previous level. According to A.M. Rodriguez, Hosni Mubarak actually continued Sadat’s course, mitigating his excesses in both economic and political life. From 1987, there began the period of improving relations of Egypt with the Arab countries, as well as with the USSR, while Egypt continued to get full support from the Western powers, primarily the USA¹⁸.

It should be noted that in the early 1990s the contacts between Russian and Egyptian Muslims sharply intensified, which was due to the fact that foreign contacts of Russian Muslims went out of state control after the collapse of the USSR and their connections with religious non-governmental organizations of Islamic countries, including Egypt, were intensified with the aim of reviving the Muslim religion in places of its traditional distribution in the territory of Russia. Their cooperation with the Egyptian al-Azhar University which is considered the largest centre for the training of Muslim theologians and ministers of the cult developed especially actively. The main direction of this cooperation were the preparation of clergymen for Russian Muslim institutions and organizations at al-

¹⁶ A.Z. Egorin, *Egipet v pamyati russkoy* (Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2015), 51–52.

¹⁷ Arhiv RAN, f. 2, op. 6a, d. 124, ll. 4–5.

¹⁸ A.M. Rodriguez, *Istoriya stran Azii I Afriki v noveyshee vremya* (Moscow: Prospekt Publ., 2006), 392.

Azhar University and the invitation of Egyptian teachers to Russian educational institutions for the same purpose.

This rapidly expanding cooperation has sparked a surge of interest of Egyptian researchers in the Muslims of Russia. Some Egyptian researchers dedicated their works to studying the features of Islam in Russia, its distribution areas, the number of Russian Muslims¹⁹.

But in the opinion of a number of experts, along with positive results there has been a disturbing trend as some students of al-Azhar were influenced by the ideology of religious revival taught by some preachers²⁰.

A great achievement in the development of the bilateral relations in the scientific sphere was Russia's getting the right to excavate in Egypt. After the completion of the archaeological works under the guidance of B.B. Piotrovsky in the early 1960s, Russia for a long time had no opportunity to excavate in Egypt, although scientific expeditions from other countries continued to actively work there, as the legacy of the ancient Egyptian civilization is so great that for searches and studies of artifacts Egypt is forced to seek help from foreign Egyptologists. Thanks to the support of famous Egyptian archaeologist Dr. Zahi Hawass, who in 2002 was appointed Director General of the Supreme Archaeological Council of Egypt, in the permanent committee on Egyptian antiquities, after many years Russia began to excavate in Giza again.

It is tourism which has had a special place in the bilateral relations until recently. As the foreign trade activity of Egypt is characterized by a huge chronic deficit, tourism occupies a special place in the structure of the economy. Before the severing of tourist connections with Egypt for the reasons related to the security of Russian citizens, Egypt had been annually visited by about 2 million Russian tourists (14% of foreign tourists) who spent about 2 billion dollars in the resorts of Hurghada and Sharm al-Sheikh²¹.

It should be noted that it was President Putin's first visit to Egypt in April 2005 which was the first impetus to the development of the bilateral relations; in particular, there began cooperation in the areas of business and investment (for example, the Egyptian side invested 250 million dollars in the production of TU-204 aircraft), Egyptian aviation company "Egypt Air" and the tourist

¹⁹ Masri Djamil Abdulla Muhammad, *The modern Islamic world and its problems* (Al-Riyad: asl-Abikan Publ., 2000), 498–525.

²⁰ A.B. Podtserob, *Rossiyskiy islam i zarubezhniye RNPO* (www.iimes.ru/rus/stat|2008|12-03-08).

²¹ S. Zhdanov, *Arabskiye strany v mirovoy ekonomike* (Moscow: MGIMO-Universitet Press, 2015), 139.

company “Egypt Travel” opened their agencies in Russia, there were organized numerous exhibitions and festivals, tours of art groups; in 2006 in Cairo there was founded the Egyptian-Russian University. In addition, there were developing the contacts between religious figures of the two countries who actively participated in the international public forum “Dialogue of Civilizations”²².

At the present stage, it is the bilateral relations in the sphere of education which are developing very actively. In both countries, the leading educational institutions train specialists in the field of Arabic studies, Egyptology, and Russian studies. In Russia these are Lomonosov Moscow State University, St. Petersburg University, MGIMO, the RUDN University, Kazan University, etc.; in Egypt – Cairo University, Ain Shams University. A milestone in this direction was the creation of Egyptian-Russian University in the suburb of Cairo in 2006 under the leadership of Dr. Sherif Helmi, the first university in the Arab world having partnerships with seven leading Russian universities, including the RUDN University. Within the framework of these agreements, there are carried out academic exchanges, exchange of scientific publications; there are summer and winter schools for students and university lecturers.

It is necessary to say that Egyptian researchers throughout the history of the relationship between the two countries indicate a significant difference in Russian oriental studies from the Western ones. They consider that Russian oriental studies have never been based on the idea of enmity between the West and Islamic East or religious fanaticism, but its incentive was to know the East. Thus, the well-known Egyptian scholar Ashraf Muhammad Abdel Rahman Minis notes that Russian travelers and orientalists differ in friendliness and sympathy for the Arabs and an objective analysis of events in contrast to Western orientalists who treat Egyptians with a sense of superiority, and their works shows a prejudiced attitude toward the described phenomena and events. This approach makes Russians closer to Egyptians and more respected by them than Western orientalists.²³

Conclusions

Thus, one can say that the bilateral relations in terms of intercivilizational interaction were developing gradually. They got the first powerful impetus to their development during the rise of the Russian Empire and the consolidation

²² А.М. Васильев, *Ot Lenina do Putina. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke* (Moscow: Tsentrpoligraf, 2018), 463.

²³ Ashraf Mohammed Abdel Rahman, *Russian Travellers and Orientalists and their Vision of Egypt of the Times of Muhammad Ali* (Cairo: Adab Publ., 2015), 101–102.

of its positions in the international arena, namely during the reign of Peter the Great and Catherine the Great, which was associated with Russia's active foreign policy. Subsequently, these relations were expanded and cemented, obtaining a powerful basis for the development through the establishment of Oriental studies, Egyptology, and Russian studies, embracing new spheres.

The political situation and economic factors had decisive influence on the dynamics of the development of Russian-Egyptian relations. At the same time, historical experience shows that real cooperation between peoples is possible only under conditions of mutual respect for national interests, constructive dialogue, the desire to learn each other and to enrich themselves with each other's experience, rather than by imposing their values.

Due to its geographical location, demographic potential, its key role in the region, Egypt has traditionally been the sphere of Russia's interests. Currently, Russia is actively seeking to return to the region.

With a solid historical base, the bilateral relations significantly expanded in the first decade of the 21st century due to the agreements on cooperation in the economic sphere, scientific and technical aspects, including the field of high technologies, nuclear energy, communications, medicine, pharmaceuticals, space area. The cultural cooperation has gained a new impetus. At the same time, it should be noted that at the moment the bilateral relations are experiencing stagnation due to a number of crisis phenomena taking place in Egypt, primarily in the security sphere.

© Galina Lukyanova, Elena Paymakova, 2018

Submitted: 2 May 2018

Рукопись поступила: 2 мая 2018 г.

References

- Ad-Dali Mohammed Sabri. *Contemporary Russia in the Egyptian historical texts*. Cairo: Supreme Council for Culture Publ., 2008 (in Arabic).
- Ashraf Mohammed Abdel Rahman. *Russian Travellers and Orientalists and their Vision of Egypt of the Times of Muhammad Ali*. Cairo: Adab Publ., 2015 (in Arabic).
- Afrika vo vtoroy mirovoy voyne* [Africa in World war II]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 2005 (in Russian).
- Afrika v sovremenom mire i rossiysko-afrikanskiye otnosheniya* [Africa in the modern world and Russian-African relations]. Moscow: Institut Afriki Publ., 2000 (in Russian).
- Belonogov, A.M. *Posol v strane pyramid* [Ambassador to the land of the pyramids]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2008 (in Russian).

- Belyakov, V.V. *Yegipet vdol i poperyok. Istoricheskiy gid* [Egypt up and down. Historical guide]. Moscow: Vetche Publ., 2005 (in Russian).
- Vasilyev, A.M. *Yegipet i yegiptyane* [Egypt and Egyptians]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2008 (in Russian).
- Vasilyev, A.V. *Ot Lenina do Putina. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke* [From Lenin to Putin. Russia in the Middle East]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2018 (in Russian).
- Gerasimov, O.G. *Vostotchnyye uzory* [Oriental patterns]. Moscow: Nauka Publ., 1993 (in Russian).
- Zhdanov, S.V. *Arabskiye strany v mirovoy ekonomike* [Arab countries in the world economy]. Moscow: MGIMO-Universitet Press, 2015 (in Russian).
- Egorin, A.Z. *Egipet v pamyati russkoy* [Egypt in memory of Russian]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Ivanov, N.A. *Trudy po istorii islamskogo mira* [Works on the history of the Islamic world]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2008 (in Russian).
- Kirpichenko, V.N., Safronov, V.N. *Istoriya egipetskoy literatury 19–20 vekov* [History of Egyptian literature of the 19th–20th centuries]. Moscow: Vostochnaya literature RAN Publ., 2003 (in Russian).
- Masri, Djamil Abdulla Muhammad *The modern Islamic world and its problems*, al-Riyad: al-Abikan Publ., 2000 (in Arabic).
- Norov, A.S. *Puteshestviye po Yegiptu i Nubii v 1834-1835 gg* [The journey through Egypt and Nubia in 1834-1835]. Sankt-Petersburg Publ., 1840 (in Russian).
- Podtserob, A.B. *Rossiyskiy islam i zarubezhniye RNPO* [Russian Islam and foreign religious non-govenmental organizations]. www.iimes.ru rus|stat|2008|12-03-08 (in Russian).
- Primakov, E.M. *Mir posle 11 sentyabrya* [The world after September 11]. Moscow: Mysl Publ., 2002 (in Russian).
- *Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami* [East on stage and behind the scenes]. Moscow: Rossiyskaya gazeta Publ., 2006 (in Russian).
- Rodionov, M.A. “Rossiya kak inokulturniy areal v arabskoy traditsii.” [Russia as an ethno-cultural area in the Arab tradition] In Smilyanskaya, I.M. ed. *Vsmatrivayas drug v druga. Rossiya i arabskiy mir; vzaimnoye vospriyatiye. Sbornik statey* [Looking at each other. Russia and the Arab world; mutual perception. Collected papers], 23–34. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Rodriguez, A.M. *Istoriya stran Azii I Afriki v noveyshee vremya* [History of Asia and Africa in modern times]. Moscow: Prospekt Publ., 2006 (in Russian)..

Archives

Arhiv RAN [Archive of Russian Academy of Scinse], f. 2, op. 6a, d. 124.

Российско-египетские отношения в аспекте междивизиационного взаимодействия

Г.О. Лукьянова^а, Е.А. Паймакова^а

^аРоссийский университет дружбы народов
117198 Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
lukianova_go@rudn.university

Аннотация: Статья посвящена развитию российско-египетских отношений в аспекте междивизиационного диалога. В ней анализируется динамика развития отношений в различные исторические эпохи, а также факторы, оказавшие решающее влияние на характер двустороннего взаимодействия. Глобализационные процессы, в условиях которых живет современный мир, расшатывают все сложившиеся на протяжении многих веков модели национальной и культурной идентификации и ставят под угрозу само существование народов, наций и культур в их нынешнем виде. Это вызывает закономерное сопротивление, стремление к сохранению национальной идентичности. В сложившихся условиях особую значимость приобретает межнациональный культурный диалог. Данная статья посвящена рассмотрению подобного диалога российской и египетской культур, где особую роль играли и продолжают играть политические, экономические, культурные, научные и духовные связи. Идеи Л.Н. Толстого, А.М. Горького и других деятелей русской культуры, проникшие в Египет, получили здесь особую популярность, оказав значительное воздействие не только на умы прогрессивной египетской интеллигенции, но и на развитие египетской литературы. Хотя Россия долгое время рассматривалась арабскими и, в частности, египетскими историками и общественными деятелями как часть Запада, после октябрьской революции 1917 года в России Советское государство стало восприниматься как особая сила, противостоящая материалистическому Западу. Начиная с 50-х гг. XX в. большое значение для Египта имеет военно-техническое, экономическое и культурное сотрудничество с СССР, впоследствии – с Россией. В то же время в статье анализируется влияние египетской культуры на духовную и интеллектуальную жизнь России.

Ключевые слова: российско-египетские отношения, междивизиационное взаимодействие, культуры Востока и Запада, политическая конъюнктура

Для цитирования: Лукьянова Г.О., Паймакова Е.А. Российско-египетские отношения в аспекте междивизиационного взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 718–734. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-718-734

НАШИ АВТОРЫ
• • •
CONTRIBUTORS TO THIS ISSUE

Абулханов Наиль Бариевич (г. Казань, РФ) – имам-мухтасибата Нурлатского района Республики Татарстан, ведущий специалист отдела науки и образования Централизованной религиозной организации – Духовное управление мусульман Республики Татарстан (ЦРО – ДУМ РТ). Выпускник Российского исламского института (г. Казань) и Академии наук Республики Татарстан (АН РТ). Является специалистом по научно-богословской мысли мусульман Российской империи, СССР, Российской Федерации. В сферу научных интересов входят проблемы развития религиозно-богословской мысли мусульман России – от Поволжья до Средней Азии, реформация мусульманского общества периода Российской империи. Имеет ряд публикаций на указанную тему. Является действующим руководителем местной мусульманской религиозной организации (в структуре Духовного управления мусульман Республики Татарстан). E-mail: nailbulhanov@mail.ru

Адыгамов Рамиль Камилович (г. Казань, РФ) – кандидат исторических наук (Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2006), доцент, старший научный сотрудник отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. С 2011 по 2013 г. являлся первым заместителем председателя Централизованной религиозной организации – Духовное управление мусульман (ДУМ) Республики Татарстан; с мая 2013 г. – Председатель совета улемов ЦРО – ДУМ Республики Татарстан, а также заведующий кафедрой Казанского исламского университета. Сфера научных интересов – ислам в истории и культуре татарского народа, арабоязычное наследие Г. Утыз-Имяни. E-mail: abu_muhammad@mail.ru

Брежнева Светлана Николаевна (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, РФ) – доктор исторических наук (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2005), профессор кафедры истории России Ленинградского государственного

университета имени А.С. Пушкина. Специалист по истории Туркестана, его взаимоотношений с Российской империей. Сферой научных интересов является также историография истории присоединения Туркестана к России. Автор более 100 научных трудов, в том числе монографий: «Присоединение Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии» (2004), «Современная историография русско-азиатских отношений в период присоединения Туркестана к России» (2007), а также ряда коллективных монографий, последняя из которых – «Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.)» (Институт всеобщей истории РАН, 2017). E-mail: brezhneva_s_n@mail.ru

Галимова Юлия Шагимурдановна (г. Уфа, РФ) – аспирант кафедры истории России, историографии и источниковедения Башкирского государственного университета. Областью научных интересов является изучение развития офтальмологической службы в Уфимской губернии в дореволюционный период. E-mail: yula347@gmail.com

Грушецкая Виктория Александровна (г. Симферополь, РФ) – кандидат исторических наук (Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника, г. Ивано-Франковск, Украина, 2016), старший преподаватель кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сфера научных интересов – региональный комплекс традиционного костюма тюркоязычного населения Крыма конца XVIII – начала XIX в.; традиционные ремесла и промыслы, связанные со спецификой производства одежды; этнокультурное пограничье и проблема национальной идентичности народов Крыма. E-mail: victorianage89@gmail.com

Дацышен Владимир Григорьевич (г. Красноярск, РФ) – доктор исторических наук (Иркутский государственный педагогический университет, 2001), профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета, профессор Хэбэйского педагогического университета (КНР). Автор около 500 научных публикаций, включая более 20 авторских монографий в России и за рубежом по проблемам истории международных отношений, миграционных процессов в Азии и российского востоковедения. В их числе: «История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв.» (2014),

«Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг.» (2014), «История русского китаеведения 1917–1945 гг.» (2015), «Изучение истории Китая в Российской империи» (2016). E-mail: *dazishen@mail.ru*

Лукьянова Галина Олеговна (г. Москва, РФ) – кандидат филологических наук (Российский университет дружбы народов, 2004), доцент, заведующая кафедрой иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. Сфера научных интересов – филология, история арабских стран, международные отношения, методика преподавания арабского языка в вузе. Автор книг: «Королевство Марокко – жемчужина Арабского Запада» (2015), «Мы говорим по-арабски» (2017), «Знаешь ли ты арабскую литературу?» (2014), «Вводно-фонетический курс арабского языка» (2018). E-mail: *lukianova_go@rudn.university, go_lukyanova.rudn@mail.ru*

Марданова Динара Зариповна (г. Казань, РФ) – научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани Академии науки Республики Татарстан (АН РТ). С 2016 по 2018 г. – ведущий библиограф Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ. Выпускница Учебного научно-исследовательского центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета и магистратуры исторического факультета Европейского университета в Санкт-Петербурге, соискатель степени кандидата исторических наук Казанского федерального университета. Сфера научных интересов – история ислама в России, религиозная полемика последней трети XIX – начала XX в. в Поволжье между мусульманскими учеными, исламо-христианская религиозная полемика, реформирование ислама в Российской империи. E-mail: *dinara.mardanova@gmail.com*

Набиев Ринат Ахметгалиевич (г. Казань, РФ) – доктор исторических наук (Московский педагогический государственный университет, 1993), профессор кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Казанского федерального университета. Является специалистом по государственно-конфессиональным и межконфессиональным отношениям и истории ислама в России. Имеет более 200 научных публикации, в том числе монографические исследования «Ислам и государство» (2002), «Ислам на европейском Востоке» (2004), «Государственно-профессиональные отношения в России» (2013), «Власть и религиозное возрождение» (2014).

В рамках издательской серии созданного по инициативе автора общественного института «Культура, религия и общество» и под его редакцией имеется 27 выпусков: монографии, научных сборников, энциклопедий, научно-методических изданий по государственно-межконфессиональным отношениям, истории православия и ислама в Приволжском регионе. E-mail: ranabiev@gmail.com

Непомнящий Андрей Анатольевич (г. Симферополь, РФ) – доктор исторических наук (Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского Национальной академии наук Украины, 2002), профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Разрабатывает проблемы исторического крымоведения. Основатель и руководитель научной школы истории крымоведения (зарегистрирована в 2015 г.). Основатель и редактор научной книжной серии «Биобиблиография крымоведения». Основные научные труды: «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века)» (2001), «Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): біобібліографічне дослідження» (2003), «Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения» (2005); «Подвижники крымоведения»: в 2-х ч. (2006–2008), «Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения» (2012), «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» (2015). E-mail: dr.aan@mail.ru

Паймакова Елена Альбертовна (г. Москва, РФ) – кандидат филологических наук (Московский педагогический государственный университет, 1999), доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН. Сфера научных интересов – английская филология (лексикология, грамматика, история английского языка); методика преподавания английского языка в вузе. E-mail: e.paymakova@gmail.com

Петров Владимир Иванович (г. Краснодар, РФ) – кандидат исторических наук (Оренбургский государственный университет, 2006), доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета. Специализируется в области истории народов Среднего Поволжья и Урала. Автор монографий: «Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века» (2005), «Духовенство Среднего Поволжья и Южного Урала в пореформенный период» (2010), «Состав и социальные

изменения податных сословий Урала и Поволжья во второй половине XIX в.» (2013). E-mail: *history1380@mail.ru*

Субботина Анна Михайловна (г. Ижевск, РФ) – кандидат исторических наук (Удмуртский государственный университет, 2000), доцент, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук». С 2000 г. и по настоящее время преподает дисциплины культурологического и культурно-исторического профиля в Удмуртском государственном университете. Специализируется в области истории самоуправления и этнокультурных взаимодействий в России, Удмуртии и Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Является автором монографий «Земство и удмуртская крестьянская община. Инновационный потенциал народной агрикультуры» (2010), «Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918)» (2017). E-mail: *anmisu@yandex.ru*

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2019 г.

Том 18, № 1 (2019)	
Выход из печати	февраль 2019 г.
Прием статей до	15 ноября 2018 г.
Тема спецрубрики:	К 100-ЛЕТИЮ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА. ЭХО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ Предлагается обсудить проблему разработки проекта, реальный опыт реализации идеи безопасного мирового порядка в рамках Версальской системы, места и роли в нем России; социально-политические практики в межвоенный период, формирование исторической памяти о Великой войне в советском и русском эмигрантском обществе, способы репрезентации прошлого, коммеморативные практики. В рамках тематики предлагается также обсудить проблемы Гражданской войны в России в контексте «меняющегося мира» и формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.
Том 18, № 2 (2019)	
Выход из печати	май 2019 г.
Прием статей до	15 февраля 2019 г.
Тема спецрубрики:	ИСТОРИЯ РОССИИ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ В рамках данной проблематики предлагается обсудить социальные институты и организации, которые структурируются гендером в дореволюционной России и СССР; субъективную гендерную идентичность; показать особенности частной жизни женщины в России, значение семьи и гендерного иерархического устройства, социальную историю женщины; раскрыть деятельность женщины в публичной сфере, изменения в истории повседневности советской женщины.

Том 18, № 3 (2019)	
Выход из печати	август 2019 г.
Прием статей до	15 мая 2019 г.
Тема спецрубрики:	<p>ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБМЕН</p> <p>В рамках данной проблематики важно осветить вопросы, связанные с международным культурным диалогом России, осознающей свои национальные интересы и прилагавшей в разные исторические периоды необходимые усилия для продвижения своей культурной дипломатии; дать оценку внешней культурной политики России/СССР, в том числе в отношении народов, включенных в состав Российской империи; показать отражение вопросов, связанных с историей русской миграции на территорию Средней Азии в общественной мысли России.</p>
Том 18, № 4 (2019)	
Выход из печати	ноябрь 2019 г.
Прием статей до	15 августа 2019 г.
Тема спецрубрики:	<p>РОССИЯ И КИТАЙ</p> <p>В рамках данной проблематики предлагается обсудить различные аспекты истории российско/советско-китайского политического, экономического и культурного сотрудничества с учетом влияния конфуцианских ценностей и концепции «гармоничной культуры» на гуманитарное сотрудничество двух стран; показать новые формы взаимодействия РФ и КНР в рамках сложившихся геополитических реалий конца XX – начала XXI в.</p>

Редколлегия журнала

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом от 40 до 60 тыс. знаков, включая подстраничные сноски и межсловные интервалы (пробелы) и без учета аннотаций и References, в формате MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены два файла.

Первый файл должен содержать в себе статью без указания автора. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы).

Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных ссылок на оригинальном языке опубликования. В сносках обязательно необходимо указывать название издательства. В случае его отсутствия ставить пометку [Б.и.], если цитируемая публикация на русском языке или [S.n.], если цитируемая публикация на иностранном языке.

Вторым файлом по электронному адресу корпоративной почты журнала направляются *текст англоязычной аннотации* объемом не менее 250 и не более 300 слов и ее русскоязычный исходный текст; название статьи, ФИО автора, название организации и ее адрес на русском и английском языках.

Здесь же автор размещает развернутую *информацию о себе* на русском языке с указанием города проживания, страны, ученой степени (в скобках необходимо дать информацию о месте и годе защиты), ученое звание, место работы, должность, основные научные достижения, контактный e-mail.

Также в файле размещается библиографический список в латинизированной форме – *“References”*, который выстраивается в английском алфавите. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстраничных сносках и производится в соответствии с правилами *“Чикагского стиля цитирования”* (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте *“Note and Bibliography System”*. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография).

Файлы направляются по электронному адресу корпоративной почты журнала: *rushistj@rudn.university*. Анонимный файл с рукописью должен быть дополнительно загружен на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Адрес электронной почты: *rushistj@rudn.university*